

Эдуард
Беспяткин

1000
999

18+

Оглавление

Чужая	3
Шпагат	10
Сушки	26
Улетая	32
Диван	51
№221-В	64
Портрет	82
Ромашки	93
Настенька	99
1999	109
Палево	126
Олени	132
Тетро	138
Городки	150
Запой	175

Чужая

Настоящая женщина — настоявшаяся женщина
Перебродившая без воздуха и уксуса
Созревшая ягода не при дожде собранная
Без дрожжей и добавок с куста,
Который на солнце смотрит радостно
И кожа мягкая, но твёрдая для терпкости
А сахара, чтоб не превратилась в бражку
Не липнуть портвейну подобно, а
С горечью вермута и кислым рислингом в башку
Когда пьянея смотришь через стекло тёмное
И видишь при луне танцевальные па
Кружатся струи то тёмные, то светлые
И наплевать, что женское и стрёмное
А просто нюхаешь и в голове фонарики
То вдруг зажгутся, то едва, едва заметные
Вот женщина не будет настоящей если
Мешать её с напитками зловещими
На вроде пива там или настойки из полыни...
Нет мы должны петь только радостные песни
А не бурчать под нос плохие вещи
Когда та женщина с тобой легла на простыни
Когда глоток, ещё один и ты не раб не господин
Незнамо кто бредёшь в тумане без гроша в кармане
А рядом та, с распущенными волосами
И не хватает воздуха, зато не скиснет сусло...
Прожить часами и годами до скончанья века
На пару с женщиной из тех плодов и ягод
Вкусив вина которых станешь человеком...

Нет, ну вы сами подумайте! Как так-то?! Как, я вас спрашиваю, можно понять всю эту похмельную диалектику и ещё любить кого-то паскудной душонкой? Тьфу, блядь!
Я умывал руки; и лицо тоже умывал. Вода была холодная и цветом необычная —

зеленоватая. Вчера такой же туман помог мне заблудиться и попасть в это место. Из проклятых далей я пришёл, где люди друг на друга с балконов лаяли, а в чьей-то машине страдала Таня Буланова. А всё после встречи с ППС-никами...

Нас было трое — избранных. И мы были полны идей и отваги под завязку. Потому не стоило бы стражам объяснять нашему ордену, что такое закон и зачем нужен порядок. Это мы и без них знали. Причём тут дубинки? Неправильные люди ходят по Земле и всё понимают по-разному. Потому и сожгли мы их поганые фуражки дотла — в знак недоброй воли. А этих с погонами оставили сидеть на лавочке, как Кая и Герду, пока розы не вырастут. И мечи к урне прислонили. А потом мы бежали через лог, через кладбище и мимо прудов.

В старом карьере есть много волшебных мест и хворост для костра. Частный сектор опять же рядом и самогонщица баба Оля. Но нам помешал туман.

Да, этот сраный зеленоватый туман появился внезапно и повредил все компасы и астробии. И мы рассеялись по миру, подобно святому семени...

Но я не стал никого на помощь звать, а просто шёл вперёд, как полярный исследователь, руками раздвигая сырые клубы проклятого тумана. И, в конце концов, я вышел на трассу. А уж по трассе я ходить умею. Да любой знает, что если идти вдоль, то попадёшь в каменный замок с полосатыми знамёнами. А вот если поперёк — увидишь единорога и тебе, возможно, нальют бесплатно в гранёный стакан.

Вот поэтому я прошёл чуть-чуть вперёд, а затем пересёк путь свой — в районе садоводческого товарищества «Заречное». Там я и встретил пьяных людей из известного всем клана. Там же испил до дна поднесённой чаши. Но присягать и давать лютые клятвы не спешил. Знаем мы эти игры престолов. Ну их, нахуй!

Но мне бы до утра продержаться. До первого автобуса, что уныло отвезёт меня в королевские покои. А уж там я встречу свою королеву, если ей, конечно, не отрубят голову мятежные вассалы. Впрочем, здесь, в садовом домике, трапезничали хоть и не рыцари, но и не крестьяне. Мастерские люди и обычные шлюхи насильно арендовали помещение в окружении плодовых деревьев и кустарников. Я предложил им плату за ночлег и выпивку, но они были благородны — плату не взяли. Зато я спел им песен разных и рассказал про марксизм. После второго они стали пить совсем уж отвратно,

без тостов и занюхивания рукавов.

Девушки, словно привидения, сами приставали к мужчинам, даже без прибавочной стоимости и нежных слов. И скрипели железные кровати, а за оконцем хулиганил пыльный ветер.

Посмотрев на всю эту среду плывущим взглядом, я прилёг на топчан в прихожке и выключил внутренний свет.

***

Так вот, умыл я руки и лицо тоже умыл. Вспомнил всё и рассказал вам без утайки. Потом решил выпить, как положено по — древнему этикету. Ну, вы понимаете. В комнатухе горел тусклый свет, но ещё не солнечный, а так, от лампочки из советского прошлого. На стенах шевелились неясные полупрозрачные тени.
— Я — мать драконов! А не ты, блядь косоглазая! — встретил меня женский голос.

Я увидел, как одна светлая дева трясла другую за блузку и груди под той блузкой перекачивались, словно пушечные ядра. А раскосая гражданка улыбалась белокурой агрессорше далёкой улыбкой пьяного сна и ничего не говорила.

Сами драконы валялись в разных местах, словно свиньи, и дышали огненным перегаром. Да, не скоро они расправят крылья и возьмут своё по праву сильного.
— Эй, дура. Отпусти коллегу, давай выпьем, — предложил я блондинке.

Та посмотрела на меня магическим взглядом и разжала пальцы. Её соперница завалилась на сундук как-то боком и пустила слюну на грязный пол.

— Выпьем, давай, — сказала мне Мать драконов.

Я разлил вино в кубки и мы дерзко опорожнили их...

В моей голове пропал утренний шум леса и успокоились мятежные духи. Женщина поставила посуду на стол и, подмигнув мне, сказала:

— Ты должен меня покрыть, добрый господин.

Или как-то по-другому сказала она. Пока я думал — покрыть или не покрыть,

гражданка страны моей уже замысловато всхрапывала рядом с косоглазой труженицей тела. В общем, я выпил ещё вина и вышел на крыльцо.

Там, в чистой природе, ещё не взошло солнце, но птицы уже робко пробовали свои голосовые связки. Молчали сверчки и не разговаривали жабы.

Я сорвал осеннее яблоко и грамотно съел его. В домик я решил не возвращаться, а отправился пешим ходом в сторону автобусной остановки. Я люблю дремать на остановках в ожидании автобусов. Да кто из нас не любит эти волшебные ожидания? Присев на сырую лавочку в тёмном углу металлической коробки, я стал медитативно просматривать старую киноленту рождения нового дня.

Сначала на экране пробежали две собаки: чёрная, с короткой шерстью, и пятнистая, с шерстью кудлатой, в которой застряли головки репейника. Та, что чёрная, закинула ногу на столб с объявлениями о продаже навоза и рассады. Другая же деловито выкусывала при этом блох. Потом обе псины равнодушно посмотрели на меня и пропали, словно нежити. Откуда-то из глубин ада пришла ко мне унижительная икота. Вскоре сюжет фильма вильнул в сторону лёгкого криминала с применением автомобиля «ИЖ-Фабула» и неуловимых бесов. Любой россиянин знает, что на этих телегах цыгане пиздят чермет и иное всякое. Так мир устроен; так должно быть от начала времён и до конца оных. С этого момента в звуковой ряд птичьих треков включился дятел со своей ритм-секцией. А свет солнечный мягко и вкрадчиво стирал ночные страхи и секреты, для новой картины похмельного утра. Но дальше пошло всё как-то не по сценарию.

В левом нижнем углу кадра появилась мятая фигура женского пола. Она, женщина эта, ползла на четвереньках — как те самые собаки давеча. При этом она приговаривала:

— Идёт бычок, качается, вздыхает на ходу...

Это вот было неожиданно и забавно. У меня пропала икота.

— Сейчас я упаду... — закончила фразу таинственная леди и в самом деле повалилась в пыльную крапиву.

Я подошел к ней и наклонился в глубоком любопытстве. Дама была знатная. Ну, уж точно не из дворни и не кухарка. Стильное тёмно-зелёное платье с вырезом на груди и

тонким пояском, туфельки лёгкие, блестящий браслетик на левой руке — всё это хозяйство было подогнано под ладную фигурку.

Я часто встречал грязных аристократок на балах или высоких приёмах, но тут всё было иначе. Эта женщина не старалась выглядеть грязной сукой, чтобы заманить рыцаря на ложе, а наоборот даже. Она была просто грязная и я сам бы хотел заманить её куда-нибудь, если бы не врождённое уважение ко всему, что нуждалось в помощи.

— Вы, это... Зачем тут ползаете, гражданка? — поинтересовался я у дамы.

Она открыла волшебные глаза голубого цвета и рассмеялась мне в лицо самым милым смехом, которого я уже давно не слышал в нашем распадающемся королевстве. Потом она указала на меня пальцем и снова засмеялась, словно ангел.

Ну, знаете ли... Это уже паскудство. Мне в лицо тычут пальцем и смеются, а я даже не плюнул в рожу эту с ободранной щекой. Нет, я даже не отвернулся и не ушёл обратно на лавочку. Плохо дело.

— Вас поднять, принцесса? Или лежать оставить? — взволнованно спросил я.

— Нет, оставлять меня не надо. Но и поднимать рано, — ответило мне красивое лицо.

— Скоро тут люди бродить будут и автобус подойдёт. Не пристало вам такой вот здесь лежать без опоры, — сказал я. — Пройдёте на лавочку и я вас отряхну, если позволите.

— Отряхни меня всю, но без шалостей, — приказала женщина в зелёном.

Я так всё исполнил, без шалостей. И когда она сидела рядом со мной, вся такая гибкая и пьяная, то кругом птицы пели, как у поэта Пеленягрэ, всякие там вальсы Шуберта. Я даже краем уха услышал хруст французской булки. А она, эта незнакомая леди, раскачивалась на три четверти и улыбалась рождению дня.

— Я несколько не жалею об этой волшебной ночи, рыцарь, — говорила она сквозь меня. — Эти поцелуи и дорогой мужчина... Как же хорошо...

— Вы потерялись? — отодвинулся я чуть далее.

— Я потерялась, я так сладко потерялась... — ответила она — На мне даже трусов нет, их я тоже потеряла.

— Я могу их поискать.

— Не стоит искать их, рыцарь. Труссы терять — к тёплому лету.

— Не будет тёплого лета, уже осень давно.

— Ай! Не говори мне этого, лучше воды дай.

— Нет у меня воды. А колонка далеко, — вздохнул я. — Могу сходить, если пожелаете.

— Не надо никуда ходить, — ответила она и вдруг предательски заглянула в мои глаза.

А там, в глазах этих, увидел я ножи и лезвия, боль и нещадно порезанное время. Снег увидел я и блеск золотой утвари. Пришлось отвернуться и сплюнуть через левое плечо. Но тёплые пальцы коснулись моей руки. Я снова глядел на неё. И уже не видел того, что напугало меня. Женщина сидела в тёмном углу, выпрямив спину, и грудь её качалась, словно морская волна. Сто пудов королева или, по крайней мере, графиня.

— А когда подадут карету? — устало спросила она.

— По расписанию.

— Тогда я посплю. А ты, рыцарь, охраняй меня, — снова приказала она.

— Да, миледи.

И пока она улыбалась во сне, я держал её за руку. Она вздрагивала порой и пальцы её то сжимались в кулачок, то распадались, подобно вееру. Губы её пытались что-то шептать, но в итоге лишь пускали редкие пузырьки. И вы знаете, как это было красиво? Утро получилось тихим и светлым. Люди дворянских сословий проносились мимо остановки в богатых экипажах к своим родовым поместьям. Те же, кто в кабале пребывал, наоборот, на своих ногах с корзинками да сумками собирались в город за провизией и налоги заплатить. Они на лавочки не садились, а собирались дружными группками для разбора всяких сплетен и глупых новостей.

И только мы со спящей красавицей сидели во тьме металлического короба, словно нетопыри. Я продолжал держать пьяную женщину за руку. Я видел, как вздрагивали у неё крылья носа и едва уловимо затягивались царапины на щеке.

Вот интересно, на какой линии она провела волшебную ночь и где тот «дорогой мужчина» со своими поцелуями? Поди, ищет свою любовь в зелёном платье и с

браслетом на левой руке. Места не находит. Уж я бы точно все уголки этого блядского СНТ «Заречное» облазил. Чужая. Чужая ты, графиня. И потому желанна, как первый глоток минералки после хмельной ночи.

И вот, скрипя железными костями, к остановке подошёл первый автобус. Горожане суетливо стали загружаться в салон, толкаясь корзинами и потными руками. Я повернулся к незнакомке и мягко тронул хрупкое плечо.

— Вставайте, леди. Пора в путь. Карета долго ждать не будет, — сказал я ей, по возможности, не грубо.

Она тяжело открыла глаза и странно посмотрела на меня, а потом на автобус. Это заняло несколько секунд. Затем она снова ушла в сонные ущелья, вырвав свою руку из моей.

— Да вставайте же вы! — разозлился я и хлопнул её по коленке.

Женщина снова открыла глаза и опять я увидел в них снег и мёрзлые семена никогда не взошедших растений. Вот что бухло с человеком делает: сначала всё весело и забавно, а потом — идите все нахуй. И что мне теперь, сидеть и о любви думать, пока она тут рядом дремлет, словно кошка? А автобус долго ждать не будет. Да и всё равно эта красивая уползёт на четвереньках обратно целоваться с каким-то там.

— Ладно, спи, графиня. Днём тебя никто не украдёт, — сказал я ей и пошёл к нервно гудевшему автобусу.

Сидячего места в салоне мне не досталось. А всё потому, что первый рейс самый решительный. Именно с утра все решают свои проблемы и задачи всякие. Поэтому и стоял я, уткнувшись в стекло, и малодушно прощаясь с тёмно-зелёным платьем, лёгкими туфелькам и поцарапанной щекой, оставшимися в тени металлической коробки. Пусть её — проспится и будет жить дальше. А я зайду в пивнушку возле автостанции и закажу пару магических кружек.

Автобус тронулся не сразу и не плавно. Весь род людской качнуло так, что в головах загудело. Вот в этом вся соль и смыслы жизнью — не сразу и не плавно. А дальше уже все движения и начнутся и спать некогда будет, ни на остановках, ни в садовых домиках. Драконы расправят крылья и возьмут своих самок по праву и без прав.

Только любовь качаться не любит и брать не умеет. Только давать. Друг другу без

прав и привилегий. Да! Конечно же! Вот что я понял! Нельзя отпускать женскую руку, если взял её не думая и без смыслов этих.

— Шеф, тормозни-ка тут! Я забыл там одну штуку! — крикнул я водиле с помятым лицом.

— Да ёбана рот... — сказал он и неприлично остановил автобус.

Когда я выскакивал на пыльную обочину, люди много чего успели мне сказать, но я не был в обиде. Ведь это я прервал их путь на какое-то мерзкое мгновение прозревшей души. Ведь это я бежал мимо окон с хмурыми лицами обратно, к металлическому замку со спящей красавицей! Так что не взыщите, граждане. Бывает.

И я вернулся, словно из далёкого крестового похода, с трофеями, победной гонореей и кровью на доспехах. Вернулся, чтобы взять любовь за руку и никогда её не отпускать. Я шёл по крапиве и тяжело дышал. Я проник в железный замок, торжествуя и оставив щит свой у порога. А потом я в досаде сел на пустую лавочку и меня первый раз за сегодня вырвало на сухую землю...

Шпагат

Дача

Каждое слово. В начале или в конце — без разницы. Каждое слово важно в нашей вяло текущей жизни промеж предметов и событий, к которым Бог не имеет никакого отношения. Да и сам этот Бог под большим вопросом в историческом материализме. А если всё вокруг имеет смыслы там или конечную цель какую, то и слова не нужны вовсе.

Но мы всё равно говорим, говорим... Сплетаем замысловатые и не очень кружева фраз, чтобы понять друг друга. И порой понимаем, и иногда меняем судьбы разные. Как вот сейчас я гляжу, сидя верхом на каком-то искусственном спутнике, на пёстрые материки и океаны сквозь пелену атмосферных спиралей. Гляжу и думаю: «Вот вы там — внизу — суетитесь, потребляете, любите и умираете, разговариваете о всякой

пустой ерунде, воюете и берёте кредиты в банках. А планета от этого что имеет? Зачем она держит вас на своей шее, словно вредных паразитов?»

И нет у меня ответов на эти простые вопросы. Есть только желание спуститься на свой участок земной коры. На свой надел, к заросшей яблонями даче. В садовый домик с крышей из профлиста С21 цвета 6005 палитры RAL. Там рядом кусты крыжовника и чёрной смородины, поливочный шланг и тропинка к речке Сосновке, забор деревянный и голос соседки Алисии, что приезжает из Москвы на лето уж второй год как.

Солнце уже подогревает округу ласково и мне тут на чёртовой орбите очень даже неуютно стало. Да ещё спутник этот жужжит своими антеннами и пускает зайчики от солнечных батарей. Всё-таки стоит взять себя в руки и прекратить эти глупые сновидения. Потому что сегодня мы заканчиваем объект и получаем деньги. А благодаря деньгам нам, граждане, будут сниться совсем другие сны. С милыми женщинами, героическими поступками и непотребством всяким — что гораздо интересней и полезней, чем разные там кредиты и планетарные масштабы. Да, пора вернуться в реальность, хотя бы ради потребительской корзины. К бесам все эти спутники и орбиты.

И я медленно открыл глаза, чтобы увидеть себя в трёхмерном измерении, а также наполнить свой день движением и хоть каким-то смыслом. Но я и представить не мог, какими будут эти движения и какие смыслы к ним приложатся...

Соседка

Они кричали друг на друга не истерично, не путая слова, а как-то грамотно и не особо громко. Взаимные обиды и лёгкая брань не так уж и сильно портили это утро. Даже шелест листьев в саду естественным фоном вплетался в эту драматическую сцену, словно в какой-то мыльной опере.

— Тебе не стоит учить меня жизни! Ты сама-то кто? — с неприятной улыбкой кричал он.

— Я вот это вот всё! Лечу людей, зарабатываю — тебе и не снилось, а ты с гитаркой

своей мечешься: «Пригласят — не пригласят? Заплатят — не заплатят?». Вон сосед заборы делает, крыши кроет. Лодка у него к мосткам привязана, а у тебя «Дэу» и кроссворды дурацкие, — без улыбки отвечала она.

— Вот и пиздуй к своему соседу в лодку. А я рожу твою без макияжа видеть отказываюсь и уйду потому. Пусть тебе сосед поёт! — выплеснул он её в лицо злые слова и стремительно покинул территорию дачи.

Загудела упомянутая выше машина. И только пыль по-над забором закружилась в сторону трассы.

Я стоял на крыльце с бутылкой минералки. И мне было вроде как стыдно. Вот так становиться свидетелем чужих скандалов или там антагонистических противоречий в обществе — неприятная штука. Впрочем, я всё равно был польщён — и за лодку, и за кровлю. Да чего уж там — я тоже на гитаре играю и песни пою, если выпью чего. Она повернулась ко мне раскрасневшаяся то ли от смущения, то ли от злых слов, прозвучавших за минуты до этого.

— Доброе утро, Алисия! — крикнул я как можно веселей.

— Доброе... Ну, конечно... — махнула она рукой и поспешно вернулась в домик.

А я задержался на крыльце. Мне почему-то вспомнились те светлые деньки, когда я чинил соседке забор и мастерил навес к веранде. Это было в прошлом году. Она мне денег дала и угощала зелёным чаем. Мы смеялись и шутили без разных там сексуальных подтекстов. Хотя вру, подтексты были. Но существовали и правила — работа и половой вопрос несовместимы для настоящего марксиста. Ну, то есть сначала работа, а потом всякие там прикосновения и трепет плоти.

Но в разгар моего трудового процесса у Алисии появился этот пижон с гитарой.

Продержался сезон. Я даже лодку им давал для романтических круизов под луной.

А лодка у меня — алюминиевая «Казанка» с лобовухой из оргстекла. И мотор есть — «Ветерок». Но на вёслах приятней женщин по волнам катать, если не далеко, конечно же.

Ну, вот они и катались. А я забор делал. А соседка моя — она то ли кардиолог, то ли стоматолог из какого-то козырного столичного центра. «Порш Кайен» у неё белого цвета. «Для статуса», — поясняла она. Вот ведь у них там, в Москве, эти статусы-

хуятусы. Потому и влюбляться в москвичек по-особому надо. А лучше не влюбляться, а использовать их чёртовы статусы для удовлетворения разных насущных потребностей или песни петь им за экологически чистое жильё и здоровое питание, навроде чая зелёного или барбекю.

Но мне Алисия нравилась — как по возрасту, так и по культурным разным критериям. Не всякий сейчас Пруста читает иль Стейнбека, а уж про Диккенса вообще молчу. А она даже поэта Маяковского наизусть могла продекламировать в тени старой яблони антоновки. И это было приятно сердцу моему, пока я навес монтировал.

И вот сегодня этот гитарист покинул женщину по неизвестной мне причине. Не дотянул до второго сезона. И поделом. Впрочем, кто там и в чём виноват — не моего ума дело. Может она и читает «Три товарища», но в глубине возвышенной души — стерва, каких свет не видывал. Этот «Порш» я, к примеру, купить никогда не смогу; хоть все крыши области покрой «Монтерреем». Вот «Ниву»-«крокодила» — да, можно. А другие машины и нахуй не нужны для шабашек и вторчермета. И всё же... Да, всё же стоит поторопиться на объект, а то там финишные доделки «горят» и единственный эквивалент ждёт не дожждётся. Я быстро закинул в себя пару бутербродов и запрыгнув в «Крокодила» запыхав по грунтовкам СНТ навстречу трудовым свершениям настоящего дня.

Шершень

Те, кто производит материальный продукт, так или иначе являются гегемоном. Но не всегда, а только когда предпосылки созреют. Сейчас же за свой наёмный труд мы с коллегами желали получить часть прибавочной, мать её, стоимости.

Сегодня мы покрыли финальный скат, закрепили последний лист и положили конёк. А это в кровельных делах подобно возложению венков на свежезакопанную могилу, если брать ритуальную сферу услуг. Далее следуют праздничные и алкогольные традиции в противовес урюмым всяким там поминкам.

Наши лица были красными, а руки грязными. Но уже инструмент сложен в «Ниву» и

мы, присев на поддоны, слушали торжественную речь нашего «посредника».

Конечно, с этими проходами мы стараемся не связываться, но тут всё дело было в объёмах. Этими вот объёмами и заманивают несознательных пролетариев ушлые дельцы от строительного наебалова. И нас не удивили его слова.

— Заказчик стопудово обещал отдать недостающую сумму через две недели. Ему всё понравилось, но...

— Дима, ты дальше не говори. Просто выдай нам наши кровные и спи спокойно, — не выдержал Славка.

Он всегда первым выражал мнение коллектива. Мы же, как этот самый коллектив, одобрительно качнули головами.

— Ну, вы понимаете...

Граждане россияне! Если вам в финансово значимые моменты вдруг говорят «ну, вы понимаете...», знайте — это не к деньгам. Это к чему угодно, но не к деньгам. Вас обязательно попытаются наебать или, если попроще, «кинуть». Поэтому будьте бдительны, дорогие наёмные работники.

— Мы всё понимаем и всему придаём значение. Мы верим в разные версии и обещания. Мы готовы менять формации или сжигать плоды своего труда вместе с теми, кто этот труд не ценит. Будь ласков, Дима. Отдай деньги и Бог простит все твои грехи на ближайšie восемь лет, — на этот раз не выдержал я.

«Посредник» мгновенно изменился — как лицом так и позой. Он вдруг стал как бы выше и недобрые морщины тараканами разбежались по его физиономии. Он поблатному плюнул в траву и сунул руки в карманы. Мы ждали хриплого низкого голоса, но он крикнул противным фальцетом:

— У меня серьёзная «крыша» и фыркать тут я вам не советую. Ждите две недели, а то совсем ничего не получите!

Вот есть же люди духом крепкие и принципиальные. Перед нами как раз и был такой экземпляр.

— Это, блядь, нехорошо... — злоеце вздохнул Влад.

Мы стояли как те самые антагонистические противоречия капитализма друг перед другом; и кризис был неизбежен. Между трудом и капиталом, между производством

материальных благ и их присвоением.

— Кто «крышует» тебя, Дима? — спросил «выпрыгнувший» лет пять назад Славка.

— Коля Дранкин. Шершень, — злоеце прошипел наш оппонент, не уловив скрытых интонаций нашего «сидельца».

— Спортсмены, значит... Ну-ну, — задумчиво произнёс Славка и полез в карман за мобилой.

Дальше было вот что.

— Здравов, Колян! Как житуха, дом, потомки? — дружески общался Славка по сотовой связи. — Гут, мира тебе! Я тут вот за что спросить хотел — ты снова «при делах» иль как?

В телефоне кто-то неразборчиво бубнил возмущённым басом.

— Да, ладно, ладно. Чё ты нагнетаешь! Спокуха! Просто тут один бабан на тебя указал, а мне интересно стало... Хорош! Остынь, может ошибочка вышла... Хочешь побазарить с ним? Только без суеты. Лады? — Славка протянул мобилу «посреднику».

Что и в какой последовательности говорил Шершень бизнесмену Диме, мы не слышали. Только через полчаса мой «Крокодил» выруливал на трассу и лица наши уже не были такими красными, а руки грязными. Денежные знаки приятно оттягивали карманы, а садящееся за горизонт солнце как бы приглашало нас к столику с интересной сервировкой. А ещё нам, как людям культурой совсем уж не обделённым, стоило помыться, побриться и встретиться там, где играет легкомысленная музыка и в рюмки можно наливать напитки крепкие, как сама идея социализма.

Алина

Вот как-то так должна выглядеть умеренная демократия. Средних размеров помещение с дешёвыми витражами на окнах, деревянные столики с относительно чистыми скатертями, музыка а-ля «О боже, какой мужчина...» старушки Натали и приглушённый свет то ли зеленоватого, то ли желтоватого оттенка. Люди за столиками не лезут друг к другу с вопросами об изменениях в Конституции, а шумно

обсуждают вакцинацию или травят анекдоты. Открытый смех в атмосфере умственной свободы и винных паров. Ну, что ещё нужно русскому патриоту? В трактире «Толкачики» мы манипулировали рюмками и лёгкими закусками, пока тяжёлые ещё готовились на кухне. Две фундаментальные официантки Настя и Полина улыбались нам и это было хорошим знаком. Если они не улыбаются, то при соответствующих условиях можно вполне себе демократично получить тяжёлым подносом по башке и унизительно покинуть заведение не по своей воле.

Напротив нас группа граждан в почти одинаковых светлых рубашках уже хором подпевали Лепсу и махали вилками, словно дирижёры. Чуть позже, судя по фразам «упало с фуры», «откстить клиента», «добрый контрабас» стало понятно, что это были таможенники и они праздновали чьё-то серьёзное повышение. Вот ведь могут люди из воды вино мутить и никаких, замечу, голгоф и покаяний.

Впрочем, нам здесь тоже не плохо. Градусы повышались, разговоры со строительных тем плавно перетекали в сторону спорта и женщин. Уж и не помню, после шницеля или до него, мы вдруг заговорили о художественной гимнастике. О той гимнастике, когда нефть ещё патриотично дорожала.

— Вот он мяч, на коленях. И хуякс — уже летит ввысь! А она встречает его на шпагате. Гибкая, словно кошка, она делает переворот и упругой ножкой перебрасывает снаряд за спину. А затем ловит его на пояснице. Мгновение и мяч опять в воздухе. Такие финты не снились даже Рональдиньо, а уж нашим Кокошам и Момошам и тем более. Вот кого в сборную брать надо. Пусть Дзюба за воротами дробит, пока эта королева в зелёном купальнике чудеса чудесные творит. Да, были девчонки в наше время... И ещё, под сиртаки всю эту шпагатную красоту вытворять какво! Ах, Алина! Ах, Кабаева! — стоя провозгласил я, поднимая сверкающую рюмку.

Славка и Влад тоже встали и мы чокнулись. Символично, что последняя фраза попала в безмолвный промежуток между песнями. Эпично получилось. Мы выпили за Кабаеву, за гибкость тела и стойкость духа. Ну и, конечно же, за красоту, о которой у каждого было своё мнение.

А через пару секунд заиграла самая дурацкая песня в моём рейтинге дурацких песен.

Но как же это было весело и вовремя! Мерзкая парочка — Сердючка с Глюкозой — вывалили мощный танцевальный кирпич под названием «Жениха хотела». Мы даже барабанили по столу ладонями и вот-вот готовы были заказать ещё водки.

А таможенники, у которых души рвались в разные стороны, выскочили на танцпол и запрыгали, словно на Майдане. И только один самый толстый в расстёгнутой до пупа рубашке мрачно повернулся на стуле рожей прямо ко мне и страшно крикнул:

— Кабаева твоя ... !!!

Мне не хочется повторять вам всю ту грязную фразу и тот посыл ненависти от этого ублюдка. Добавлю просто, что закончил он словом «депутат». Ну, вы же знаете, как тяжело простой работяга переносит подобные слова. Ну, знаете же.

Потому и встал я без словесных прелюдий и тревожной мимики. Встал, сделал пять шагов и молча распашным ударом нанёс увечье негодяю. Он, конечно, поднял руку для блока и попытался уйти с линии огня, но пьяное тело имеет свою инерцию.

Таможенник слетел со стула и, завалив сервированный стол, завертел головой в лёгком нокауте. Его же коллеги задорно сбили меня с ног и далее в ход пошла лакированная обувь.

Я услышал как Славка с криком «Ах ты ж, блядь, мздоимец ебАный!» разбил бутылку об чью-то голову. Единоборец Влад уже вкладывал «двойки» и апперкоты противникам, когда я, словно птица Феникс, восстал с пола. И тот жирный тоже поднялся. И кулаки у него были тяжелы, как тарифы ЖКХ. Но зато это принесло в побоище немного вкуса и красок.

Мы бились за российский спорт и Алину Кабаеву. А противник наш — за державу, иль за что там ещё «впрягаются» таможенники.

В процесс включились официантки Настя и Полина. Громадные тяжёлые подносы взмывали ввысь и с православным звоном опускались на головы воюющих. Вот где должны сниматься настоящие батальные сцены для исторических сериалов про всяких там викингов! Даже диджей попытался влезть в драку, но его тощее тело было отвергнуто взмахом чьей-то волосатой руки; и он, держась за нос, хромя, вернулся за свой пульт.

А на танцполе уже хрустели под ногами цветные лампочки и кровавые пятна покрыли

старомодный паркет. Из колонок неслась нирвановская «Smells Like Teen Spirit» и разящие кулаки сверкали в свете нервного стробоскопа.

Вот чем хорош уютный трактир «Толкачики», так это тем, что вас предупредят заранее о появлении наряда полиции или ГБР в промежутках между зажигательными музыкальными треками. Материальные ущербы, как правило, потом возмещались добровольно постоянными клиентами заведения. А непостоянных тут практически не было. Ну, разве что вот эти таможенники с антипатией к художественной гимнастике. Но им то как раз и достанутся проблемы с протоколами и традиционная экскурсия в «зверинец» местного РОВД.

А мы, под прикрытием скрепных подносов, рванули к чёрному выходу, предварительно открытому администратором Пашей. Уж там нам было всё знакомо. И плиточная дорожка к гаражам, и узкий проход, ведущий прямо в заросли шиповника к раздвинутым прутьям забора городского парка.

Мы бежали к старым неработающим аттракционам, где в тени густых лип притаилась деревянная беседка со столиком посередине. Там, в этой беседке, всегда можно было тихо посидеть в самодельной нирване и поразмышлять о светлом будущем или о всякой там философской дряни.

Но сегодня нам хотелось просто отдышаться и подсчитать убытки — как материальные, так и метафизические. Вдобавок ко всему Славка прихватил с собой бутылку «Старки» и пучок укропа. Это вот тоже надо посчитать в расходной части, чтобы не потерять уважение коллектива «Толкачиков».

В общем, мы, растрёпанные и с возбуждённым дыханием, проскользнули под низко висящей веткой липы к заветному месту и неуклюже остановились в лёгком смятении...

Здрассьте!

Почему-то эта ситуация напомнила мне встречу трёх (без глупого Д'Артаньяна) мушкетёров с гвардейцами кардинала. Захотелось даже спеть «Пора, пора порадуемся на своём веку, красавице и кубку...» Тем более что были и красавицы, и кубки.

Да, граждане! За культовым столиком из крашенных досок сидели четыре женщины.

И перед ними стояли три бутылки какой-то креплёной бурды, сыр и шоколадка. Вместо фонарика над столом висел чей-то гламурный смартфон и интимно освещал тайную вечерю.

Женщины были красивы не по ГОСТам и не по СНИПам, но зато они были пьяненькими, манили к себе феромонами и резкими духами. Вряд ли им было за сорок, но кто ж интересуется возрастом дам в такое время суток? Да ни один дурак не спросит об этом.

— Здравсьте! — воскликнула одна из них, широко открыв глаза с накладными ресницами.

Две из их компании так же округлили очи и вертикально вытянули рты. А четвёртая как была с головой, прилипшей к столу, так и осталась с нею. Золотистые волосы её красиво свисали с края стола, словно новогодняя мишура. Головы других женщин были активны и загадочны.

— Здравствуйте, девочки! Мы вам не помешали? — сладким голосом обратился Славка к незнакомкам.

— А, пожалуй, что нет! — ответила та, что с ресницами.

— Мы, собственно, вас и ждали, — как-то неуверенно подхватила разговор рыжая кобыла в чёрном платье с широкими белыми полосками вдоль вертикальной оси.

— Вас кто-то бил? — спросила третья фемина, брюнетка в розовой маечке и джинсах.

— Всё сложно, как в отношениях. Кто там кого бил — это неважно. Просто мир такой непредсказуемый и у нас есть бутылка водки, — ответил за всех я.

— И укроп, — подсказал Славка.

— И укроп, — добавил я.

Женщины переглянулись. И та, что первая, указала нам рукой на скамью.

— Присаживайтесь, воины. Меня зовут Наташа. Вон рыжая — Оля. Брюнетка это Аглая. А ещё Наденька, но она устала, — сказала она.

— Слава, Влад и Беспяткин — представил я нашу делегацию.

Мы присели на скамьи осторожно и с достоинством, хотя одежда и лица наши не

давали для этого повода. Впрочем, свет от смартфона был слаб и много чего скрывал в этой жизни.

Наташа

Ну, как вы понимаете, через полчаса мы уже вели светские беседы и пользовались пластиковыми стаканчиками. Мы хохотали и пели хором про «Коня», улыбались друг другу и ругали правительство.

Судьба подарила нам сотрудниц какой-то строительной конторы «Ремстройсервис». Ну, надо же! В тихом уголке Сокольского парка собрались люди практически одного ремесленного клана. Это давало свои преимущества в темах для разговоров.

Наташа стояла выше остальных по рангу — она была бухгалтер. Оля и Аглая соответственно проектировщицами, а уставшая молодуха Наденька числилась рядовым делопроизводителем, то есть на побегушках. Но такова карьерная пирамида во всех этих «сервисах».

Вы только не смейтесь, но как обычно мне досталась Наташа. Мне всегда достаются бухгалтерши. Всегда и везде, за очень большим исключением лишь в тех местах, где речь идёт о заведениях культуры и образования. Там обычно обнимать за плечи приходилось заведующих по учебной части или аккомпаниаторш с длинными пальцами. Но к чёрту всё!

— За отсутствие простоев и дождей! — провозгласил я тост.

— У-рр-ааа-аа!!! — подхватило общество.

Мы выпили и чем-то закусили. Пусть стол наш был не богат на пищевые продукты, но зато доступен со всех сторон для взаимопонимания.

Вектор нашего общения сместился в сторону адресных бесед. Были отброшены прочь правительство, запрещённые талибы и масочный режим. Из чьего-то белого смартфона пели забытые ныне The Vangles свою красивую Eternal Flame...

— Слава! А вот твоя татуировочка, она не из салона, да? — кокетливо гладила строительную ладонь рыжуха Оля.

— Да, Оленька. Это не из салона — это из жизни, о которой сегодня вспоминать не

будем. Лучше скажи, а у тебя веснушки бывают? — отвечал ей наш сиделец, мягко касаясь милой щёчки проектировщицы.

— Бывают, — лукаво улыбалась она.

С другой стороны Влад кормил шоколадкой Аглаю, но с вариациями. Как только брюнетка пыталась укунить плитку, так Влад тут же отдёргивал руку.

— Ну, вот зачем ты меня дра-а-знишь?! Хочу-у сладенького... — как бы сердясь говорила Аглая.

— Сладше шоколада только поцелуй, — улыбался ей Влад.

— Да неужели?

Я повернулся к Наташе и взял её за руку.

— Я слушаю вас, — серьёзным тоном проговорила она.

— Это хорошо, что ты слушаешь меня. Мне есть что сказать, — загадочно прошептал я.

В это момент бухгалтерша не выдержала и засмеялась корпоративным смехом, то есть раскатисто и громко. Я не ждал этого, но всё же поддержал её в таком вот радостном начинании.

— Чё вы ржете? — повернулся к нам Славка.

— Он мне руку и сердце предложил, — ответила сквозь смех Наташа.

— Ну а ты? — спросила Оля.

— Я всё испортила. Как всегда.

— Нет, Наташа. Я хотел спросить, можешь ли ты шпагат делать. Потому что я женюсь только на той, кто шпагатом владеет и отдельной жилплощадью, — высказал я свои самые потаённые мысли.

— А серьёзно? Кто из всех здесь присутствующих дам может ноги раздвигать, как Алина Кабаева? В спортивном смысле, конечно же, без глупостей всяких? — заинтересовался Славка.

— Нет, по-спортивному тут вряд ли кто умеет, — хихикнула Аглая.

— Да ну вас к чёрту! — плюнула в темноту Наташа и попыталась сделать треклятое упражнение.

Ей это почти удалось, но она упала в траву и порвала колготки.

— Вот видишь, что ты натворил. Так и останешься холостым, Беспяткин, — печально сообщила она мне.

Мы все снова сели на скамьи и разлили бухло по стаканчикам. Выпили и доели шоколадку. Сыр и укроп оставили на остатки.

В это время голова светловолосой Наденьки соскользнула под стол и сама она туда же отправилась. Мы сообща достали её обмякшее тело и попытались правильно усадить. Но не тут-то было. Наденька только бессмысленно улыбалась и булькала ртом, готовясь к невинной рвоте. Пришлось нам с Наташей вести её к фонтану.

Там у круглого резервуара, обрамлённого мраморным камнем, мы умыли делопроизводителя холодной водой. Для этого пришлось отгонять руками баклажки и упаковки от чипсов. Вот ещё при СССР здесь плавали золотые рыбки, а нынче всякий пластиковый мусор. Вот вам и вся демократия, граждане, весь ваш рынок и патриотизм.

Как-то после всех этих омовений и прогрессирующей слабости тела и духа Наденьки мне вдруг захотелось сделать что-то доброе и полезное.

— Наташа, давай отправим её домой. К чему эти мучения? — предложил я.

— Ты прав, Беспяткин. Сейчас такси вызовем, — согласилась бухгалтерша, доставая телефон.

Наденька же, сидя на холодном мраморе и поддерживаемая мною, вдруг уныло запела какую-то грустную песенку про ежа с дыркой. Это было печальное зрелище и депрессирующий звук. И он продолжался до появления такси.

Пока мы волокли Наденьку к дороге, воздух вдруг сделался неожиданно холодным и влажным. Даже сверчки во тьме замерли, как по команде. И только неподалёку, возле ДК, из чьей-то машины невнятно бухала басами современная эстрада. Откуда-то из глубин ада ко мне пришла унижительная икота.

После того, как мы загрузили Наденьку в машину, я настоял на том, чтобы Наташа поехала с ней.

— Я таксистов знаю. Им деньги надо апосля отдавать, когда на место доставят. А эта ваша молодуха в другом мире сейчас, береги коллегу, ик... — сказал я Наташе и поцеловал её в щёку.

Та моргнула своими накладными ресницами и обречённо впиалась мне в губы, словно на призывном пункте. Поцелуй был крепок и искренен, но мне не понравился. Мне вообще всё не понравилось с той минуты, как Наташа порвала колготки и до того мгновения, когда такси, фыркнув, понеслось по пустынным улицам моего города. И поэтому я решил вернуться на дачу. Там из машин басы не бухают и в речке баклажки не плавают. Там есть холодильник со жратвой и пиво на утро. А ещё в берёзовых ветвях поёт соловей и возле мостков квакают жабы.

Шпагат

Мещер высадил меня у калитки и, получив деньги, умчался, словно за ним погнались местные кикиморы с нечистыми намерениями. Зато мне в этом свежем воздухе и дышалось легко и хотелось многого. Но для начала я зашёл в домик, достал початую бутылку чачи и глотнул из неё. Запах тархуна кружил мне голову и я, захлопнув холодильник, вышел на крыльцо.

Да, соловей ещё не пел, но жабы в Сосновке уже квакали. На полу лежало одинокое яблоко и волшебным светилось, словно пародируя луну. Я поднял его, потёр о рукав и с хрустом сожрал, словно это была последняя еда на Земле. Потом я увидел соседку по даче, одиноко курившую на своём крыльце. Я махнул ей рукой. Огонёк сигареты приветливо помаячил мне в ответ.

Ну, а уж потом я расслабленно и неторопливо пошёл к мосткам. Мне внезапно захотелось забраться в лодку, отплыть на середину речки и, бросив якорь, растянуться на брезенте. А далее можно спокойно смотреть звёздное кино, пока ссать не захочется. Это вот, друзья мои, лучше всяких медитаций и дурацких релаксов из Интернета.

Я прошёл по скрипучим доскам к краю мостушки и странным образом принялся отвязывать лодку. Не спрашивайте, почему странным образом. Я и сам не знаю почему.

Да, вот так. Одной ногой я стоял на носу лодки, а второй на крайней доске. И когда узел был развязан, я заметил, что зазор между неподвижной пристанью и движимой

лодкой вдруг стремительно увеличился. И ещё я увидел себя в качестве связующего элемента между этими противоречивыми предметами.

Тут же я почувствовал острую боль в паху и увидел, как ноги мои делали то, что в художественной гимнастике называют... Ну, вы уже поняли о чём я.

Нет, не это хотел я увидеть в тихой спокойной воде. Не такое отражение. Луну — да, хотел; звёзды-стекляшки — тоже да. Но вот свою рожу с разбитой бровью и круглыми совиными глазами и перекошенный от боли рот — ну ни в какие ворота... И ещё это хихиканье на мостках. Весёлый такой женский смех тихий. Я почти догадался, кто там хихикал.

Через мгновение вода тёмная примет меня, дорогого гостя в мягкой одежде. И ночь волшебная будет нелепа и испорчена. А ведь как утром светило солнце и свистели разные там птицы в зарослях тёрна! Как же светило, как же свистели...

Ну и пусть так, пусть... Зато погружаясь в реку, я услышал, как смех на мостушке прекратился и доски заскрипели под торопливыми шагами того, кто спешил мне на помощь.

Если

И уже не важно, что я так нелепо барахтался в воде. Не важно, что хватал её за руку, словно дитя малое. А она между приступами смеха называла меня дураком и бестолочью. Это ничуть не унизило меня, иль там оскорбило. Это было приятно. И когда она вела меня — раскоряченного — по доскам, с одежды валились водопады — это тоже было приятно.

А потом, когда мы были у неё на веранде, соловей всё-таки запел. Я же сидел в кресле-качалке, завёрнутый в какие-то пледы и пил горячий чай. И ещё, граждане, я ел оладьи из кабачков. Кто знает, что это такое, поймёт меня. Кто не знает — мои соболезнования. И да, эти оладьи спасли человека из холодных вод Сосновки, когда ноги мои свело дикой судорогой из-за вынужденной неспортивной растяжки между лодкой и пристанью.

Сейчас я был запроважен каким-то сильным обезболивающим и феназепамом. И она

(то ли кардиолог, то ли стоматолог) сидела напротив с кружкой и карандашом. Мы вместе разгадывали кроссворды, оставленные тем её песняром-гитаристом. По большей части они были глупыми и неоднозначными.

— Финикийский бог, четыре буквы, — считала она клеточки.

— Ваал. У него ещё противная жена была, Астарта, — лениво отвечал я, словно Анатолий Вассерман.

Видимо феназепам уже начал действовать. Иначе как я мог так, с разбегу, вдруг вспомнить историю древнего мира.

— Ну, ты даёшь! — удивлялась Алисия.

— Нет, это ты великолепна. Что заставило тебя пойти за мной? Какие знаки ты узрела, соседка? — улыбался я в кресле и качаясь, словно чёртов маятник.

— Да ты просто в крови был и рукав порванный светился. И весь вид твой был какой-то суицидальный. Махнул мне, словно Гагарин, и пошёл с выпученными глазами к реке. А я оладьев напекла и угостить некого.

— Так оладьи или глаза?

— Да всё вместе. Лучше вот угадай упражнение для растяжки ног (спортивное), шесть букв, — ушла она от вопроса.

— Шесть букв... Шесть грустных букв, — поморщился я от боли в паху и вспомнил Алину Кабаеву. — Шпагат, ебись он колом!

— Правильно. «Т» последняя совпала. И перестань ругаться — ты же смог, я видела, — усмехнулась она в мою сторону.

Да, я смог и у меня есть свидетели. А ещё растянутые связки иль мышцы, не знаю, но болит сильно. Впрочем, уже подействовало обезболивающее и мне тут в кресле вполне уютно с чаем и оладьями из кабачков.

Значит, всё не напрасно было. Утренний сон, работа, зарплата, трактир, таможенники в рубашках, драка, кусты, беседка, женщины из «Ремстройсервиса», фонтан и прощальный поцелуй Наташи бухгалтера. И чего это она думает, что я не женюсь.

Дура она. Ничего в шпагатах не понимает.

Я шевельнулся в кресле и боль снова стрельнула от поясницы до пяток. Я малодушно застонал.

— Ну, хватит. Хватит дёргаться. Расслабься, сейчас лекарство подействует, — ласково сказала Алисия, положив кроссворд на столик. — До свадьбы заживёт. Она встала, подошла ко мне и наклонилась, чтобы поправить сползший плед. Я уже не мог поймать фокус и её лицо было размытым, словно между нами было стекло, по которому стекали капли дождя. И весь этот ночной мир, олады и соловьи плыли вокруг меня, словно привидения.

— А ты выйдешь за меня? — спросил я поспешно, чувствуя приближение сна, в котором уже не будет искусственных спутников и дурацких размышлений о Боге и Земле.

— Конечно выйду. Спи давай, поздно уже... — услышал я милые слова, но не поверил им.

Впрочем, какая разница. Завтра на работу не идти и если я не забуду, то может... Чего там... Если не за...

Сушки

Я вам о любви обещал рассказать. Ну помните, когда фура с мужем-дальнобойщиком в рейс отвалит и... Люда, заведующая по учебной части, с мелированными волосами и глазами, как у косули, встретит меня в шёлковом халатике. Не помните? А я всё равно расскажу.

Не знаю, той ли вы любви ждёте... Или вообще, всем похуй, что там люди друг другу в души наваливают. Но зато потом волнения всякие, порывы, трепет и танцы в лунных отражениях. Да у любого поэта спросите!

А вот я, после разговора с приятелем Аркашей, стоял на тёмной улице и думал об унитазе, который ему гости свернули. Зачем мне идти в эту весёлую квартиру, полную хищных дам и песен Макса Фадеева? Ну, вот вы бы пошли? Верю, вы бы — пошли. И я бы пошёл, но мне помешал тот доходяга — с крыльями за спиной.

Выскочил, подлец, прямо из-за пушистой туи и руками замахал, словно глухонемой.

— Уйди, кто ты там! Я путь свой продолжу, — сказал я ему.

— Твой путь полное говно, Беспяткин. Все твои пути паскудно пахнут, — крикнул он мне и мечтательно втянул воздух широкими ноздрями.

Я тоже понюхал, чем вокруг меня пахнет. Аромат горелой изоляции — где-то цветмет обжигают. Да, есть такое. Откуда-то потянуло жареным мясом со специями. Руки я нюхать не стал — чтобы волшебство не испортить.

— Всё как обычно — капитализм, — ответил я ангелу.

— Нет, не всё. И не капитализм. Есть тихие места в этом мире, а в них ждут тебя с чашкой зелёного чая и сушками, — пропел он мне как-то подозрительно.

— И без водки?

— Без водки.

— Сушки?

— Сушки.

Тут же пропал он, как икота. Вот был — и нету.

Я увидел, что шнурок у меня развязан. Пока завязывал его, внезапно вспомнил о той, которая регент — в церкви псалмы распевает, иль что там нынче поют. Подумал я о тишине; о квартире, убранной пылесосом; о столике в кухне с «ночным светом» и о плетёной вазе с сушками и зефирами. Да, там точно есть зелёный чай! Там никто ломать унитаза не будет и Фадеева не слушает. Но ждут ли меня? Нужен ли я регенту с красивым именем Алла? Вот сейчас и проверим. Только ночной звонок выявит настоящую, как там её... Да ладно. И я позвонил. Ответ был пугающим, на первом гудке.

— Привет, Беспяткин!

— Здравствуй Алла.

— Всё по улицам бродишь?

— Нет, то есть да.

— Приходи.

— Я адрес не знаю.

— Торговая три, квартира десять, второй этаж...

И разговор прервался. Хотел я удивиться, но передумал. Ведь было же сказано

ранее, как всё произойдёт. Как-то так. И пошёл я от греховных помыслов к умеренным соблазнам. И пути мои уже не пахли говном, хоть и далеки были, сложны топографически и порой во тьме терялись.

Но зато я вспомнил, как привёл отец Андрей на вечеринку эту женщину с духовно правильным голосом и не повреждённой совестью. Конечно, пели мы тогда не «Богатии обнищаша и взалкаша... уклонися от зла, и сотвори благо», а «Я прошепчу тебе ласково, Нежной рукою обниму, Солнышко ты моё ясное, Я не отдам тебя никому...»

Да как пели-то! В рюмки лились струи хмельные от лозы светлой. И заглядывали мы в глаза девичьи, словно в деревенские колодцы, в которых небо летом от жары прячется.

И социалист Влад, и скупщик шкур Юденич, и отец Андрей, и сварщик Ручкин — все, кто мужеского полу был, принимали женские атрибуты за чистую монету. А сами дамы плыли в танце перед нами, словно искры от пионерских костров. И она, эта странная Алла, выводила сопливую эстрадную песенку на уровень благостной молитвы, но без жуткого церковного завывания. Мы же тогда два раза в «ночной» бегали за кагором и перцовкой.

И вот я иду к той, которая прошлый раз сказала мне: «Ты, Беспяткин, человек добрый, но руку убери, а то батюшка смотрит...». И да, поп смотрел на нас глазами Иеговы. Красным немигающим оком жёг он наши души. Вот вам и вся религия на блюде, граждане.

Тот вечер оставил во мне пару внутренних ожогов и заветный номер телефона. И если бы не телеведущая Анюта, с глазами полными вермута, то я бы призвал тогда Сатану для юридической помощи.

* * *

У подъезда я потыкал в кнопки домофона. Заиграла музыка. В динамике пропело «Открываю!» и пискнул запирающий магнит.

С барабанной дробью сердца я поднялся на второй этаж. Открылась дверь и регент Алла таинственным силуэтом завершила мой ночной путь. Весь поганый мусор урбанистического хаоса остался там, далеко в вонючих коллекторах сточных систем города.

А тут, в однокомнатной квартирке с ковролином и волнистыми обоями, всё только рождалось. Полочки с книгами, бумбокс какой-то, плюшевый диван серых оттенков и цветы на подоконниках. В кухне, как я и думал, столик, ночник и чашки в блюдцах. А в плетённой вазе те самые сушки. Ну, вы же понимаете, что в тот момент из бумбокса звучало? Конечно же — Love of My Life...

Мы сидели лицом к лицу, словно на пасхальной открытке, и пили зелёный чай, посланный нам провидением. И я не знал, что говорить. Любые слова могли бы испортить музыку, смешавшую бытие и сознание, прошлое и настоящее, громы и тишину. Я только улыбался и прихлёбывал напиток, терпкий как та любовь, о которой я хотел вам рассказать когда-то. И хозяйка улыбалась мне, а пар из чашки размывал черты её — как в фильмах о петлях времени.

Но если так всё время улыбаться, то чай остынет и сушки никто не сожрёт. Любовь, она материальна, вы же знаете. Пока люди свои арфы в унисон настраивают, окружающая среда готовит им подленький катарсис. Все мелодии и ритмы навек останутся в памяти, а поцелуй даст старт рукам и прочим членам, к экстатическому марафону. Тут уж насколько дыхалки хватит и гормонального фона.

— Ты иди в ванную, — мило приказала мне Алла.

И я пошел в совмещённый санузел, словно выигрыш в лотерею забирать. А там были полотенца, мыло и чешский смеситель. Залез я в ёмкость эмалированную и водой баловаться начал в ожидании чуда. Но чудо не пришло. Да и с хуя ли оно тут в ванной нужно, если есть диван плюшевый и цветы на подоконниках? Зато я свежее стал и песни на время из головы убрал.

Вошёл я в комнату с чужим полотенцем на поясе. А там она, регент, сидела на диване с телефоном в руках и халат её был почти распахнут. В телефоне робко мигали какие-то сообщения.

— Позвони мне, позвони, — пропел я, пытаясь скрыть пошлые обертона.

Алла швырнула мобильник в угол и, скинув халат, подошла ко мне. Полотенце я убрал сам. Дальше уже не о любви будет. Незачем вам знать все эти людские секретки. Их полно в Интернетях и на литературных конкурсах...

А вот потом, после полового фитнеса и торжества инстинктов, можно открыть глаза и взглянуть на мир, полный книжных истин и мятых простыней.

— Я открою балконную дверь? — спросила женщина.

— Это твоя дверь, открывай. Сегодня все двери открыты! Сегодня ночь открытых дверей, Алла! — ответил я, опять почувствовав какую-то нелепость в словах и окружающем мире.

Но моя регентша вроде ничего такого не замечала. Добрая луна осветила её гибкое тело в дверном проёме лоджии. Это было искусство! И прохладный осенний ветерок, скользнувший по спине, был лёгок, как мазки абсентиста Дега. Я снова захотел чая, только не мог самолично просить его, словно побирושка. Тут всё само собой должно как-то.

Но Алла стояла на балконе и я малодушно подумал, что обо мне забыто было. Её мысли, походу, улетели куда-то за пределы лоджии, а я тут на диване ничем не примечателен и хуй пойми кто. Это было глупо и я, одев штаны, тоже вышел на балкон. А там была осенняя прохлада, свет луны и спящий дворик с асфальтированной парковкой для транспортных средств.

Конечно, не всё кругом спало или тихо дремало. На детской площадке скрипели одинокие качели, а на парковке топталась бородатая фигура в распахнутой куртке. Человек тот был занят сугубо романтическим делом. Опуская в банку с белой краской широкую кисть, он выводил на асфальте кривыми буквами: «Алла, я тебя люб...» Не знаю как вам, а мне эти слова показались дикими и несвоевременными. Я уже понял, кто там изливает душевные муки и кому. Но регент Алла стояла, словно вампир — белая, голая, холодная и жестокая. Она ждала последнего символа. А им был восклицательный знак.

Отец Андрей поставил банку с краской на газон и обратил чело к вождьенному центру своей роковой вселенной. А там, на балконе стояла она — ледяная и строгая. Как палач на лобном месте. Рядом был замечен я в виде постыдного орудия казни —

такой засаленный топор с тупым лезвием. Ну и чтобы сказал тот придурок ангел по такому поводу? Сушки? Чай зелёный?

Я вернулся в комнату с «двойкой» по поведению. А снаружи, железная дева твёрдым голосом молвила: «Иди к матушке святой отец. И Бог простит тебя когда-нибудь...». Затем балконная дверь захлопнулась.

* * *

Я уже шнуровал кроссовки, когда Алла спросила:

— Ты сердишься или стыдишься?

— Иду спасать человека, — ответил я.

— К этому Аркаше опять потащитесь?

— Сначала туда. А там как Бог укажет.

— Бог ушёл от вас, глупцы.

— А зачем он тогда ангелов присылает?

— Это не ангелы, а души неупокоённые кружат вас во грехе и пустоте.

— Оно им надо?

— Им нет, а мне...

— Тебе? Ведьма ты, но поёшь красиво.

— Да, я пою красиво... Не обижайся.

Я торопливо покинул уютную квартирку с волшебной кухней и совмещённым санузлом.

На углу у «Сбербанка» шевелился батюшка, хлеставший из бутылки кровь Христову.

Сначала он хотел этой посудой попасть в мою голову, но потом протянул её (бутыль) мне. Я тоже причастился и было в тех глотках нечто большее, чем обороты и градусы.

— У Аркаши унитаза сломали и ночь эта полна подлой магической дряни, — сообщил я о своих подозрениях.

— Да полна... И я хотел бы попросить... — краснея, вздохнул отец Андрей.

— Я — могила!

— Добре, вон такси тоскует. Едем.

И улетели мы на хату, полную тех хищных дам и песен Макса Фадеева. Там есть люди, которых понять можно и прощать желательно. Там не плетут интриги, а сразу лезут в драку. Там не любят стихи Бродского, а поцелуи мимолётны и легки, словно перья в вакууме. Там все и остались до светлого воскресенья.

И лишь я отдыхать отправился к Люде, заведующей по учебной части, с мелированными волосами и глазами, как у косули. А всё потому, что получил милую смс-ку со словами: «Уехал...». Как вы, думаете какая музыка звучала в этот момент из уставших колонок? Ну, конечно же, Nothing Else Matters...

Улетая

— Лёнька! Лёничка! Ты же всё понимаешь. Ты эти свои разработки делаешь, с какими-то там плавающими запятыми, а я даже плавать не научилась, ну... — шептала она ему на ухо мягкими губками, щекотала и целовала шею.

— Я разберусь сама с остатками прошлых глупостей, сама... Пойми, это не твои проблемы. Я теперь твоя проблема. Я люблю тебя и буду портить, Лёнька, жизнь нашу, пока смерть не разлучит нас.

— Ангела, ангел мой! Ты будешь ждать меня на перроне послезавтра? Ты оденешь ту, рыжую шубку, с пояском лохматым? Я привезу тебе цветы или папку с патентом... Чего тебе больше хочется? И мы поедем на такси в ЗАГС одни, чтоб никто рядом не кружился, не сверкал смартфоном, не обнимал нас за плечи в грубой радости, — отвечал он ей, глядя прямо в глаза и держа ладонями её розовые от мороза щёки.

— Это хорошо, что ты меня проводить не сможешь. Иначе я не уеду. А так, соберу бумаги, проверю в сотый раз расчёты и патент будет моим... Нашим! Ты только встреть меня, милая... Просто встреть.

— Встречу. Что ты распереживался? Я буду ждать тебя там на перроне, когда поезд прибудет из тумана утром... Нашим утром. А потом распишемся, как тайные агенты, и уедем, улетим отсюда, пусть на неделю, пусть на месяц. Да хоть навсегда! — крикнула она ему, отталкивая мягко варежками.

— Да... да... да... — эхом отозвались серые пятиэтажки.

И это слышал весь мир, всё городское утро и мелкие снежинки в сухом морозном воздухе. В золотых локонах Анжелы эти снежинки путались, словно рыбки в тонких сетях.

И они, двое этих влюблённых безумцев, стояли на хрустящем снегу, обнимаясь в облаке пара. А мимо них спешили по своим делам угрюмые прохожие, словно в иной реальности, по иным утоптаным дорожкам.

***

Уже свет за окнами потускнел. Ощущение уходящего зимнего дня стало почти реальным — как головная боль после паров формалина и стопки судебно-медицинских заключений. Сегодня было много разных остановок на человеческих путях. Много рабочей суеты: вскрытия, гистология, подготовка материала в лабораторию.

Описывать травмы, несовместимые с жизнью, подозревать отравление или насильственную асфиксию. Делать промежуточные выводы. И всё это на фоне постоянно толкущихся в помещении оперов, следователей или судебных представителей. Они же не виноваты. Им бы протоколы составить да расписаться в журнале. Ну и словечком перекинуться, словно в заводском цеху. Да только цех тут особенный и конвейер необычный.

Люди гибнут самыми чудными способами и если для тех, кто потом приезжает забирать тело — это трагедия, то здесь, в прозекторской — это рутина и завал.

Ульяна Аркадьевна бросила перчатки в пластиковый бак и направилась в комнату санобработки. Из служебного кабинета уже раздавался рыкающий бас сменщика Бориса. Дежурство закончилось. Остаётся только сложить все бумаги в папки, одеться и вставить ключ в замок зажигания кредитного «Соляриса». А там, неторопливо, по свежим, сверкающим проспектам, мимо зелёных светофоров, в уютную «трёшку» на улице Горького.

Олег, наверное, уже дома, если не будет консультаций у студентов. Впрочем, он всё равно вернётся в запорошенной снегом красной куртке с меховым капюшоном. Он всегда возвращается и мусор выносит... Мужчина.

— Ульяна Аркадьевна! Вы меня не любите, — раздаётся за спиной знакомый голос.

Ну вот, здравствуйте вам! Семён Болотов — давно уже не молодой следователь из Правобережного. Только он так нелепо и наивно обращается к ней. И не потому, что он паталогически беспардонен, а просто человек забавный и его «все не любят», от бухгалтерии до судебной лаборатории.

— Как же вас любить, Семён Палыч? Вы же всегда к концу дежурства появляетесь. Да, как правило, с неопознанными и проблемными гостинцами, — ответила прозектор. — Вон уже Борис кофе допивает. Он бодренько и весело оформит ваш визит.

— Нет, Ульяна Аркадьевна. Я с вами по жизни завсегда идти буду, такая моя любовь к вам — широкая и светлая. А привёз я объект без загадок и ребусов. Классический случай. Гараж, автомобиль, любовнички, погрелись, уснули. Угорелую дамочку лет под двадцать семь вытащили по злым наветам соседа по гаражу. А любовник... — начал следователь свою речь.

— Он вас обижает? — остановил его зловецким рыком сменщик Борис.

— Прошу вашей защиты, Борис! — театрально взмолилась Ульяна Аркадьевна.

— Ну вот. И рыцарь при ней с войском из медбратьев. Как дальше жить? — жалостливо запричитал Болотов.

— Смириться и залить горе работой! — строго ответила эксперт. — Лёнька! Лёничка! Ты же всё понимаешь. Ты эти свои разработки делаешь, с какими-то там плавающими запятыми, а я даже плавать не научилась, ну... — шептала она ему на ухо мягкими губками, щекотала и целовала шею.

— Я разберусь сама с остатками прошлых глупостей, сама... Пойми, это не твои проблемы. Я теперь твоя проблема. Я люблю тебя и буду портить, Лёнька, жизнь нашу, пока смерть не разлучит нас.

— Ангела, ангел мой! Ты будешь ждать меня на перроне послезавтра? Ты оденешь ту, рыжую шубку, с пояском лохматым? Я привезу тебе цветы или папку с патентом... Чего тебе больше хочется? И мы поедem на такси в ЗАГС одни, чтоб никто рядом не кружился, не сверкал смартфоном, не обнимал нас за плечи в грубой радости, — отвечал он ей, глядя прямо в глаза и держа ладонями её розовые от мороза щёки.

— Это хорошо, что ты меня проводить не сможешь. Иначе я не уеду. А так, соберу бумаги, проверю в сотый раз расчёты и патент будет моим... Нашим! Ты только встреть меня, милая... Просто встреть.

— Встречу. Что ты распереживался? Я буду ждать тебя там на перроне, когда поезд прибудет из тумана утром... Нашим утром. А потом распишемся, как тайные агенты, и уедем, улетим отсюда, пусть на неделю, пусть на месяц. Да хоть навсегда! — крикнула она ему, отталкивая мягко варежками.

— Да... да... да... — эхом отозвались серые пятиэтажки.

И это слышал весь мир, всё городское утро и мелкие снежинки в сухом морозном воздухе. В золотых локонах Ангелы эти снежинки путались, словно рыбки в тонких сетях.

И они, двое этих влюблённых безумцев, стояли на хрустящем снегу, обнимаясь в облаке пара. А мимо них спешили по своим делам угрюмые прохожие, словно в иной реальности, по иным утоптаным дорожкам.

Уже свет за окнами потускнел. Ощущение уходящего зимнего дня стало почти реальным — как головная боль после паров формалина и стопки судебно-медицинских заключений. Сегодня было много разных остановок на человеческих путях. Много рабочей суеты: вскрытия, гистология, подготовка материала в лабораторию.

Описывать травмы, несовместимые с жизнью, подозревать отравление или насильственную асфиксию. Делать промежуточные выводы. И всё это на фоне постоянно толкущихся в помещении оперов, следователей или судебных представителей. Они же не виноваты. Им бы протоколы составить да расписаться в журнале. Ну и словечком перекинуться, словно в заводском цеху. Да только цех тут особенный и конвейер необычный.

Люди гибнут самыми чудными способами и если для тех, кто потом приезжает забирать тело — это трагедия, то здесь, в прозекторской — это рутина и завал.

Ульяна Аркадьевна бросила перчатки в пластиковый бак и направилась в комнату санобработки. Из служебного кабинета уже раздавался рыкающий бас сменщика Бориса. Дежурство закончилось. Остаётся только сложить все бумаги в папки, одеться и вставить ключ в замок зажигания кредитного «Соляриса». А там, неторопливо, по свежим, сверкающим проспектам, мимо зелёных светофоров, в уютную «трёшку» на улице Горького.

Олег, наверное, уже дома, если не будет консультаций у студентов. Впрочем, он всё равно вернётся в запорошенной снегом красной куртке с меховым капюшоном. Он всегда возвращается и мусор выносит... Мужчина.

— Ульяна Аркадьевна! Вы меня не любите, — раздаётся за спиной знакомый голос.

Ну вот, здравствуйте вам! Семён Болотов — давно уже не молодой следователь из Правобережного. Только он так нелепо и наивно обращается к ней. И не потому, что

он паталогически беспардонен, а просто человек забавный и его «все не любят», от бухгалтерии до судебной лаборатории.

— Как же вас любить, Семён Палыч? Вы же всегда к концу дежурства появляетесь. Да, как правило, с неопознанными и проблемными гостинцами, — ответила прозектор. — Вон уже Борис кофе допивает. Он бодренько и весело оформит ваш визит.

— Нет, Ульяна Аркадьевна. Я с вами по жизни завсегда идти буду, такая моя любовь к вам — широкая и светлая. А привёз я объект без загадок и ребусов. Классический случай. Гараж, автомобиль, любовнички, погрелись, уснули. Угорелую дамочку лет под двадцать семь вытащили по злым наветам соседа по гаражу. А любовник... — начал следователь свою речь.

— Он вас обижает? — остановил его зловецким рыком сменщик Борис.

— Прошу вашей защиты, Борис! — театрально взмолилась Ульяна Аркадьевна.

— Ну вот. И рыцарь при ней с войском из медбратьев. Как дальше жить? — жалостливо запричитал Болотов.

— Смириться и залить горе работой! — строго ответила эксперт.

— Эх, не любите вы меня... — вздохнул следователь и обратился к санитарам. — Давайте занесём родимую, а то мне ещё на кражу в Ситовку тащиться...

***

Солнце уже завалилось в сторону, пока ещё далёкого от вечера, горизонта. Мелкий снежок искрился, наивно радуясь редкому бодрящему морозцу.

В гаражном кооперативе «Колос» белый «Дастер» аккуратно въехал в распахнутые ворота с номером 247. Затем створки медленно захлопнулись и только через четыре гаража далее мужичок в чёрной фуфайке резво шкрябал лопатой, расчищая место

перед воротами. За полчаса он раскидал положенное количество снега и заперся в помещении. Вскоре из металлической трубы гаража повалил густой тёплый дым с запахом сосновых поленьев. Иметь «буржуйку» в гараже — дело хорошее. Это всякий знает.

Ворота с номером 247 так и оставались закрытыми. А там, за ними, в отделанном вагонкой помещении, в запертом «Дастере» двое на передних сидениях смотрели в глаза друг другу. Она с жалостью и усталостью, а он с трепетом и похотью.

Она накрыла его широкую ладонь своей, изящной с розовым маникюром.

— Ты отпустишь меня. Ты сильный мужчина и умный. А я просто легкомысленная дрянь, о которой и думать не стоит, — сказала она ему.

— Не могу я тебя отпустить. Внутри словно пружина на пределе. Того и гляди лопнет! Вот пальцы твои, руки, губы... Всё в сердце прикипело, — наклонился он к ней.

— Это просто страсти бесятся. Но у тебя уже есть много всего — жена, квартира, работа хорошая. А я уйду из университета, с кафедры... Из жизни твоей, чтобы свою устроить с любимым человеком. Так получилось и мне об этом говорить сегодня легко. Ты же понимаешь, о чём я? — спокойно отвечала она.

— Да, понимаю. Да, всё это не так, как должно быть... Но будь добра ко мне хоть сегодня, сейчас... Не улетай так внезапно, ангел мой... — шептал он, целуя тонкую руку.

— Ты хочешь меня сейчас, немедленно? Я тоже всё понимаю, хоть и не правильно это. Последний раз, слышишь, последний раз... — серьёзно говорила она ему перед тем, как поцеловать в губы.

Через минуту она была на задних сидениях, расстёгивая голубую шерстяную кофточку. Волосы её золотистые уже были распущены, а глаза сияли в предчувствии шальной прощальной близости. Может там были и слезы, но тут можно ошибиться.

Он спешно возился у входной двери, натягивая на выхлопную трубу шланг, отводящий на улицу опасные выхлопные газы. Так обычно он прогревал мотор в морозные дни.

Но сейчас он хотел, чтобы в машине было тепло и уютно, чтобы она, женщина его не покрывалась «гусиной кожей» и не сжималась, словно под осенним дождём, как в тех посадках с жёлтыми листьями. Ну той, прошедшей, осенью, когда они первый раз слились в безумном полёте к экстатическим вершинам.

Он завёл мотор. Тёплый воздух из отопителя наполнял салон, словно метафизическую ванну наслаждения. Он яростно скинул одежду на деревянный верстак и, словно вор, проник в мягкую крошечную «спальню», где она уже ждала его, нагая и грешная...

Последний раз, последний раз. Да что это она, чёрт возьми, такое говорила?

***

Ульяна Аркадьевна уже одела свой белый пуховик и бросив в сумку вязанную шапочку, направилась было в коридор. А там уж через охрану на улицу, на воздух свежий.

Но вот беда! Две не оформленные бумажки валялись на полу под столом. Ах, чтоб тебя!

— Борис! Борис, ты уж прости, — заглянула она в прозекторскую.

Там сменщик и следователь стояли возле серого трупa стройной девушки с длинными распущенными волосами. Лицо её было красиво даже при холодном, неестественном освещении, даже с этой сухой мёртвой кожей.

Лаборант записывала со слов Болотова детали происшествия. Борис обыденно раскладывал инструменты на поддоне из нержавеющей стали.

— Да, Ульяна Аркадьевна... — отозвался он, поворачиваясь к женщине.

— Тут вот я, не успела... Выручишь меня? Ничего сложного, ДТП... — попросила она.

— Не вопрос, положите возле объекта.

Эксперт прошла мимо столов и оставила бумаги рядом с телом, накрытым кровавой простыней.

Торопливо уходя из помещения, она слышала монотонный голос следователя:

— Гаражный кооператив «Колос», номер 247. Предположительно, отравление угарным газом... На вид лет двадцать пять — тридцать. Обнаружена рядом с мужчиной на заднем сидении автомобиля... Мужчина в реанимации. Видимых следов насилия нет...

На поддоне звякнули никелированные инструменты. Борис частенько ронял что-нибудь.

Вскоре женщина уже садилась в машину и доставала из сумочки ключи зажигания. Внезапно в её голове вспыхнула яркая вспышка, а затем большим шрифтом без засечек отразились чёрные слова: «Колос, 247». Такого не может быть! Это гаражный кооператив мужа, это его номер. Нет, есть ещё один «Колос» за прудом, на Опытной. Но там, кажется, «Колос-2».

Вернуться в морг? Спросить у Болотова? Мужчина в реанимации. Нет, ерунда какая-то.

Ульяна Аркадьевна достала смартфон и трясущимися пальцами пролистнула «Контакты».

— Олег, ты должен ответить! Ты всегда отвечаешь... — сказала она в трубку, пока шёл мучительный дозвон.

И на звонок ответили... Из отделения интенсивной терапии, что на улице Космонавтов.

В непонятном испуге Ульяна Аркадьевна сбросила вызов, швырнула смартфон на пассажирское сидение и уткнулась головой в руль.

Сквозь головокружение и противный туман она слышала, как «разрывался» телефон. Звонил громко и напористо. Да, там у него она как «Жена» записана, потому и звонят. А почему раньше не могли? Столько времени прошло. Чем они там занимаются, эти реаниматологи чёртовы? И вообще, почему Семён Палыч не удосужился сразу установить родственников? Ну конечно, «Скорая» спешно увезла пациента. Каждая секунда важна. Да, каждая секунда...

Все эти вопросы пронеслись в её голове вместе с серым лицом той девушки с длинными волосами, вместе со снежной метелью и воротами под номером 247. Кто она, эта красавица? Почему...

Слабыми руками женщина взяла смартфон и ответила на звонок.

***

Леонид предъявил проводнице билет и паспорт. Девушка в форме улыбнулась ему и сказала:

— Проходите в вагон, ваше место боковое. Приятной дороги!

Леонид быстро нашёл нужный номер, снял тёплую куртку и устроился на гладком сидении, лицом по ходу поезда. Пока вагон заполнялся пассажирами, он достал из портфеля папку с документами. Медленно перелистывая страницы, он бегло сверял цифры и графики. Было видно, что вся эта процедура уже не имела цели как-то что-то изменить. Просто молодой человек любовался замысловатой информацией на бумаге, пытаясь оттянуть время до отхода поезда. В конце концов, он захлопнул папку, аккуратно положил её в портфель и достал смартфон.

Разблокировав его он зашёл в «контакты» и выбрал имя «Ангел». Леонид сделал вызов и долго ждал, пока в динамике не прозвучало бездушное: «Абонент сейчас не может ответить на звонок, ваш вызов будет переадресован...». Он ещё пару мгновений смотрел на лицо девушки, закреплённое за этим номером, затем улыбнулся ей и сбросил вызов.

Положив устройство на столик, он взглянул в окно, за которым суетились опаздывающие пассажиры и персонал вокзала. Весь перрон освещали яркие прожекторы, и утоптаный снег криво отражал холодные, неживые лучи.

Внезапно Леонид заметил молодую женщину в длинном белом пуховике и изящных, тоже белых, сапожках. Она была без шапки и порывистый ветер трепал её тёмные волосы с какой-то дикой злобой. Женщина просто стояла и глядела в его окно, опустив руки, словно не было ни ветра, ни мороза. Её взгляд был пуст и уходил куда-то по ту сторону вагона. Что-то потерянное было в этих глазах, в этих сапожках и опущенных руках. Живыми были только волосы, которые как бы пытались разбудить хозяйку от плохого сна.

И только заметив, что Леонид смотрит на неё, женщина испуганно вздрогнула и, резко развернувшись, пошла прочь с вокзала в холодную темноту.

Свистнул локомотив и дёрнулся вагон. За окном поплыли строения и люди, словно улетая куда-то в прошлое. Проводница громко сообщила, что скоро будет разносить чай.

***

В тёмном небе уже замигали первые звезды. Над гаражным кооперативом опустился ласковый вечер и очищенная от снега дорога, словно серая река, пролегла между пушистыми сугробами. Тёмные гаражи с номерными воротами готовились ко сну.

По дороге, в направлении бытовки вахтёра, шёл тот самый мужичок в чёрной фуфайке, что намедни снег чистил. Он был слегка под мухой и напевал какую-то дрянь из шансона.

Возле гаража под номером 247 он остановился и замолчал. Он смотрел на полоску света из дверного проёма и на отрезок шланга в крошечной прорези левой воротины. В этом месте образовалась широкая воронка от тёплых выхлопных газов.

— Э-э-э, так не пойдёт. Дверцу надо бы открыть, газ он по низу стелется. Сколько дуракам не объясняй, а всё равно травятся, — сказал мужичок сам себе.

Потом он подошёл к воротам и громко постучал в дверь. Было слышно, как внутри помещения работал двигатель и больше никаких живых звуков.

— Эй, там! Всё в порядке? — крикнул он в замочную скважину.

И снова никакого ответа.

Тогда мужичок тревожно и сильно забарабанил в ворота, понимая, что всё это молчание может быть весьма печальным. Так оно, собственно, и случилось. Уже потом, когда вызвали полицию и МЧС со «Скорой».

Двоих «спящих» на задних сидениях «Дастера» оформили разными способами. Мужчину в «интенсивную», а девушку в судебный морг. Ругаясь на застрявшую где-то «труповозку», опера с дежурным следователем самолично «упаковали» тело девушки в какое-то грязное покрывало и уехали на «буханке» последними, заполняя на ходу протокол. Ворота гаража были ими же и опечатаны.

Мужичок в фуфайке постоял пару минут на месте происшествия, а затем вернулся в свой гараж за бутылкой самогонки. Эту бутылку он и распил с вахтёром, вытирая едкие слезы на морщинистых щеках.

— Вот дураки... Ей Богу, дураки... — повторял он после каждой выпитой стопки.

***

Ульяна Аркадьевна доехала до поворота на привокзальную площадь. Ей неприятен был яркий свет прожекторов, люди с сумками и дым из вагонных труб.

Она оставила машину возле какого-то дома, стоящего вплотную к железнодорожным путям. Она пошла прочь от неё, сначала в сторону блестящих линий рельс. Но потом подумала, что это уж слишком глупо — бродить по путям, подобно Анне Карениной.

Мир другой — мир полон всякого нужного и не нужного. Но всегда лучше идти на свет, даже если тот разденет тебя наглым образом перед зрителями и скажет: «Вот она, брошенная и пропащая душа, кидайте в неё камни...».

И пошла она, вдоль вагонов заглядывая в окна, за которыми возились с багажом люди, покидающие город по своим особенным делам. У всех есть дела, и нет исключений в них для одинокой женщины — судебного эксперта.

Вот она смотрит, как молодой человек улыбается кому-то в смартфоне. Может быть там, на экране, его любимая тоже улыбается ему, а не лежит на металлическом столе с распущенными волосами с мутными глазными яблоками.

Совсем неожиданно он кладёт телефон и смотрит через окно прямо на неё. Это не хорошо. Это даже более глупо, чем не хорошо.

Ульяна Аркадьевна с бьющимся сердцем отворачивается от поезда и позорно отступает в сторону оставленного автомобиля.

Надо ехать в клинику. Надо решить все эти хреновы дела, для которых у неё нет никаких исключений. Пусть улетают минуты, пусть улетают снежинки, пусть улетают веры и надежды всякие. Так или иначе, что-нибудь останется. И с этим придётся жить. Иначе зачем солнце каждый день упрямо встаёт на востоке, а на столе в кабинете ждут папки с результатами посмертных экспертиз?

— Эх, не любите вы меня... — вздохнул следователь и обратился к санитарам. — Давайте занесём родимую, а то мне ещё на кражу в Ситовку тащиться...

***

Солнце уже завалилось в сторону, пока ещё далёкого от вечера, горизонта. Мелкий снежок искрился, наивно радуясь редкому бодрящему морозцу.

В гаражном кооперативе «Колос» белый «Дастер» аккуратно въехал в распахнутые ворота с номером 247. Затем створки медленно захлопнулись и только через четыре

гаража далее мужичок в чёрной фуфайке резво шкрябал лопатой, расчищая место перед воротами. За полчаса он раскидал положенное количество снега и заперся в помещении. Вскоре из металлической трубы гаража повалил густой тёплый дым с запахом сосновых поленьев. Иметь «буржуйку» в гараже — дело хорошее. Это всякий знает.

Ворота с номером 247 так и оставались закрытыми. А там, за ними, в отделанном вагонкой помещении, в запертом «Дастере» двое на передних сидениях смотрели в глаза друг другу. Она с жалостью и усталостью, а он с трепетом и похотью.

Она накрыла его широкую ладонь своей, изящной с розовым маникюром.

— Ты отпустишь меня. Ты сильный мужчина и умный. А я просто легкомысленная дрянь, о которой и думать не стоит, — сказала она ему.

— Не могу я тебя отпустить. Внутри словно пружина на пределе. Того и гляди лопнет! Вот пальцы твои, руки, губы... Всё в сердце прикипело, — наклонился он к ней.

— Это просто страсти бесятся. Но у тебя уже есть много всего — жена, квартира, работа хорошая. А я уйду из университета, с кафедры... Из жизни твоей, чтобы свою устроить с любимым человеком. Так получилось и мне об этом говорить сегодня легко. Ты же понимаешь, о чём я? — спокойно отвечала она.

— Да, понимаю. Да, всё это не так, как должно быть... Но будь добра ко мне хоть сегодня, сейчас... Не улетай так внезапно, ангел мой... — шептал он, целуя тонкую руку.

— Ты хочешь меня сейчас, немедленно? Я тоже всё понимаю, хоть и не правильно это. Последний раз, слышишь, последний раз... — серьёзно говорила она ему перед тем, как поцеловать в губы.

Через минуту она была на задних сидениях, растёгивая голубую шерстяную кофточку. Волосы её золотистые уже были распущены, а глаза сияли в предчувствии шальной прощальной близости. Может там были и слезы, но тут можно ошибиться.

Он спешно возился у входной двери, натягивая на выхлопную трубу шланг, отводящий на улицу опасные выхлопные газы. Так обычно он прогревал мотор в морозные дни.

Но сейчас он хотел, чтобы в машине было тепло и уютно, чтобы она, женщина его не покрывалась «гусиной кожей» и не сжималась, словно под осенним дождём, как в тех посадках с жёлтыми листьями. Ну той, прошедшей, осенью, когда они первый раз слились в безумном полёте к экстатическим вершинам.

Он завёл мотор. Тёплый воздух из отопителя наполнял салон, словно метафизическую ванну наслаждения. Он яростно скинул одежду на деревянный верстак и, словно вор, проник в мягкую крошечную «спальню», где она уже ждала его, нагая и грешная...

Последний раз, последний раз. Да что это она, чёрт возьми, такое говорила?

***

Ульяна Аркадьевна уже одела свой белый пуховик и бросив в сумку вязанную шапочку, направилась было в коридор. А там уж через охрану на улицу, на воздух свежий.

Но вот беда! Две не оформленные бумажки валялись на полу под столом. Ах, чтоб тебя!

— Борис! Борис, ты уж прости, — заглянула она в прозекторскую.

Там сменщик и следователь стояли возле серого трупa стройной девушки с длинными распущенными волосами. Лицо её было красиво даже при холодном, неестественном освещении, даже с этой сухой мёртвой кожей.

Лаборант записывала со слов Болотова детали происшествия. Борис обыденно раскладывал инструменты на поддоне из нержавеющей стали.

— Да, Ульяна Аркадьевна... — отозвался он, поворачиваясь к женщине.

— Тут вот я, не успела... Выручишь меня? Ничего сложного, ДТП... — попросила она.

— Не вопрос, положите возле объекта.

Эксперт прошла мимо столов и оставила бумаги рядом с телом, накрытым кровавой простыней.

Торопливо уходя из помещения, она слышала монотонный голос следователя:

— Гаражный кооператив «Колос», номер 247. Предположительно, отравление угарным газом... На вид лет двадцать пять — тридцать. Обнаружена рядом с мужчиной на заднем сидении автомобиля... Мужчина в реанимации. Видимых следов насилия нет...

На поддоне звякнули никелированные инструменты. Борис частенько ронял что-нибудь.

Вскоре женщина уже садилась в машину и доставала из сумочки ключи зажигания. Внезапно в её голове вспыхнула яркая вспышка, а затем большим шрифтом без засечек отразились чёрные слова: «Колос, 247». Такого не может быть! Это гаражный кооператив мужа, это его номер. Нет, есть ещё один «Колос» за прудом, на Опытной. Но там, кажется, «Колос-2».

Вернуться в морг? Спросить у Болотова? Мужчина в реанимации. Нет, ерунда какая-то.

Ульяна Аркадьевна достала смартфон и трясущимися пальцами пролистнула «Контакты».

— Олег, ты должен ответить! Ты всегда отвечаешь... — сказала она в трубку, пока шёл мучительный дозвон.

И на звонок ответили... Из отделения интенсивной терапии, что на улице Космонавтов.

В непонятном испуге Ульяна Аркадьевна сбросила вызов, швырнула смартфон на пассажирское сидение и уткнулась головой в руль.

Сквозь головокружение и противный туман она слышала, как «разрывался» телефон. Звонил громко и напористо. Да, там у него она как «Жена» записана, потому и звонят. А почему раньше не могли? Столько времени прошло. Чем они там занимаются, эти реаниматологи чёртовы? И вообще, почему Семён Палыч не удосужился сразу установить родственников? Ну конечно, «Скорая» спешно увезла пациента. Каждая секунда важна. Да, каждая секунда...

Все эти вопросы пронеслись в её голове вместе с серым лицом той девушки с длинными волосами, вместе со снежной метелью и воротами под номером 247. Кто она, эта красавица? Почему...

Слабыми руками женщина взяла смартфон и ответила на звонок.

***

Леонид предъявил проводнице билет и паспорт. Девушка в форме улыбнулась ему и сказала:

— Проходите в вагон, ваше место боковое. Приятной дороги!

Леонид быстро нашёл нужный номер, снял тёплую куртку и устроился на гладком сидении, лицом по ходу поезда. Пока вагон заполнялся пассажирами, он достал из портфеля папку с документами. Медленно перелистывая страницы, он бегло сверял цифры и графики. Было видно, что вся эта процедура уже не имела цели как-то что-то изменить. Просто молодой человек любовался замысловатой информацией на бумаге, пытаясь оттянуть время до отхода поезда. В конце концов, он захлопнул папку, аккуратно положил её в портфель и достал смартфон.

Разблокировав его он зашёл в «контакты» и выбрал имя «Ангел». Леонид сделал вызов и долго ждал, пока в динамике не прозвучало бездушное: «Абонент сейчас не

может ответить на звонок, ваш вызов будет переадресован...». Он ещё пару мгновений смотрел на лицо девушки, закреплённое за этим номером, затем улыбнулся ей и сбросил вызов.

Положив устройство на столик, он взглянул в окно, за которым суетились опаздывающие пассажиры и персонал вокзала. Весь перрон освещали яркие прожекторы, и утоптаный снег криво отражал холодные, неживые лучи.

Внезапно Леонид заметил молодую женщину в длинном белом пуховике и изящных, тоже белых, сапожках. Она была без шапки и порывистый ветер трепал её тёмные волосы с какой-то дикой злобой. Женщина просто стояла и глядела в его окно, опустив руки, словно не было ни ветра, ни мороза. Её взгляд был пуст и уходил куда-то по ту сторону вагона. Что-то потерянное было в этих глазах, в этих сапожках и опущенных руках. Живыми были только волосы, которые как бы пытались разбудить хозяйку от плохого сна.

И только заметив, что Леонид смотрит на неё, женщина испуганно вздрогнула и, резко развернувшись, пошла прочь с вокзала в холодную темноту.

Свистнул локомотив и дёрнулся вагон. За окном поплыли строения и люди, словно улетаая куда-то в прошлое. Проводница громко сообщила, что скоро будет разносить чай.

***

В тёмном небе уже замигали первые звезды. Над гаражным кооперативом опустился ласковый вечер и очищенная от снега дорога, словно серая река, пролегла между пушистыми сугробами. Тёмные гаражи с номерными воротами готовились ко сну.

По дороге, в направлении бытовки вахтёра, шёл тот самый мужичок в чёрной фуфайке, что намедни снег чистил. Он был слегка под мухой и напевал какую-то дрянь из шансона.

Возле гаража под номером 247 он остановился и замолчал. Он смотрел на полоску света из дверного проёма и на отрезок шланга в крошечной прорези левой воротины. В этом месте образовалась широкая воронка от тёплых выхлопных газов.

— Э-э-э, так не пойдёт. Дверцу надо бы открыть, газ он по низу стелется. Сколько дуракам не объясняй, а всё равно травятся, — сказал мужичок сам себе.

Потом он подошёл к воротам и громко постучал в дверь. Было слышно, как внутри помещения работал двигатель и больше никаких живых звуков.

— Эй, там! Всё в порядке? — крикнул он в замочную скважину.

И снова никакого ответа.

Тогда мужичок тревожно и сильно забарабанил в ворота, понимая, что всё это молчание может быть весьма печальным. Так оно, собственно, и случилось. Уже потом, когда вызвали полицию и МЧС со «Скорой».

Двоих «спящих» на задних сидениях «Дастера» оформили разными способами. Мужчину в «интенсивную», а девушку в судебный морг. Ругаясь на застрявшую где-то «труповозку», опера с дежурным следователем самолично «упаковали» тело девушки в какое-то грязное покрывало и уехали на «буханке» последними, заполняя на ходу протокол. Ворота гаража были ими же и опечатаны.

Мужичок в фуфайке постоял пару минут на месте происшествия, а затем вернулся в свой гараж за бутылкой самогонки. Эту бутылку он и распил с вахтёром, вытирая едкие слезы на морщинистых щеках.

— Вот дураки... Ей Богу, дураки... — повторял он после каждой выпитой стопки.

***

Ульяна Аркадьевна доехала до поворота на привокзальную площадь. Ей неприятен был яркий свет прожекторов, люди с сумками и дым из вагонных труб.

Она оставила машину возле какого-то дома, стоящего впритык к железнодорожным путям. Она пошла прочь от неё, сначала в сторону блестящих линий рельс. Но потом подумала, что это уж слишком глупо — бродить по путям, подобно Анне Карениной.

Мир другой — мир полон всякого нужного и не нужного. Но всегда лучше идти на свет, даже если тот разденет тебя наглым образом перед зрителями и скажет: «Вот она, брошенная и пропащая душа, кидайте в неё камни...».

И пошла она, вдоль вагонов заглядывая в окна, за которыми возились с багажом люди, покидающие город по своим особенным делам. У всех есть дела, и нет исключений в них для одинокой женщины — судебного эксперта.

Вот она смотрит, как молодой человек улыбается кому-то в смартфоне. Может быть там, на экране, его любимая тоже улыбается ему, а не лежит на металлическом столе с распущенными волосами с мутными глазными яблоками.

Совсем неожиданно он кладёт телефон и смотрит через окно прямо на неё. Это не хорошо. Это даже более глупо, чем не хорошо.

Ульяна Аркадьевна с бьющимся сердцем отворачивается от поезда и позорно отступает в сторону оставленного автомобиля.

Надо ехать в клинику. Надо решить все эти хреновы дела, для которых у неё нет никаких исключений. Пусть улетают минуты, пусть улетают снежинки, пусть улетают веры и надежды всякие. Так или иначе, что-нибудь останется. И с этим придётся жить. Иначе зачем солнце каждый день упрямо встаёт на востоке, а на столе в кабинете ждут папки с результатами посмертных экспертиз?

Диван

Вот вы как хотите, а я, проходя мимо мусорных контейнеров, всегда внимателен и любопытен бываю. Поскольку бытие определяет сознание, а уж никак не наоборот,

то, дорогие мои, не идите на поводу глупцов игнорирующих базис. Если экономически ты удовлетворён, то и все помыслы твои светлые иль тёмные будут в порядке.

Никаких самокопаний и внутренней борьбы с разными там «я» не предвидится.

Взгляните как мир интересен, как он под крышку наполнен говном всяким или же наоборот на каждом углу единороги скачут, а счастливые потребительские лица улыбаются тебе из любой грязной пивнушки.

А уж про мусорные контейнеры и говорить нечего. Там вся эта ёбаная диалектика и жизнь полная восторженных удивлений. Одни люди теряют, другие находят. Те кто теряет, думают, что они боги, а те кто находит вообще атеисты до корней своих. Богов рано или поздно забудут, а материальные вещи останутся с человеком до ледникового периода.

В гараже ли, в квартире, на чердаке — везде ты сможешь поставить изящный полированный стул или повесить часы с кукушкой. А возьмёшь ты эти блага всё на той же мусорке, брошенные и покинутые идеалистами с кредитными карточками в кожаных барсетках. Они полагают, что приобретая новые вещи их жизнь меняется. Хуй там! Она наоборот становится однообразной и унылой словно потребительская корзина или там послание президента народу.

Вот я беру на помойке разные винтажные вещи и работающие механизмы. И всегда они несут мне радость и независимость от ебучего рынка. Это при том, что я производственная сила и хорошо зарабатываю.

Так вот диван. Я увидел его сразу, издали и волнуясь осмотрел со всех сторон. Он был чист и не обоссан. Пружины не провалились, боковины не ослабли. Ни тебе рвань, ни подранных котами подлокотников. И складывалось это чудо без скрипов и заеданий. Ну как вы думаете, можно ли пройти мимо и не остановиться? Нет конечно же!

Я, разумеется, понимаю, что из квартиры меня всенепременно выкинут вместе с этим диваном если я вдруг чего там. Но зачем же тащить иные вещи домой? Для этого есть гаражи или ещё всякие такие сакральные помещения для русских патриотов.

Да оно конечно так, но в моём гараже уже стоит диван и вообще там много чего стоит или висит. И завсегда товарищи по классовой борьбе найдут на что водрузить

бутылку и где присесть со стаканом.

А уж поскольку я марксист, то жить вне трудового коллектива мне не позволяет самосознание. И копить небо для собственного благополучия, подобно буржуйской сволочи, я не могу. Потому я вспомнил про Андрея Михалыча, хромого слесаря, который в последнее время предательски сполз в ренегатство. Он вероломно поигрывал на каких-то биржевых ресурсах, получая иной раз доход, который легко можно назвать нетрудовым. Но мы таки верим, что всё это — просто возрастное умопомрачение и оно пройдет в скором времени. Я позвонил Михалычу, но он не ответил. Зато отозвался автомеханик Саня Горемыкин.

— Да, бля, конечно диван нужен, а ключи в трубе лежат, я знаю, жди меня и береги мебель — крикнул он в гаждет.

Ну вы понимаете как это делается в бесклассовом обществе. Никаких тайн и частнособственнических интересов, национальной вражды и финансовых кризисов. Общественная собственность и производительные силы. И мы всем коллективом решаем кому диваны положены, а кому противопоказанны.

Саня подвалил минут через семь. Оглядев, найденный предмет, он остался доволен.

— Идите, идите отсюда конокрады, не нужно вам здесь — обратился он к двум заинтересованным цыганам выглядывавшим из зелёной «Оды» произведённой когда-то ижевскими мастерами.

— Ты дядька его хуй допрёшь — ответили из машины.

— Я шпалы таскал на Мудиловку, когда трамваи убрали, а уж эту дрянь мы с Беспяткиным вмиг оттащим — ответил он взмахами прогоняя цыган, словно мух.

— Да — подтвердил я.

«Ода» уехала, а мы ещё раз обойдя диван присели на него проверяя комфорт и бесшумность. Всё было идеально.

Только вот депутат Якименко, подло подъехал на своём «Ниссане», чтобы мусор выкинуть. Вот эта прослойка всегда лезет туда, куда её не просят, но при этом говорит про какую-то «работу на результат». Мы то знаем, что эту фразу притащил новый губернатор из далёких корпоративных ебеней, но использовать её не спешим ибо результаты вещь зыбкая и неопределённая, а уж работать на них хуета по-моему.

Вот и сейчас депутат выкинув чёрный пакет в контейнер, подошёл к нам и поправил галстук.

— Место для строительного мусора и крупногабаритных вещей отведено вон там, возле второго дома, а это вот муниципальное нарушение. Я готов сделать депутатский запрос в мэрию — начал он свою песню нахмутив брови.

— Антоша, мы тут общественное самоуправление и это наше заседание. Протокол устным будет и решение принято в три лица, вон бабка Наташа видишь за вторым контейнером отходы ворошит. Она из кворума. Депутаты могут спокойно отправляться в Советы дальше кнопки жать. А народ управиться сам, без запросов всяких — ответил я избраннику.

— Ты Беспяткин приходи к нам на сессию, а то активистов мало сейчас, все митингуют. Нужно нам о проблемах районных потолковать, а ты всегда в курсе — затянул он как обычно.

— Всё, нам крупногабаритный предмет нести надо — прервал его речь Саня Горемыкин.

Якименко, вздохнув, сел в машину и умчался служить народу. Мы же без молитв и песнопений подхватили мягкую мебель для дальнейшей транспортировки в кооператив «Монтажник». И был путь наш подобен песне. И были труды наши равны подвигам. А с неба даже мелкий дождик пролился для позитивного фона.

— Чё это за нахуй? — спросил Саня у гаражных ворот Михалыча.

— Подлец — вздохнул я.

И действительно — это такая вот подлость со стороны хромого слесаря.

На крепких ушках красовался громадный висячий замок с толстой дужкой. Никогда такого не было, а вот теперь нате. Подлость она и есть подлость.

Вы наверное думаете, что мы тут поматерились, повздыхали, плюнули на ворота едкой слюной и покинули проклятое место? Ни хуя подобного!

Удел рабов — смиряться с нуждой и эксплуатацией, лишь бы их не били палками.

Миссия рабочего класса — уничтожение этой самой дряни, включая палки. Иначе род людской никогда не полетит в другие миры для колонизации и распространения ареала. Он так и сгниёт на этой планете в собственной блевотине под песни Элтона

Джона.

Так что думы были не долгими. Притащив «болгарку», мы элегантно манером срезали ушко. Замок повис на оставшемся креплении (жалко портить рабочий механизм) в назидание нарушителям гаражного братства. Если что, то «болгарку» мы питали от проводов из распределительной коробки под карнизом гаража, ну вы же знаете (зажимы «крокодильчики»). Там же под карнизом в вентиляционной трубе лежал речной ключ от собственно гаражного затвора. Ворота были распахнуты, а мы удивлены во второй раз. На этот раз обошлось без подлости.

В гараже стояла новенькая «Шкода Октавия» белого сигнального цвета. Бабская машина, да ещё и помытая.

Саня уже звонил хозяину гаража. В этот раз ему ответили.

— Это как понимать, ёбана рот? — поприветствовал он Михалыча — что ты наделал, почему иномарка в гараже?

Видимо на том конце мобильной связи ему ответили сурово и честно, потому что лицо его стало печальным и в глазах потухли вихри враждебные.

— Ладно — с чем-то согласился он и отключился.

Я смотрел на автомеханика как продукт эволюции, как венец и товарищ.

— Он сдал гараж какой-то родственнице, недорого... — пояснил мне ситуацию

Саня.

— Ну диван таки надо занести, а инвертор вон у пенсионера Барабанова возьмём — ответил я.

Так и сделали. Диван боком протащили вдоль стены и поставили на принадлежащее ему по случаю место. Ворота закрыли, а ушко приварили даже лучше чем было.

— Эх, подкрасить бы шов — вздохнул Горемыкин.

— И так сойдёт — хладнокровно отговорил я его от лишних действий.

После этого мы пошли в контору для воскресной беседы под песни Ретро-ФМ. Как там булькало в стаканах и кто кому грозился набить ебало я рассказывать не буду.

Только проснулся я в парке Нижнем, под ивой, недалеко от памятника народолюбцам.

***

Пели вечерние птицы и в санатории бу-бухала дискотека. Это вот хорошо, что дискотека. Там есть добрые люди и умыться можно. Туда я и отправился с гуманными помыслами и чистой совестью.

Мне открыли тайную дверцу как в каморке папы Карло. Кстати была там и сама каморка, в которой уже сидели те добрые люди о которых я говорил выше. Они расположили большой кофр от микшерного пульта по средь помещения, а уж на него установили бутылочки и раскидали куски шаурмы.

Я сходил в душ и очистился от пережитых волнений дня, для последующих волнений ночи.

Пока в каморке мы угощались напитками и играли на бас-гитаре, в фойе санатория отдыхающие гражданки разных возрастов и экстерьеров подтанцовывали на плацу в ожидании сладких встреч и милых обещаний. Я сидел в кругу матёрых самцов обслуживающих курортниц практически бесплатно. Это были парни беззаветно любящие случайные связи и грязевые ванны. Всю их деятельность нельзя было назвать развратом. Романтикой можно, а развратом нельзя.

Впрочем я пришел сюда настроить волну, для традиционного похода в ночные подпространства. Эти вот шумные танцевальные мероприятия я не люблю. Вот в потаённых квартирках творческой интеллигенции с натюрмортами и африканскими масками на стенах — это моё. Там тебя бесплатно нарисует пастелью на грязном картоне пьяная художница или тебе же прочтёт дурацкие стихи ранимая поэтесса. Потом ты можешь делать с ними что хочешь в зависимости от погодных условий или количества выпитого. А ещё тебя могут внимательно слушать играющего на гитаре собственные песни, причем никто даже не попросит исполнить попсу контрреволюционного Трофима.

Но всё-таки нам пришлось поплясать под какую-то Ёлку. На большом воздушном шаре — вот что привязалось мне в душу на три столетия вперёд. А потом в медленных кружевах мы с длинноволосой тамбовчанкой давили друг друга за мраморной колонной и обменивались языками словно на международной ярмарке

современного животноводства. Пело по-моему какое-то Burito. Враги в говне.. взлетай..., ну так мне показалось. Странные тексты, но музычка под гитарки доставляла. Я уже подумал остаться и забыть о стихах и грязном картоне. Нет, я не подумал, я остался. Там на втором этаже в узкой комнатке с холодильником и полевыми цветами в вазе.

За окном кучерявые тополя качались в свете унылого фонаря от легкомысленного ветра. А мы качались по эту сторону стекла без ветра но столь же легкомысленно. Без русской эстрады завсегда хочется любить одинокую длинноволосую тамбовчанку словно в кино. Но на деле всё происходит гораздо забавней и веселей. То ножка кровати подломится, то ваза упадёт под стол. А бывает и того хуже — зазвонит телефон в мятых штанах и ты знаешь кто там наяривает. И этот кто-то ждёт твоего ответа без промедления. И ты отвечаешь. А тебе сообщают, что обкуренная писательница Алевтина вылезла на карниз в студии художника Власова и обещает всем гостям мстительный прыжок с четвёртого этажа. Притом при всём она винит поэтессу Асю Сорокину в блядском поведении по отношению к фотографу Пете Полянскому. А Петя уж давно как в Москве снимает моделей конвейерным способом.

Вот так заканчиваются санаторно-курортные процедуры и начинаются творческие будни провинциальной интеллигенции. Впрочем у столичной интеллигенции всё то же самое, только с более тонкими извращениями и хорошим бюджетом.

Я вернул вазу на стол и глупо улыбаясь покинул светловолосую тамбовчанку до лучших времён. Она же потом всё равно спустится в фойе, где её споёт Стас Михайлов и люди добрые поймут женщину, простят и таки сломают ножку кровати.

***

Я ехал в сторону улицы Шкатова в пыльном такси отхлёбывая пиво из пузатой бутылки. За стеклом проносились танцующие тени и вспышки дурацких реклам.

Впрочем в эти годы что-то другое проноситься за стеклом и не могло априори. А в квартире-студии Власова происходило всё то же веселье, как и обычно. Под фортепианные пассажи Кейко Мацуи на деревянном лакированном столе были рассыпаны салаты и плитки шоколада. В бумажных тарелках покоились куски торта, а на громадной тарелке разлагалась жирная курица-гриль то ли покусанная бешеными псами, то ли общипанная творческими пальцами. Баклажки с «Блейзером» и недорогим вином из «Пятёрочки» украшали гастрономический хаос. Студенты «худграфа», журналисты и поэтические натуры расселись на различных предметах быта словно вещицы птицы и несли друг другу замысловатые мысли, чокаясь пластиковыми стаканчиками и толстыми кружками с неведомыми логотипами. Сам Власов мраморно дремал подобно надгробию возле глиняной композиции «Алла Пугачёва на качелях в Верхнем парке». Эта лепнина сохранилась ещё с 80-х и была спижжена из мастерской какого-то заслуженного художника очень давно. Чего только не наклеивали мы на Аллу Борисовну и порой нам бывало стыдно. Но сейчас ко мне подбежала Анюта по кличке «Тарзанка», танцовщица и модель уходящего возраста. Она была красна лицом и мутна глазами.

— Беспяткин! Эта дура всё сидит там и надо что-то делать! — выплеснула она мне в лицо винный дух и тревогу.

Мы прошли на балкон. Там одиноко курила сигарету кучеряво-рыжая журналистка Ульяна из ИД «Липецкая газета». Она смотрела на ночной город похотливым взглядом и осторожно поглаживала плоскую грудь через заляпанную соусом блузку. Справа от неё, на карнизе держась за водосточную трубу сидела женщина-прозаик Алевтина с размытой по лицу косметикой. Она творчески улыбалась нам, пришедшим на помощь людям.

— Ну как твой новый роман? — спросил я с ходу.

— Говно, не продаётся — ответила она уже без улыбки.

— А тираж?

— Тыща...

— Опять в Турцию поедешь?

— Нет, устала от всей этой дряни и вас мужиков ненавижу, понял Беспяткин? —

рявкнула он на меня дикой пантерой.

— Да и хуй с тобой, вон я стихи Сорокинские Пеленягре отправил — ответил я на грубости.

— И чё твой Пеленягра? — всхлипнула она.

— Прочитал и в Фейсбуке разместил, обсуждают теперь граждане, может для песни кто возьмёт — давил я на зависть.

— Ни возьмет никто, Сорокина дура и блядь — донеслось с карниза.

— Хуй знает, мир меняется, диалектика, все дела — пожал я плечами.

Мне не ответили. В комнате запела Бьёрк и кто-то упал в коридоре свалив ветвистую вешалку из красного клёна. Ульяна отщелкнула бычок в небо и витиевато ушла с балкона в туман богемной жизни. Анюта дернула меня за рукав. Я поморщился и хотел было отправиться за этой рыжей, но мне было неудобно, что боевая подруга Алевтина просто заснет обняв трубу или свалится на голову каком-нибудь ночному страннику с баклажкой пива. Это плохой end, отвратительный даже.

— А давай мы сейчас водки выпьем, у меня есть, и срулим в Елец к реконструкторам. Там они новую лодку топорами рубят и шарабан ещё цел. Покатаемся... — предложил я без энтузиазма.

— Ну их нахуй, эти катания, всю жопу отбила прошлый раз — а водка точно есть у тебя? — спросила самоубийца.

Конечно водки у меня не было, но послать за ней можно любого активного студента.

— Ты давай лезь обратно вот тебе простыня для страховки — кинул я грязное бельё.

Вздохнув по пережитым волнениям, писательница мелкими шажками перебралась на балкон и обняла меня словно геолога, вернувшегося из далёкой, долгой экспедиции.

Она целовала меня жадными губными захватами словно рыба сом.

— Пойдём Алевтина в хату, а то тут прохладно дюже — потащил я проказницу с балкона.

В комнате нас встретили ликующие творцы и Анюта уже послала гонца в кабак за водкой, ибо в круглосуточных магазинах у нас водку ночью не продают по причине каких-то гнусных законов местной власти.

Кстати тут же на кресле-качалке в тёмном углу уныло спал всё тот же депутат

Якименко. Любил он культуру и живых мастеров творческих профессий. Мы весело свалили его на пол и полили джин-тоником. Пока тот вырывался из объятий глубокого цветного сна, мы с Алевтиной нащипали немного курицы в тарелку и выпили мутного вермута.

— Беспяткин, ты пришёл, вот это хорошо, на завтрашней сессии... — запел Якименко свои депутатские псалмы.

— Завтра уже никогда не наступит, мир остановил свой ход и тьма пришедшая с Силикатных озёр накрыла ненавидимый губернатором город — перебил я его. Гы-ы-ы — расплылся в улыбке народный служка — дайте и мне вермута. Ему налили. Да и все кругом налили. В колонках заиграла душевная группа Воскресенье.

Одинокий, забытый всеми.

Я брожу по пустым коридорам...

Мы танцевали с Алевтиной одни, словно округ не было людского материала. В ожидании водки мир смежил веки и гладил пустые головы на тонких шеях. Кому-то мирно спалось, кому-то наоборот хотелось из хаоса создавать тверди и хляби, а кто-то самозабвенно подъяедал остатки торта, запивая вином. Как же я люблю вот всё это непотребство. Этот омут, в котором потонули дерзкие художественные замыслы и опередившие время мысли. Никаких пятилеток и комсомольских строек, никаких светлых лозунгов и трудовой дисциплины, никакого социализма. Чистая кладбищенская поэзия и пиздаблядская проза с детективной каёмочкой. Запах Акунина и вкус Оруэла. И всё это под музыку старого растамана Гребенщикова. В этой комнате мы сплетались в прочную сеть удивительной хуйни определение которой я дать не могу. В эти моменты я на время забывал о Марксе. Это было важно. Надо знать дно.

Вскоре принесли водку и включили Prodigy. Завертели колёсики и проснулся художник Власов.

— А чо, я уснул что ли? — спросил он на правах хозяина.

— Нет, ты дремал аки Зевс на Олимпе, но стрелы и громы проебал, это уж точно. — ответил я.

— Тогда выпьем — громко возвестил он.

И мы выпили. После этого я удовлетворённо огляделся вокруг и понял, что дальше обойдутся без меня. Спасать тут некого, развратничать рано, хоть та рыжая кудрявая была хороша как женский организм. Но вернуться сюда всегда можно, а вот на работу опоздать не хотелось. Я ж трудовой элемент всё-таки. Поэтому я замысловатым путём покинул квартиру, предварительно заглянув в ванную комнату. Ходить по ночным улицам в поту и побелке не достойное занятие.

***

И вот я на улице в свежем воздухе и свете ночных фонарей перешёл «зебру» и двинулся к магазину Пролетарский. Я думал серьёзную мысль. Направиться мне сразу домой или заглянуть в гаражный кооператив, а там уж через лог, что бы соловьёв послушать.

Но проходя мимо спящих автомобилей я вдруг услышал отчаянное всхлипывание женского рода. Чуть замедлив шаг, я увидел распахнутую дверцу белой чистой машины. В тёмной проёме иномарки сидела пухленькая темноволосая мадам в модно-дырявых джинсах и светлой открытой маечке с нарисованной коброй натянутой на тугую грудь. Девушка уткнувшись в ладони круглым лицом давила из себя грустные ауры и крупные слёзы. Ну так нельзя. Ночью в машине, без агрессии из вне, страдать на виду у звёзд — это ерунда, короче.

— Перестаньте плакать, гражданка, сейчас же! — приказал я в досаде.

Незнакомка посмотрела на меня плохим взглядом и вытерла слёзы.

— Проходите дальше, нечего вам тут... — ответила она неуверенным голосом.

Понятно. Значит никого не убили и не ограбили. Сердечные муки словно ожог крапивы, сначала неприятен, а потом даже полезен что ли.

— Вы за деньги не катаете, а то мне на работу сегодня, извините конечно? — на шару спросил я.

— Я не такси — был мне такой короткий ответ.

— Добра вам женщина, мир так хорош, что опомниться не успеете, как счастье в руках держать будете, уж поверьте, ещё раз извините... — произнёс я без тревожных волнений и пошёл далее по улице Гагарина.

Я прошёл не более двести метров, когда белый автомобиль догнал меня у здания СЭС.

— Давайте я подвезу вас — добрым голосом позвали из машины.

— А вы плакать не будете, ножиком не пырнёте если что? — спросил я продолжая идти.

— Да садитесь же! — приказала мне женщина-водитель в белой майке.

Конечно, же я сел на мягкое сиденье и полез за деньгами, выронив тяжёлый смартфон.

— Блядь! — совсем не романтично вырвалось у меня.

— Куда едем? — просто задала мне вопрос незнакомка.

— Кооператив «Монтажник», гаражи знаете у Юных Натуралистов? — глупо засуетился я, стыдясь за непрестижный адрес.

— Конечно знаю, деньги свои уберите.

— Нынче без денег дрянь.

— Нормально, поехали.

И мы помчались по родному городу в тот самый час, когда люди пропадают с улиц словно фантомы и только собаки бродят нюхая молодой воздух ещё не наступившего дня. По дороге Алёна (мы познакомились сразу) рассказывала обычную историю о ревности и предательстве, мужской коварности и траблах на работе. Я только кивал и не предлагал никаких советов. Я просто предложил ей выпить в одиноком виде и посмотреть хорошие сны.

Она же выпить согласилась, но уж никак не в одиночестве. И мысли о здоровом сне её не удовлетворили. Остановив машину у ворот «Монтажника» она ударила по рулю и достала из бардачка бутылочку вишнёвого ликёра.

— Выпьете... выпьешь со мной, пожалуйста — взглянула она мне прямо в душу.

— Отчего не выпить Алёна, но вот за рулём — это плохо — по граждански ответил я.

В ответ она посигналила сторожу, голова которого мерно покачивалась за закопченным стеклом будки. Судя по профилю это был отставной майор Башнев. Он проснулся и электрической кнопкой поднял тяжёлый автоматический шлагбаум. Мне было очень уж интересно, почему я не знаю эту женщину автомобиль которой по домашнему, спокойно рулил в лабиринте линий и секторов нашего кооператива. И чем дальше мы спускались в сторону лога, тем волнения мои усиливались подобно манометру.

А уж когда мы остановились у ворот гаража Михалыча, я вздохнул грубым образом. Алёна посмотрела на меня удивлёнными глазами и спросила — «Что случилось?» — Мне хорошо с тобой — как бы соврал я и вышел из машины.

Так и есть «Шкода — Октавия». Почему я раньше не обратил на то внимание своё? Белая, чистая бабская машина.

А ночная моя девушка-водитель уже отпёрла ворота. Я помог ей зафиксировать створки, что бы не вздумали захлопнуться от ветра, который тут в низине почему-то всегда струился словно гюрза.

В самом гараже уже горел свет, а в углу, возле холодильника Минск стоял знакомый мне и автомеханику Горемыкину мягкий диван, который, как вы догадались, был чист и не обоссан.

Мы загнали авто в помещение и я включил старую магнитоу Фунайва. Слегка искажённая музыка наполнила гараж уютными гармониями Джо Дассена. Вот любят некоторые радиостанции ночью ставить хорошие песни. Днём всякое гавно, а вот ночью...

— Пришла сегодня машину забирать, а тут диван этот стоит, чертовщина какая-то — сказала Алёна, заметив что я уж слишком внимательно разглядываю мебель.

Меня то как раз посещали иные мысли, философские и почти сказочные. Нет, я не верил там в приметы всякие и прочий потусторонний фактор. Но о тесном городе подумать пришлось.

— Ты откроешь ликёр? — спросила меня женщина.

Да, конечно я открою эту вишнёвую бутылку, хоть и не любят рабочие люди подобные напитки. С другой стороны какая нахуй разница что пить в такой вот

удивительный момент. Главное — с кем и по какому поводу. И не песочные печенья из сумочки Алёны, не хриплый звук Фунайвы, открывали во мне романтические ларцы.

Просто сидя тут, в тихом, тускло освещённом месте, на мягком диване родом с любимой моей мусорки я одной рукой держал пластиковый стаканчик, а другой, пухлую ручку ночной феи терпеливо поджидавшей меня сегодня на ночной улице. Вот что бывает, когда ты не проходишь мимо чего бы то или кого бы то ни было.

Мусорные контейнеры днём или «Шкода Октвия» ночью — всё это единый холст, на котором мы рисуем картину собственной судьбы маслянными красками. Впрочем вы не сердитесь, но мне пора двигаться дальше, пока есть ликёр и есть диван. Вот только попаду ли я сегодня на работу? Должен попасть, я надеюсь...

№221-В

— Да ещё и бухать нельзя две недели. Вы это мне предлагаете, добрые люди? — громко выражался я в бытовке прораба.

— Нам приказали. Иначе жопа. Говорят, люди сыплются как листья вон с той берёзы. Пандемия, блядь... — отвечали мне хором бригадир, прораб и старший инженер.

— А если уволите, то пизда всей вашей кровле. Отвечаю. У меня шабашек вагон. Пацаны за мной потянутся. Как вам такое, господа ИТРовцы? — упирался я руками в грязный стол.

— Беспяткин! Мы тебе материально поможем так, что и шабашки будут не нужны! Есть средства... — таинственно прошептал инженер.

Я, конечно, человек не жадный, атеист и теорию прибавочной стоимости знаю. Но в мире капитала сломать можно любого. Любого, но только не того, кто читал

«Государство и революцию» или «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

Да, граждане потребители! Первичность материи, а не духа! Сволочизм буржуазии по отношению к рабочему классу — это первое, на что должен обращать внимание наёмный работник, когда его принуждают сделать неведомую прививку или проголосовать за какую-нибудь сытую рожу. Во всех этих предложениях содержится добрая порция наебалова — как в процентном выражении, так и в чисто гуманитарном качестве.

Но я всё же стоял под тусклой лампой и думал о материальных ценностях. Мне было противно, что я вообще сомневался. Сомневался в бытии и сознании, в отчуждении стоимости продукта и неравном распределении чёртовых благ. Эти блага манили меня откуда-то из адских глубин желудка; и муки просвещённого ума не давали мне облегчения.

Время скоротечно, гибель тела и обрыв мысли неизбежны — а потомкам я уже вряд ли чего оставлю, кроме сотни песен, сотни рассказов в Интернете и сотни тысяч рублей в коробочке из под конфет «Вдохновенье». Вот ведь, блядь! Карл Маркс, ты уж прости, но предпосылки не созрели, самосознание спит, а жизнь можно прожить и так, чтобы было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...

— Я уколуюсь. Слышишь, рабочая аристократия? Но условия будут очень жёсткие в плане материального удовлетворения, — противным голосом сказал я.

— Вот это мы сейчас и обсудим, — дьявольски улыбнулся прораб.

И мы впервые за всю эту встречу присели на старые, заляпанные краской стулья. На столе появилась бутылка «Охотничей», четыре стакана, чистый лист формата А4 и шариковая ручка с логотипом каких-то таблеток от импотенции.

Дальнейшие события и разговоры вам вряд ли будут интересны. Да и говорить о них мне будет стыдно.

***

Я смотрел, как медсестра набирала в шприц прозрачную контрреволюционную жидкость, которую мне представили маскирующим словом «вакцина». Цифры были на этикетке — вроде 211...

В правой руке я держал ручку, а левой придавил к столу лист с буквами на мёртвом белом фоне. Эти буквы складывались в слова и весь смысл их предлагал мне взять всю ответственность на себя. Я сам пришёл в поликлинику; сам попросил ширнуть меня неведомой хуйнёй; сам готов к непредсказуемой реакции организма, включая мучительную смерть или деменцию. Ну, то есть добровольно я решился. И подписал эту бумагу.

Медсестра не смотрела мне в глаза, словно боялась неадекватных насильственных действий с моей стороны. И это отчасти было так.

— В руку меня убивать будете? — тихо спросил я.

— В руку, — ответила женщина со шприцем.

Игла вошла легко и никаких неприятностей мне не доставила. Только когда вся жидкость оказалась в теле, мне почудилось, будто всё вокруг потеряло части светового спектра (красную и зелёную). Кабинет и окружающие предметы вдруг стали синими, словно сделанными из сапфира и колючий холод на мгновение ворвался в помещение неприятным образом. У медсестры куда-то пропали зрачки и она застыла, словно мёртвая скульптура.

Но я быстро моргнул и видение пропало. Медсестра улыбнулась мне печально, словно я пришёл на усыпление в ветеринарную клинику, а не в учреждение бесплатного здравоохранения. Впрочем, я другого и не ожидал.

— Долгих лет жизни вам, женщина! Любви и пенсионного возраста! — пожелал я ей всё, что пришло на ум.

Она продолжала искусственно улыбаться, пока я с потерянным видом покидал процедурный кабинет.

А на опустевшую голгофу уже стремительно лезли жители моего района с выпученными глазами, словно там проводили прививки от глупости.

Я покинул поликлинику и решил пройтись по скверу. А заодно пожаловаться памятнику Ленина на капитализм.

***

Всё же золотая осень — это штука хорошая. Тут тебе и солнце холодное, и листья эти тоже холодные, но по цвету — совсем наоборот. Дымком тянет из частного сектора. И кажется, что весь мир затих, успокоился и улыбается тебе, словно городской сумасшедший. И ты радуешься этому милому времени, зная, что совсем скоро налетят ветры, тучи хмурые и зальёт с небес мерзкий дождь чёрную землю.

У памятника Ильичу я стоял с понурым видом и пытался мысленно оправдать слабость духа и революционную пассивность.

— Товарищ Ленин! Выжить в смутное время нынче трудно. Капитал силён и реакция опасна. Вот и привился я в обмен на премии, отгула и ящик «Старки», — говорил я ему, сквозь года и расстояния.

И походило это на покаяние церковное. Действо, придуманное жрецами, чтобы увлечь трудовой народ от классовой борьбы. От этого мне стало ещё омерзительнее.

Но всё прекратилось мгновенно и вдруг, когда вождь пролетариата склонил ко мне голову и укоризненно произнёс:

— Да, Беспяткин... Дал ты маху, дурак. Жизнь твоя теперь не будет прежней. Лекарство это в тайных лабораториях создавалось. И не для борьбы за светлое будущее, а с иными деструктивными целями. Держи теперь удар, если сможешь. А я тебе помочь уже ничем не могу.

Я отпрянул от постамента, огляделся вокруг и снова взглянул на памятник. Изваяние было на месте и никаких гримас там или подмигиваний. Рядом с деревьев листва опадала и возле кустов боярышника агукали дети в колясках. Солнце светило всё так же ласково. Только вот неприятный озноб прокатился по всему моему привитому телу.

Я поёжился и быстро пошагал домой, чтобы завалиться в квартире на диван, включить сериал «Вечный зов» и пожарить яичницу с луком.

***

На диване я и почувствовал, что температура тела поднялась, в мышцах появилась паскудная ломота и весь организм мой мягко намекал, что пора бы заняться самолечением.

Что, блядь, доброволец хуев, подписал бумажку? Теперь сам себя вытаскивай из этого дерьма. Измеряй температуру тела, пей жаропонижающие, чай с малиной, потей и выключи телевизор.

Уже к вечеру я получил все самые мерзкие симптомы и депрессивное настроение. Я лежал красный и горячий в полутёмной комнате и часто дышал. Вот они — побочные реакции! Но медсестра говорила, что это нормально и даже хорошо. А мне было не хорошо! Мне обидно было, что за какие-то ебучие блага я предал идею и критическое мышление. Здравый смысл я предал и интересы рабочего класса. Нет мне прощения и пусть меня расстреляют по приговору «тройки». Это будет справедливо.

В итоге я всё-таки принял хорошую дозу аспирина, тёплого молока и таблетку феназепамы для настроения. Через час я почувствовал облегчение и, укутавшись вторым одеялом, провалился в глубокий мрачный сон. За окном просигналила машина скорой помощи. Потом всё.

***

Проснулся я в полночь. Мокрым проснулся, остывшим и с ясным сознанием. Я даже подумал, что ещё не всё потеряно для смены общественных формаций и здорового стула. Луна светила в окна, словно на энергетиках. Даже светильники зажигать было стрёмно. Впрочем, они и не зажигались. Видимо, электросети опять колдовали с оптимизацией силовых линий, чтобы запитать ещё один «освоенный» микрорайон по одному кабелю. Суки!

Тем не менее, я должен планомерно сходить в сортир, для комфортного продолжения лунной ночи в попытке снова заснуть. Я, в тапочках с «совами», прошкрябал по линолеуму в коридор и повернул к двери сакрального санузла. Мимо меня пронёсся кот Лев Давыдыч, словно уже успел где-то нассать, а наказанным быть не хотел. Ладно, оппортунист сраный, мы с тобой после разберёмся.

Меня больше всего удивило то, что дверь в сортир была заперта изнутри. Жена с младшим укатили в Саратов на какой-то безыдейный сабантуй. И только мы с котом могли считаться здесь «положенцами» на текущий момент. Поэтому запертая дверь туалета как-то неприятно меня насторожила. К тому же я почувствовал, что во всей окружающей атмосфере витало нечто неуловимое и жуткое. Такая тишина бывает только в гробу или в техподдержке одного шельмоватого виртуального хостинга.

Я толкнул дверь сильнее. Заперто, блядь. Тогда я раздражённо постучал по лакированным доскам, понимая, что это несколько глуповато выглядит.

Кто-то или что-то зашуршало там, по ту сторону, заскрипела катушка с рулоном туалетной бумаги и низкий рыкающий голос ответил мне на стук:

— Занято!

Я отпрыгнул от двери. Так всегда надо поступать, чтобы тебе внезапно не влупили раза в носовую перегородку нечистым кулаком.

В поисках летального оружия я провёл не одну тысячу лет, но нашёл только силикатный кирпич, который отложил для установки ванной. Зато кирпич знакомое и удобное средство обороны, а порой даже и нападения. И ведь так оно и случилось.

Дверь туалета резко распахнулась. На свет луны вырвалась громадная тварь и мне показалось, что я попал в какой-то тупой голливудский хоррор. Вдобавок, из сортира поплыл слезоточивый запах свежего дермища. Сколько же он там навалил, гнида?

***

У ночного гостя была голова в чешуе, с торчащими в разные стороны толстыми волосами, навроде львиной гривы. Морда его, с удлинённой треугольной челюстью и вдавленным раздвоенным носом, смотрела на меня хищными змеиными глазами. И в носу этом что-то неприятно клокотало. Всё его тело также было покрыто грубой чешуёй и отсвечивало в лунном сиянии пакостным фиолетовым оттенком. Мышцы у существа присутствовали. Да ещё какие! Ну и, конечно, ноги его были с коленками назад как у «босховских» зверушек.

Короче, стоял я с кирпичом перед этим мутантом и дум толковых у меня в мозгу осталось совсем на чуть-чуть.

— Х-р-а-а-х, — страшно произнёс он в мою сторону.

Вот где-то на букве «а» я и метнул кирпич ему в голову.

Запомните, граждане! На гласные расслабляющие звуки надо бить или бросать опасные предметы в противника. При согласных этого делать нельзя, ибо всё внимание в них сосредоточено.

И кирпич влетел чудовищу прямо между глаз. Неприятель отшатнулся в сторону кухни, по пути сбивая пустые водочные бутылки. Это дало мне немного времени на панический побег в спальню. Там я закрыл шпингалет и сорвал со стены электрогитару Washburn HB30TS. Да, эта шестиструнная волшебница с

музыкальным погонялом «Blues Machine», которую нынче днём с огнём не достанешь — сегодня ночью стала моей секирой. У неё достаточный вес, чтобы зарядить негодюю в грудь и услышать потрясающий резонирующий звук в метафизическом понимании... и вообще...

В этот момент дверь в спальню была вероломно выбита и бешеные глаза чешуйчатого хищника снова пытались взорвать мою голову запредельным ужасом. И я боялся. Боялся так, что челюсти дрожали, а колени нет.

Видимо, мой вид чем-то заинтересовал пришельца из хуй пойми каких демонических ущелий или миров. Он замер возле компьютерного стола и только в носу его всё так же что-то противно клокотало.

***

— Что, Беспяткин? На концерт собрался? — как-то менее враждебно спросило чудовище.

— На блядки, — сквозь зубы прошипел я.

— А я за тобой. №211-В — твой билет на последний поезд.

— Срал я на вашу вакцину бесы тупорылые! Ты хоть смыл за собой в унитазе, посланец?

Монстр ехидно улыбнулся, блеснув в лунном свете кривыми клыками. Он взял когтистой лапой спинку компьютерного стула и пододвинул к себе.

И это было прекрасно, скажу я вам. Да, друзья, я знал, почему это было прекрасно. А хищная тварь нет. Потому и село в это кресло мерзкое порождение похмельных кошмаров. Село, как я понимаю, чтобы с наслаждением выдать мне положенный в данной торжественной ситуации мудрый монолог о бренности сущего и предопределённости высшего суда. Знаем мы эти сказки. Я крепче сжал гриф гитары, аж пальцы хрустнули.

— Ты, Беспяткин, сейчас в будущем — всего лишь на несколько секунд. Мир только строится для настоящего и никого из разумных здесь быть не должно. Впрочем, насчёт твоего разума есть сомнения... — начал он плести свою надгробную речь (мне же вспомнился старый фильм «Лангольеры»).

Я весь был во внимании. Но не к этому заурядному монологу вонючего пришельца, а к его поведению на стуле. Ведь должен же он философски откинуться на жёсткую спинку, также философски разведя руками после порции очередной словесной пурги. Но пока он сидел, напряжённо наклонившись ко мне с мерзкой гримасой довольного палача.

— Вот мог же ты без позёрства глупого, идейности своей пустопорожней красной прийти в здравпункт и с благодарностью принять дар от тех, кому твоя жизнь принадлежит. Прививочку под литерой «Б» сделал бы и пришла бы за тобой красавица в золотых трусах с волосами до копчика. Взяла бы тебя за руку и отвела в прошлое, как тех других — покорных и смиренных. А в прошлом много чего интересного имеется, скучать не придётся. А тут вот раз — и в будущее попал. А оно пустое, как потребительская корзина ваша. И нам, стражам, работы прибавляешь — вытаскивать протестантов из этой дряни и отправлять в небытие. Ну, согласишься, дурак, я правду говорю? — спросил он, словно топовый блогер на Ютубе и наконец-то философски откинулся на спинку стула.

Этого-то я и ждал. А тварь клыкастая не ждала. Вы спросите: «Да что же там с этим стулом то не так?» Наверняка спросите. А я отвечу: «Да нет у этого стула одной опоры из пяти! И он валится с грохотом наземь, если легкомысленно возиться на нём, размахивая руками и глупо проповедовать разные заповеди!», — так отвечу я вам.

И это произошло. Завалился хищный страж для «неправильно» привитых граждан под стол в кучу проводов и строительных инструментов, которые я так и не успел отремонтировать. А сверху я его Washburnом поперёк башки окрестил атеистическим способом. Он истошно, по-бабьи, взвизгнул и захрипел каким-то повреждённым органом.

***

Я рванул прочь из квартиры, захватив мобильник и заперев металлическую дверь на мощный самодельный замок. Далее я проскакал по ступенькам подъезда вниз и уже через минуту бежал по парковой аллее, к дому своего приятеля Гришки Польшаева.

Там я надеялся получить хоть какие-то ответы на странные мои вопросы. А ещё по пути мне пришлось завернуть в осенние кусты боярышника. Ну, вы знаете по какому поводу.

Там же в кустах я с досадой услышал, как возле моего дома раздался звон разбитого стекла и грохот упавшего тела полутяжёлого веса. Шаги тревожные услышал я и очень злобное далёкое рычание.

Да, тут уж теперь разговоров поди не будет. А на улице весь чермет попиздили добрые люди. А ещё меня огорчало то, что всё вокруг было пустынным, то есть без ночных мотопридурков с обрезанными глушаками или пиздюков в «Приорах» с неправославными басами из сабвуферов. Ну, вообще никого! И даже листья не шелестели на ветру; да и ветра не было тоже; и запаха костров. Движение отсутствовало как класс! И лишь я был движением. Станным и нелепым движением, в будущем которого нет!

Луна продолжала ярко светить, словно из другого мира из другого времени.

***

И всё-таки я уже перестал воспринимать ситуацию панически. Вспоминая роман «Как закалялась сталь», мне было даже неудобно перед комсомольцами 1920-х.

Мне ясно представилось, что я тут, как чёртова «свободная личность», ни в какое сравнение не шёл с теми, кто строил узкоколейку в лютый мороз, отстреливался от белогвардейских банд и жил на мизерном пайке в выстуженном бараке. И всё это

ради других людей. Ради жизни, новой жизни! — без откатов и офшоров, без инвестиций и биржевых спекуляций, без кредитов и импотентных зарплат. Без частной собственности на средства производства, блядь!

Вакцина № 211-В — ты проклятая литера «В» для особо упёртых мудаков. Это же прямая реакция торжествующего класса капиталистических пидорасов в отношении тех, кто по настоящему строит мир и производит те самые блага, на которые я купился во временном мещанском умопомрачении.

Об этом я думал, пока бодрым шагом направлялся к дому Гришки Польшаева. И уже у его подъезда я много чего решил для себя и всего человечества.

Мы ещё поиграем, блядь! Мы ещё повоюем! Сука!

Не пить спиртного две недели? А вот тут-то вы прокололись, эффективные собственники! Бухло даже радиацию выводит, а тут генный шмурдяк с липовым сертификатом.

Водки мне! Водки! Без вариантов!

***

Я достал мобильник и отправил вызов из записной книжки товарищу по классу. Это сегодня я думаю — как же в ином времени может работать сотовая связь? Но она работала. Видать, радиоволнам похуй на все эти темпоральные смещения иль как их там.

В общем, я вас проинформировал. И если вы вдруг окажетесь в запутанной временной петле по-пьяни или с похмелья, то звоните родным и близким, не забываете о коллективизме.

А Гриша ответил мне мутным сонным голосом:

— Какого хуя, Беспяткин?

— Ты только трубку не бросай, Польшаев! А то я тебе окна побью, — сразу предупредил я его.

— Ну? — буркнул он.

— Короче, так. Я сейчас у твоего дома. Выгляни наружу, это срочно!

В динамике что-то зашуршало, заскрипело и, наконец, в окне я увидел расфокусированное изображение Гришки. Он с мобильником всматривался в окружающую среду, в то место, на котором определённо должен присутствовать я.

— Чего-то я никого не вижу. Ты точно возле моего дома? — спросил он.

— Я прямо на тротуаре, машу тебе рукой. Видишь?

— Не-а... Там только кот яйца лижет. А другой живности нет.

— А кот серый вислоухий, с заломанным хвостом?

— Ночью все кошки серые. Да, с хвостом. На твоего Троцкого похож, — разочарованно ответил мой товарищ.

А про кота спросил потому, что я его тоже видел. Это был Лев Давыдыч. Вот ведь чёртовы животные. Я всегда подозревал, что они не так просты, как мы думаем, эти коты. Видимо, им плевать на всякие там параллельные реальности и временные континуумы. Поэтому они появляются, словно из подпространства, в разных местах. Стоит только неосторожно моргнуть и кот уже на коленях, а из под батареи тянет внезапной ссаниной. Теперь я знаю и эту часть из мира животных.

***

Итак, кот. Да, кот. Это связующее звено между прошлым и будущим, проводник материи в недоступные уголки вселенной. Короче, шанс Вселенной, если она вдруг начнёт терять атомные связи для нового Большого взрыва.

— Кыс-кыс, Лёва, — позвал я полосатого плута.

Тот перестал лизаться и, изогнувшись высокой дугой, привычно подошёл ко мне в надежде получить питательный продукт. Но я смог его только погладить.

— Кот ходит, выгибается? — спросил я в трубку.

— Нет. Хотя погоди. Вроде как трётся о что-то невидимое. Странный, блядь, — ответил Гриша.

— Что-то невидимое — это я! Прими сей постулат и не оспаривай. Я в будущем. А котам похуй всё это, связь через него, — торопливо говорил я, видя, как садится аккумулятор.

— Беспяткин, ты опять бухой! Выходи из кустов, а то я спать пойду, — рявкнул мне в ухо Польшаев.

— Ты не уснёшь, пока не поможешь мне. Иначе я расскажу, куда делись двенадцать листов «Монтеррея» из Кукольного театра, — выложил я постыдный для товарищества козырь.

— Мудак ты, Беспяткин! — ответил мне Гриша.

— Извини. Я и правда мудак. Но в беде оказался, жуткие вещи со мной сейчас происходят, — оправдывался я.

— Ты не допил или перепил?

— Мне надо! Покрепче и сейчас! Вынеси к подъезду что-нибудь ядерное! Я знаю, у тебя есть авторский самогонный микс «Польшаевка»!

— Ну, знаешь... Это для торжественных случаев. Я тебе лучше чачи налью.

— Нет, дай что прошу. А то вон, уже у кота шерсть дыбом стала. Скоро тут будет грандиозный шухер, — волнуясь кричал я в мобилу и наблюдая, как кот растопырил лапы, выгнулся колесом и зашипел.

***

Я знал, на кого он шипел. Я видел, как громадная с мятой всклокоченной гривой тень появилась в проёме между домами и, царапая асфальт крепкими когтями, двигалась в

мою сторону. Мерзкий фиолетовый отлив крокодиловой кожи противно отражался в свете зловещей луны. И эта тварь уже не улыбалась, а свирепо скалилась клыкастой пастью по моему поводу. Я смутно догадывался, что отправить в небытие — это просто сожрать клиента и небиологически переварить его. А может и биологически, хуй его знает. Короче, страж шёл за мной и его цель меня не радовала. Впрочем, как и кота, который заорал потусторонним голосом; и этот звук не походил на мартовские плотские завывания.

Монстр резко остановился, наклонив свою мерзкую башку и его мутные малахитовые гляделки уставились на животное. Видимо, тут было что-то из глубин веков, не понятное нам, высокоразвитым гегемонам. В этот странный момент я услышал, как дверь подъезда, пискнув домофоном, приоткрылась и волосатая рука поставила на бетон бутылку и что-то завёрнутое в газету.

Почему-то Гриша не решился выходить из подъезда. Впрочем, я догадывался, что он хочет поймать меня с поличным, когда я «выберусь из тёмных кустов». И это было кстати. Мне не хотелось бы подвергать товарища не нужной опасности. Но всё же теперь задача осложнялась. Да ещё кот вдруг свалил как последний оппортунист в густые заросли палисадника, оставив меня один на один с поганым существом.

— Ну что, Беспяткин? Ты готов? — безо всяких эмоций спросил безжалостный страж.

— Всегда готов. Да только тебе вопрос на засыпку?

— Ну?

— Литера «А» для кого?

— Её нет, дурак! Пока эксперименты с «Б» и «В» не пройдут, ничего не будет, — прорычала когтистая тварь и, роняя едкую слюну на асфальт, двинулась ко мне.

Я попятился, выставив вперёд руки, и шёпотом произносил клятву пионера. Мне не оставалось уже больше ничего. Совсем ничего, кроме бессмысленных далёких от всякого человеческого понимания укусов.

Чудовище мягко присело, чтобы совершить финальный прыжок перед тем как разорвать меня и затем...

***

И затем из темноты на мёртвый свет луны выскочил мой милый домашний питомец и в несколько прыжков коварно оказался за спиной стража. Далее он молниеносно вскочил тому на загривок и эпичным кошачьим приёмом всадил свои острые когти в зелёные радиоактивные зенки моего врага. В стороны брызнули светящиеся фосфором струи, словно дешёвый фейерверк.

О, как оно взвыло! Мне даже на секунду стало его жалко. Но это не имеет значения — идёт битва на уничтожение и расслабляться не стоит.

Пока чудовище вертело косматой головой и пыталось понять, что происходит, кот спрыгнул с него и опять издал клич воина. Страж молниеносно махнул левой лапой в сторону источника звука и, походу, задел животное.

Всё это я наблюдал, уже глотая «Полыхаловку» революционными глотками. Пока я пил, мир вокруг играл размерами пикселей и всякими там цветовыми гаммами. Вот это, я вам скажу, ответная реакция на вражеское геновое вторжение в организм. Я прямо чувствовал, как чужеродный РНК-код был атакован дерзкими молекулами C_2H_5OH , ну и плюс антителами разной степени активности.

В газете был завернут солёный огурец. Я сожрал его как магический артефакт, запускающий процесс полного отторжения всякой ненужной дряни. Ещё мгновение — и ко мне вернулись острота чувств и ясность ума!

Я видел, как окровавленный Троцкий бегал вокруг стража, как белка и зловеще мяукал. Враг же мой вертелся, словно ящер, хлопая вытекшими глазами и на слух пытался определить, кто и где находится.

Сейчас ты блядь все услышишь! Сейчас ты все узнаешь, шкура ёбаная!

***

Я разбил бутылку о парапет и с готовой «розочкой» спокойно направился к тому, кто намеренно пытался отправить меня в небытие. При этом я пел песню:

— Там вдали, за рекой

Зажигались огни,

В небе ярком заря догорала.

Сотня юных бойцов

Из буденновских войск

На разведку в поля поскакала.

Страж замер и повернулся в мою сторону. Он был всё так же силен и крепок, но хочу заметить, что боевой дух его был под большим вопросом.

— Беспяткин, не шути со мной. Ты должен исчезнуть. Это моя миссия и она будет исполнена! — рявкнул он, выставив перед собой жуткие когтистые лапы, словно Мак Грегор, пытаясь держать дистанцию.

Ничего я ему не сказал. Это почему-то за меня сделал кот. Он завыл противным голосом с противоположной стороны.

— Ах, ты ж тварь сатанинская! Я и тебя заберу, — повернулось к нему чудовище.

Я хладнокровно зашёл с левого бока и в то же мгновение резко и глубоко полоснул «розочкой» по коленным сухожилиям вражеской твари. Уж что-что, а эти штуки мы хорошо знаем. Слабые места есть у всех и не обязательно это будет игла, яйцо, утка или заяц. Как правило, несущие конструкции имеют критические узлы; просто надо знать, где они находятся. А уж тут-то любой строитель знает, где подрезать жилы и кому.

После этой хирургической манипуляции я быстро отскочил в сторону, чтобы не попасть под тяжёлое тело, потерявшее опору. Монстр рвал воздух лапами и рычал

злые слова на неизвестном мне языке. Но при этом для бросков и догонялок он был уже бесполезен.

А я уже терял связь с этой реальностью. Окружающая среда меняла фокус и какие-то смазанные цветные линии проносились мимо меня, словно новогодняя мишура. Потом меня самого закружила в пространстве неведомая сила и поволокла куда-то прочь от пульсирующего дома Гришки Польшаева.

Последнее, что я увидел — это приоткрытая дверь подъезда и испуганные глаза моего товарища. Представляю, что у него там в башке творилось...

***

Я открыл глаза; меня посетило дежавю. Всё та же луна светила в окна. Я лежал под одеялами мокрым, с полным отсутствием какого-либо сна. На табуретке рядом лежали таблетки и полстакана воды. Единственным, что дополнительно присутствовало в этом пробуждении, были перегар и сухость во рту. Я сел на диване и помотал головой. Она не болела и не кружилась. Хотелось только ссать. Наверное, от этого то я и проснулся.

Я обычным образом прошлёпал в тапках с «совами» по коридору и включил свет. И вуаля! Светильники бодро лучились своими светодиодными источниками и это было приятно. Но дверь в туалет я открывал с особой осторожностью. Она же была не заперта, но сюрприз всё-таки скрывала.

Да, граждане. Там, в маленькой обители облегчения, в новом чешском унитазе, была навалена громадная зловонная куча. Я не буду описывать сей продукт, щадя психику читателя. Но смывал я всю эту хуйню долго и ещё побрызгать освежителем пришлось.

Всё же сколько удивительных загадок приготовило мироздание для наших любопытных носов. Если их все разгадывать, то на политическое самообразование времени не хватит.

Я просто отмечал факты и откладывал их в отдельную папочку в дальний уголок своего разума. Из них наиболее яркими и необычными были: разбитое окно в спальне, моя электрогитара в куче проводов и строительных инструментов, кот Лев Давыдыч с ободранным боком и ночной звонок от напарника Гриши Плыхаева.

— Беспяткин, ты где? — спрашивал он меня.

— Я дома, Гриша. Вакцину убиваю, — отвечал я.

— Ты бухал?

— Видимо да. Да, бухал, — честно признался я.

— А у моего дома ты чего делал?

— А что у твоего дома?

— Да у меня тут ебать что было! Бутылку самогона кто-то выпил и огурец сожрал. Потом кот летал, как в кино. И вообще...

— Отнесись к этому с пониманием. Может, приснилось тебе. Иль сомнабула в тебе какая. Всё будет хорошо, — попытался я успокоить товарища, но напрасно.

— Ты мне звонил! У меня все отмечено! А потом вся эта поебота началась. Не зли меня! — тревожился Гриша.

— Когда-нибудь я тебе всё расскажу...

— Нет, ты мне сейчас все объясни! Понял? — упёрся он.

— Ладно. Бери свою фирменную настоечку, пожрать побольше и дуй ко мне. А то за мной уход нужен после «побочек» всяких, — сдался я.

— Принято, — ответил он и резко оборвал связь.

***

Я постоял немного возле окна, наблюдая, как в свете фонарей около белой «Тойоты» бухала разношёрстная компания ночных странников. В это время моя нога почувствовала мягкое и тёплое прикосновение кошачьей шкуры. Мой полосатый боец

тёрся больным боком и настойчиво мяукал. Ну, конечно же, ему пора бы подкрепиться. Вы как считаете?

— Трощкий! Вот тебе твой «Вискас». И спасибо за всё! — сказал я коту, накладывая в миску и сухой корм и рагу и даже кусок печёночной колбасы.

Уж что-что, а жрал он действительно по-военному — ни капли врагу. Я нежно погладил его и подумал, что пора бы уже кличку ему сменить на более подходящую для текущего момента. Вот только оклемаюсь чутка и подберу что-нибудь героическое, из времён Гражданской войны.

Потом я ушёл из кухни, чтобы немного прибраться в зале и закрыть разбитое окно в спальне. При всём при этом я продолжил напевать отважную песню:

— *Они ехали долго*

В ночной тишине

По широкой украинской степи.

Вдруг вдали у реки

Засверкали штыки —

Это белогвардейские цепи...

Портрет

Во всей этой возне с похоронами и оформлением разных справок, Макс и не заметил, как пролетели два суматошных серых дня. Ритуальных услуг было минимум, ибо с деньгами в семье было весьма туго. Даже гроб он вёз в своём «Блейзере», а родственники добирались до кладбища на своих машинках. Ну, ещё ребята с «рукопашки» подстраховали. Вся эта суета стеной загородила ту тошнотворную пустоту, которую Макс ощутил только сейчас, когда гости, тихо вздыхая, стали

расходится с поминок.

Да, только что ему вдруг стало не хватать той, которая уже лежала в свежей могиле, на тихом кладбище за Новосёлкино. Не хватало её голоса, шуток и мягких подзатыльников, советов её по жизни и дряблых рук, в которые совсем ещё недавно вводили растворы, поддерживающие уходящую жизнь. Все знали, что она умрёт, но только он упрямо верил в обратное. И она говорила ему: «Максимка! Мы ещё повоюем, внук. Когда Комсомольск-на-Амуре строили, тяжелей было...».

Но нет, тяжелей стало сейчас, когда бабушка там — в земле — от мира спряталась, а ему теперь не с кем свои проблемы и неудачи делить.

Девушка его Инга — она красавица, милая и добрая. Но на ней сеть магазинов висит и в те редкие встречи по выходным у них не до проблем и советов было. Только бы успеть о любви вспомнить, поцелуи не забыть и будильник не проспять в понедельник.

Вся такая жизнь в погоне за умеренным благополучием и выплатой кредита не предполагала романтику и разные там отвлечённые темы. Не давала мечтать о том, о чём бабушка рассказывала ему в детстве и позже, когда приходилось кормить её с ложки и менять пелёнки. А говорила она о трудных, но счастливых днях. О песнях, что пели под дождём в тайге, когда линии электропередач тянули; о новых домах, что строили для мирной жизни.

— Эх, баб... Вот с кем теперь петь-то будем? — думал Макс уже на улице.

Он шёл домой пешком и видел, как под фонарями искрилась мелкая мартовская морось. Весь этот влажный вечер словно пытался охладить перегретый мотор где-то внутри Макса.

Пешая прогулка успокаивала молодого человека. Вернее, не так: ходьба тупо перевела невидимые стрелки и его путь вышел из тёмного тупика на нужные рельсы к новым станциям и новым местам. Он шагал, тихо напевая под нос одну из бабулиных песен: «Нас утро встречает прохладой...».

Было уже к полуночи, когда Макс поравнялся со знаменитой пивной забегаловкой на Соколе. Там, над этой «легендой», с незапамятных времён горел одинокий фонарь и на его свет порой выходили покурить посетители. Иногда туда же вываливался клубок дерущихся граждан. Не за светлое будущее они били друг другу лица, а так — за мелкие обиды и, конечно же, за женский вопрос. С тех пор в ничего не изменилось, на этом островке пивного релакса.

И сейчас у входа в «Ромашку» курили двое, в обвисших куртках и мятых кроссовках. Они молча смотрели на незнакомца, тормознувшего вдруг перед этим сакральным местом.

Макс же не мог толком понять, почему он не прошагал мимо «волшебного» фонаря. Так вот, без смыслов и цели, он вошёл в пивнушку, словно в храм какой-то. Внутри забегаловки было душно и пахло обычно — рыбой и пивом. В слабо освещённом помещении стояли грубые деревянные столы с brutальными скамьями по каждую сторону. На них сидели редкие люди с гранёнными кружками и общались меж собой хриплыми низкими голосами.

Макс направился к бару, за которым дремала мясная женщина, идеально соответствующая общему интерьеру. Люди за столами притихли, следя за чужаком мутными глазами.

Барменша открыла глаза как только Макс положил руки на прилавок. Она с интересом посмотрела на него и неопределённо улыбнулась.

— Привет. Хочу у вас пива заказать пару кружек, — обратился Макс к барменше. Так-то к алкоголю он был равнодушен и если пил иные напитки, то лишь по необходимости, когда избежать этого было нельзя — как, к примеру, сегодня стопку водки на поминках. Но сейчас Макс осознанно хотел залить в себя этот пенный антифриз, чтоб не горело там внутри, в пустоте, что-то жгучее, как перец чили.

— Возьмите этого светлого. Оно свежее, — предложила барменша, доставая чистые кружки.

Расплатившись, Макс присел за стол в тёмном углу и неожиданно для себя, в один

заход опустошил одну из кружек. Вот так: раз — и нет поллитра.

В глубине кафешки тихо сказали:

— Человек.

Вторую кружку Макс пил медленно и впервые за последние два дня оглядел мир вокруг себя.

А мир был незатейлив и прост, как рыба чешуя. Тусклые светильники давали света лишь для того, чтобы посетители не бродили впотьмах с вытянутыми руками. Читать книги или замечать изъяны на лицах было практически невозможно. Потому всё вокруг не вызывало резких эмоций или иного какого раздражения. Это был такой успокаивающий интим, с редким звоном стеклянных кружек. Осмотревшись, Макс обратил своё внимание на странную парочку через стол от себя.

Это был мужчина, повёрнутый к нему широкой спиной и симпатичная (если не сказать большего) девушка, сидевшая напротив него. Свет от бара выхватывал из полутьмы её вздёрнутый носик, тонкие брови и почти детские смешливые губки. А волосы её, светлые как у феи из сказки, небрежными локонами спадали на хрупкие плечи, укрытые вязаной кофточкой. Рукава той кофточки были слегка закатаны и обнажали белые тонкие руки. У мужчины была грубая джинсовая куртка и кучерявая шевелюра, которая не могла скрыть предательскую лысину на макушке.

Эти двое пили пиво большими глотками и собеседник настойчиво что-то шептал девушке, наклонившись через стол. А та лишь мотала головой, словно хотела сбросить её с шеи, видимо отрицая что-то. Иногда она замирала и громко говорила:

— Нет, это хуйня полная...

Затем снова отпивала из кружки пару глотков.

«Интересно что занесло их сюда в такое время?», — подумал Макс. Впрочем, его самого-то тут быть не должно — но ведь вон оно как.

Макс, полузакрыв глаза, отхлёбывал напиток слабыми глотками, не торопясь ставить кружку на липкий стол. Стало легче дышать в спёртом воздухе и эта блондинка напротив, словно чудной такой маячок, освещала путь его в мерно качающемся океане тоскливой пустоты...

***

Вот только дальше произошло что-то совсем уж дикое.

Девушка, неприятно скривив губы, вдруг выплеснула в лицо собеседника остатки пива из кружки:

— Вот так рисовал ваш Модильяни небритые пёзды! А я поганить холсты не могу...,

— кошкой прошипела она.

И тут же получила крепкую — с перспективами — оплеуху, скинувшую её на грязный пол, словно куклу.

Где-то в углу неорганизованно заплодировали. А кто-то ещё добавил словами:

— Мужик положительно прав.

Но, видимо, мужик был не совсем прав, ибо поспешно вскочил со скамьи и попытался неуклюже поднять девушку, бормоча что-то униженное и просительное.

— Тряпка! — фыркнуло неизвестное лицо во всё том же неизвестном углу.

Но мужчина всё же поставил девушку на ноги и говорил не шёпотом:

— «Ева, прости! Ты не думай... Твои картины будут на выставке, я всё сделаю...»

— Конечно, сделаешь. И рецензию... Я знаю, насколько хороша. И Альбертыч знает. А на пощёчину твою плевать! Уходим отсюда, сейчас же! Герман! — твёрдо ответила она и схватила со стола маленькую, сверкающую камешками сумочку.

Потом она повернулась к полупроявленным из тьмы лицам и гневно крикнула подняв костлявый кулачок:

— А вы тут, мёртвые души, сидите! И пейте ваше тухлое пиво, пока печень не отвалится! У-у, су-у-ки!

«Эх, дура ты, дура», — подумал Макс, зная, какая публика заседает в такое время в таком месте. Не раз приходилось ему выезжать с ребятами из ГБР на всякого рода разборки по вызову администратора того или иного кабака. И поножовщина случалась и огнестрелы. Женщин по «синьке» тоже особо не щадили.

А тут, после столь героических и, по сути, правильных слов, этой белокурой бестии

могло легко «прилететь» от рук, пахнувших лещём и табачищем. Уже на выходе двое, в тех обвисших куртках, перегородили дорогу глупой воительнице. Её спутник неумело попытался оттолкнуть агрессивных граждан, но со спины его грамотно обработали по почкам воины тьмы. Он упал с мучительным стоном прямо поперёк скамьи и его лысеющая голова жёстко ткнулась в бетонный пол.

Барменша уже звонила куда следует, но из-за стойки не выходила — такова инструкция.

Макс вынырнул из поминальных дум и сладостных раздумий. Он знал, что делать и это ему почему-то подняло настроение. Возможно, такой «дискотеки» ему как раз и не хватало в последнее время.

Он плавно и уверенно передвинулся к месту действия, попутно отмечая количество воинов на поле брани. Их было трое. Ещё двое других тащили «озябшего» Германа ближе к свету, к прилавку. Макс отметил этих «санитаров» для статистики и занялся боевым расчётом на тех троих, что у двери пленили легкомысленную Еву.

Первый воин выхватил «двоечку» и освободил жизненное пространство без лишних вопросов. Двое других цепко держали девушку и были готовы справедливо наказать ту за оскорбление своего клана. Но... Но сейчас лишь удивлённо уставились на Макса. И их можно было понять по правилам. Но он уже принял решение нарушить правила. И он их нарушил.

На дистанции он «сложил» пополам того, что справа; ударом в «солнышко» и «слева» провёл апперкот в челюсть гражданину, оставшемуся без подмоги. Не дожидаясь этой самой подмоги, Макс резко толкнул входную дверь и, развернув свободную уже пленницу на 180°, грубо выставил её на свежий ночной воздух. Прямо под свет исторического фонаря выставил, словно нашкодившего кота.

— Это вот подло так меня дёргать, — как-то вяло возразила на всё это Ева.

— Пока менты не приехали... Бегом отсюда! Вон туда — за бараки, под тополя!

Живо!!! — скомандовал Макс, зная, что потеря времени всегда чревата неприятностями.

— А Герман?

— Герману обломится пара бесплатных кружек. А тебе отрыв башки светит. Бегом, я

сказал! Марш! — рявкнул Макс, словно пинчер.

И это исправило ситуацию. Девушка побежала в означенную сторону, как заяц, мелькая белыми подошвами кроссовок вместо хвостика. Макс, оглядываясь, неторопливо последовал за ней.

Совсем рядом завывала полицейская сирена и где-то в районе виадукa замигали голубые огоньки...

***

— А ты мне нравишься, — по-королевски огласила приговор Ева.

— А ты мне как-то не очень, — буркнул Макс, понимая, что врёт.

— Я не могу не нравиться. Но ты своё слово сказал, — ответила она.

— Иди-ка ты домой, а то опять куда-нибудь влезешь.

— А я уже дома. Но тебе придётся меня проводить, раз уж начал.

— Ничего я не начинал.

— Начинал, начинал. Я видела, как ты смотрел на меня в этой вонючей пивнушке.

Они с минуту постояли, глядя друг другу в глаза. И в итоге Макс отвёл взор, словно его пристыдили за какой-то гадкий поступок. Куда-то подевались честь и отвага, гордость и предубеждение. Всё куда-то подевалось рядом с этой самовлюблённой дурёхой в короткой юбке и вязаной кофточке, что плечи укрывает.

И вот она берёт его за руку и ведёт, словно собачонку, вверх по улице 40 лет

Октября. Через проезжую часть ведёт, к зданию музыкальной школы, к цокольной его части, с железной дверью в подвальное помещение. Там, на двери, этой одиноко мигал малиновым цветом светодиод на кнопочном замке.

Ева достала из сумочки ключ, похожий на белый отрубленный палец, и вставила в едва видимую скважину. Потом она повернула его и набрала какой-то код на циферблате. Дверь пискнула и девушка медленно открыла её, улыбаясь Максy, словно ведьма, притащившая жертву на кровавую мессу.

— Ну,ходи же спаситель! Я сделаю тебе кофе, — загадочно мурлыкнула она.

И они вошли в таинственную пещеру, возможно полную всяких дорогих вещей или драконов.

***

Когда Ева зажгла мягкий, с розовым оттенком, свет, Макс увидел штуки куда более интересные, чем драконы и рубины.

В небольшом, задрапированном бархатными порттьерами, помещении в первозданном беспорядке были расставлены всякие треноги и мольберты, рамки с холстами и гипсовые фигуры. В глубине комнаты, словно жертвенник, стоял широкий монументальный диван с замысловатыми подлокотниками. Рулоны ватмана и какие-то палки были свалены в одинокую кучу у правой стены. У левой же стоял стол-тумба с раскиданными на нём баночками и тюбиками, кистями и стаканчиками. Там же серебрилась кофеварка и маленький бумбокс.

— Вот так выглядит жилище Создателя! — представила хозяйка свою студию. — Вот хаос, из которого всё и получается.

— Ничо так, — огляделся по сторонам Макс.

— Вот именно: «ничо». Сейчас кофе будет. С коньяком, — сообщила Ева, направляясь к столу.

Она включила бумбокс и комната наполнилась милыми женскими голосами под замысловатый ритм перкуссии и гитарные переборы.

— Lucus, шикарная музыка. Ты, вообще, что слушаешь? — спросила художница, возясь с кофеваркой.

— Да всяко там. Радио в машине слушаю. Мне без разницы что поют, лишь бы не про кокаин и сопли в ночных клубах, — ответил Макс.

— Ты не безнадёжен.

— Спасибо.

Макс прошёлся по комнате, разглядывая картины и наброски. Ему реально нравились эти городские пейзажи и почти фотографические натюрморты. Было видно, что рисовали их старательно, со вниманием к мелочам. Они не были похожи на те странные цветастые полотна с нелепыми размерами предметов, которые он видел на выставке, куда его затащила Инга прошлой осенью. Там он реально ничего не

понимал и только кивал головой, словно пони в цирке, чтобы не выглядеть дураком среди продвинутой публики. Тут же всё было живым и тёплым — хоть издали смотри, хоть вблизи.

— Держи кофе, — услышал он голос за спиной.

— О, здорово! — взял он из рук девушки кружку ароматного напитка.

Кофе был действительно вкусным и точно с коньяком.

— Ну, как тебе эта мазня? — лукаво прищурясь, спросила Ева.

— Красивые рисунки. Мне нравится, когда вот так всё подробно. И краски светлые эти... — ответил он.

— Новаторства не признаю — чистый реализм! Что вижу то и пою, — улыбнулась девушка. — Вот Герман обещал на общую выставку в мае несколько работ заявить в галерею Альбертыча. Но видать, пока не трахнет, не заявит. Чёртов любитель экспрессионизма...

— Мудила, — вздохнул Макс, вспомнив джинсовую куртку и лысину.

— Да нет. В этих сферах все отношения либо на ебле, либо на деньгах испокон веков строятся, — махнула рукой творческая леди.

И дальше разговор не задался. Они просто молча ходили между мольбертами и гипсовыми фигурами. Словно в странном лесу бродили, в поисках чего-то необычного и волнующего. И ничего не находили. А она тонкими пальцами вцепилась в его крепкую надёжную руку, словно испуганный ребёнок, ища защиты от троллей там или лесной нежити.

Потом, на диване, она целовала его губы, а весь воздух ушёл из комнаты. И всё, что было материального, тоже пропало куда-то. Лишь прикосновение кожи было горячо. И ещё что-то волнами накатывало снова и снова, нащёптывая слова безумные...

***

Мир вернулся. И Ева вдруг решительно сказала:

— Садись вот на этот стул. Ну, садись же! Руки на эту подставку положи. Кружку

не убирай, держи просто... Я портреты не рисую, но к чёрту всё... Смотри сюда вот! Да, сюда...

И Макс, словно под гипнозом, выполнял творческие приказы непредсказуемой красавицы. Садился на стул, руки клал куда надо, голову поворачивал и всё такое. А Ева поставила громадный мольберт в паре метров от него. За ним же она совершала свою художественную магию. Время вдруг остановилось. Время вообще забыло, что на Земле существует эта маленькая комната, полная красок и кистей, в которой двое чужих друг другу людей просто стали одним целым в процессе создания чего-то из хаоса и пустоты.

Макс смотрел, как Ева кусала губы и щурила глаза. Любовался её руками, нежно державшими кисти и двигающимися плавно, будто в особенном таком танце на три четверти. А она в своей работе словно читала Макса как редкую и увлекательную книгу, создавая образ для новорождённой картины. Картины, которой не должно было быть в это время, в этом месте и в этой жизни.

***

На майские праздники люди либо жрут шашлыки, либо копают огороды. А чаще и то, и другое. У кого огородов нет, делают всякие пустые вещи, думая не о солидарности трудящихся, а о весне и сытом безделье. Времена Великих строек прошли.

«Амурсталь» по частям на металл распиливают. И коллективных песен в тайге больше не поют.

И лишь Макс при случае гудел себе под нос: «Когда весна придёт не знаю...». Он развозил продукты в далёкие торговые точки на уставшей «ГАЗели» и понемногу наращивал денежную массу для условно приличной жизни в свихнувшемся городском социуме. Работа и тренировки — всё как обычно. На остальное времени не хватало. И только Инга умудрилась вытащить его в городскую галерею на какую-то майскую выставку местных художников. Прямо сразу после «сорока дней» по бабушке. Хорошая она, эта Инга. Умная и с огоньком.

Прогуливаясь под ручку в светлых залах городской галереи, они любовались местным творчеством. Инга периодически снимала на смартфон понравившиеся ей картины для Инстаграмма.

Макс уже не скучал здесь, как прошлой осенью. Он в последнее время увлёкся-таки искусством и даже покупал иногда недорогие альбомы из серии «Великие художники мира». Были там картины всякие и направления разные. Порой они глаз радовали, а порой отвращение вызывали. Особенно противны ему были рисунки некоего Амедео Модельяни. И на то была причина. Он вспоминал об этой причине, но всё реже и реже.

А вот сегодня, проходя мимо небольшой экспозиции в самом дальнем углу зала, Макс вдруг ощутил ту холодную мартовскую морось, что искрилась под фонарями после похорон бабушки. Он почувствовал запах пива вперемежку с кофе и едва уловимый аромат губной помады...

Вот несколько знакомых пейзажей на белой стене, пара волшебных натюрмортов и... портрет мужчины, сидящего за грязным пивным столом. В тусклом освещении кружки мутно светились на картине ровными гранями.

Но лицо мужчины было просто отражением счастья и восторга. Его глаза жадно смотрели на мир, в котором наверняка было что-то красивое и волнующее. И Макс знал, что было в этом мире. Но он отгонял от себя всю эту дрянь сейчас, чтобы не першило в горле и лицо предательски не горело.

— Макс, смотри! Это вылитый ты! Прямо как на фотографии, — шепнула Инга ему на ухо.

— Да, похож вроде... — хрипло отозвался он.

— «Портрет неизвестного», — прочитала Инга. — Эта Ева талантище! Ей богу, талантище!

После этих слов она достала смартфон и несколько раз сфотографировала портрет, а заодно и пейзажи для своей «инстаграммной» коллекции.

Затем они продолжили осмотр выставки, где помимо картин были представлены лепные скульптуры и чёрно-белые фотографии.

Ромашки

Вот вы думаете, что я пошёл в магазин потому, что некого было послать? Зря думаете. Послать там было кого — но всё больше нахуй. Да и деньги имелись только у меня. И все мои апостолы расползлись по хате, словно гады, и шипели при этом: кто-то песни пел, кто-то лез к женскому полу со слюнявым ртом. А Димон из какого-то православного молодёжного прихода крестил весь этот срачь початой бутылкой самогона...

Ну, конечно же, я опоздал к началу. Я не видел, как разливались первые стопки; не смотрел в глаза Аннам и Ираидам, пока ещё блестевшим только трезвой похотью. Я застал всю компанию со взглядами мутными и пустыми. Меня приветствовали с разных сторон хрипыми словами и унылым повизгиванием.

Я даже подумал: «А не пойти ли мне к Виолетте Наумовне? Там люд постарше и разговоры без всякой там романтической ебанины». Но нет, я остался тут, среди молодого задора и бритых женских подмышек. Здесь было чему удивляться и было с кем шептаться в ванной комнате. Но вот с бухлом было уже не очень.

Вот почему я пошёл в магазин, а не к самогонщице тёте Вале с Пожарского. Я практически готовил самого себя к трёхдневному заплыву в хмельные водовороты, устав от одинокого бега по трезвой жизни в мире, который же давно и уверенно сходил с ума. Ну, вы сами знаете, хуле я тут распизделся.

К тому же я, как несознательный пролетарий, не был скован коллективными всякими там цепями и терять мне было чего. Потому и возился я в свободное время то с бродягами-романтиками; то с пенсионерами, отупевшими от телевизора; то с интеллигентной, мать её, прослойкой и прочими заблудшими душами. А посещать всякие там марксистские кружки или религиозные секты — да ни в жисть! Одни диалектически развиваются вниз, другие догматически гниют в своих писаниях, не забывая правда о денежных взносах.

А в притонах, милых моему сердцу, я вижу всю суть современной реальности и потому мне уютно там. Правда, иногда случаются провалы в памяти и грязные танцы путаются с чистыми помыслами, словно в каком-нибудь ебанутом фильме навроде «Твин Пикса».

Так вот, прошёл я вдоль прилавка с алкогольными иконами и набрал всяких разноцветных мощей для поклонения и разного там ещё потребительства. Сумку я набил продуктами по акциям и себе пивка в дорогу взял, чтобы градус повышался на обратном пути.

Вышел я на солнышко и побрёл в сторону переулка Курако: мимо детской площадки; мимо «лексуса», стоящего на газоне под зарешёченным окном; мимо мусорных баков с занятными предметами внутри.

Нет, вру! перед мусоркой я всё же остановился и присел на перекошенную лавочку. Там я выпил первую бутылку «крепкого» и вдохнул какие-то запахи без политических ассоциаций. Сразу же ко мне подсел какой-то старичок, словно сняв шапку невидимку.

— А не дашь папироску, мил человек? Пенсия маленькая, только на квартплату хватает, — заныл он словно на паперти.

— На дед, кури. Мы ж понимаем, — ответил я, протягивая ему пачку «Честерфилда».

— Иностранцы, — улыбнулся он.

— Какие есть, — вздохнул я.

Пока он смаковал непатриотичный дымок, я глотал «крепкое» — словно на тонущем Титанике.

А к мусорным бакам подошла известная всем на районе бабка с детской коляской, модернизированной для перевозки неодушевлённых предметов. Эти предметы сообразно времени содержались в сакральных местах, о которых знает каждый умный

россиянин. И места эти можно было бы назвать святыми, если бы не кислая вонь, порой витающая над ними.

Но разве это останавливало людей активных и предприимчивых? Да Боже упаси! Это придавало искателям сил и гордости за возможность хоть как-то гордиться Родиной и её отходами. Я, к примеру, нашёл на помойке часы с боем и диван для гаража, ну вы же помните. А кто-то сдавал картон или винтажные предметы в разные пункты назначения.

Но вот бабка эта — ума лишённая — таскала тщательно отобранный мусор во двор своего собственного частного жилища. И за несколько лет дом этот превратился в одну громадную мусорную кучу, по которой бегали собаки и жирные крысы. Соседи этой старухи терпеливо ждали скоростижной её смерти. Да и не только соседи. Весь район был недоволен таким вот неорганизованным сбором мусора и антисанитарным поведением идущего к Богу человека.

Я плюнул в пыльную траву и достал ещё бутылку. А бабка продолжала копаться в тайных пещерах, бормоча что-то себе под нос.

— А ведь её Оленькой звали когда-то, — услышал я голос старика, курильщика халевных сигарет.

— Красивое имя, — туманно ответил я, не наблюдая, впрочем, никакой красоты.

— Она правда была красива, — словно назло мне говорил старик.

— Мне трудно это представить.

— А ты парень и не представляй. Просто знай...

После этих слов я внезапно выпал из этой реальности. Вот словно и не было меня! Не было этой мусорки, лексуса, запаха горелых покрышек, диалектической деградации и Ковида-19.

А что было, спросите вы? Куда ты пропал со своим пакетом и початой бутылкой «крепкого»? А я отвечу, но чур не хихикать там на задних рядах, хорошо?

Я увидел небольшой городок Енакиево (хотя там ни разу не был). Я увидел детский дом, который фашисты превратили в жуткий пункт переливания крови. Там медики сливали кровь из детей и подростков для военных госпиталей. Там, у меня на глазах, сытый эсесовец полоснул по горлу какого-то цыганёнка за то, что тот укусил его за руку.

Увидел я, как по ночам грузовая машина забирала отработанные тела. Потом медленно тащилась под тяжёлым грузом за город к заросшему оврагу и опорожняла кузов.

Увидел маленькую девочку Олю и её брата Володю. Был братишка проворным малым, годков тринадцати. Он таскал с кухни крупу и молоко для своей сестрёнки. Был пойман и избит тонким аристократичным немецким хлыстом. Потом начальница детдома фрау Берта шепнула ему, чтобы ночью брал сестру и уматывал подальше, ибо на следующий день готовился «большой» забор крови. Ключи от входной двери и ворот она оставила на столе.

И убежали дети в тёмную спасительную ночь. И брели они долго по посадкам и лесополосам, пока не наткнулись на дальний хутор. На хуторе проживала добрая женщина по фамилии Омельченко. Одна жила она; война как-то не затронула её дом, может потому, что партизаны были недалеко и своих в беде не бросали.

Встретила в лесу эта женщина Володю и Олю — грязных, в рваной одежде и взяла к себе в дом. Кормила, поила, под полом прятала от полицаев и немцев, чтобы не угнали их в Германию, пока Красная армия не пришла. А ещё Володя был связным в партизанском отряде.

А потом увидел я, как разбросала судьба брата и сестру по разным сторонам: Володя попал в военную авиашколу; девочка Оля отправилась в Сибирь с детским приютом. Про Володю я больше ничего не видел, а Оля...

Оля подросла и прямо из Омска с отрядом таких же «романтиков» отправилась в Братск на строительство гидроэлектростанции. Она таскала тачки с грунтом,

колотила опалубку под бетонные плиты, работала в столовой, повредила ступню топором, когда дрова рубила для печи.

Увидел я её на комсомольском собрании, когда брала она на себя повышенные нормы, соревнуясь с другими — такими же сильными, честными и смелыми.

Туманы над тайгой увидел я, но лес при этом не горел. Видел, как росли новые города и заводы, тянулись рельсы и линии электропередач в непролазную чащу с тучами гнуса и отсутствием биотуалетов. И тут, и там — в ярком калейдоскопе — я видел красивое лицо Оли, Ольги... Настоящее красивое девичье лицо, с уверенным взглядом и тонкими ресницами, на которых застыли капельки солёного пота.

Потом я обнаружил её в нашем городе, в нашем районе, когда она с друзьями сажала топольки на аллее для будущих поколений. И да! По этой самой аллее я в школу топал с чёрным портфелем! И тополя те были уже высокие и крепкие, как Родина моя. А вот дальше я уже ничего не видел. Я словно глаза прикрыл от яркого солнца...

— А ещё мы с ней в кино ходили на «Зиту и Гиту». Народу было — пушкой не пробьёшь! А как петь начнут, так мужики курить выходили... — снова услышал я голос старичка на лавочке.

Ничего в ответ я сказать не мог, ибо он за меня всё сказал. Я только отдал ему пачку «Честерфильда» и молча понёс свой пакет в сторону заветной двухэтажки, в одной из квартир которой меня ждали пустопорожние разговоры о каких-то стартапах и похотливые женщины. Это было правильное движение, правильная жизнь. Не то что на этих дурацких молодёжных стройках. Проходя мимо опустошённой мусорки, я бросил в контейнер пустую бутылку «крепкого».

А потом было всё и даже больше. Мятая одежда, бритые подмышки, песни Шевчука и выход в открытый космос. В голове крутилась сплиновская «Подождите, сейчас я стакан наполню, а то помню всех, а себя не помню...» И я даже шёл «По Руанде, которую мы потеряли», пока не уткнулся в чью-то запущенную клумбу с громадными ромашками.

Я машинально нарвал целый букет этих ромашек и пошёл по улице Франко под мигающими фонарями. Сколько я шёл не помню, но остановился я прямо напротив дома той самой, надоевшей всем, глупой бабки с коляской. Увидел я собак на фоне луны и саму хозяйку у калитки — сморщенную, дикую, неприятную.

Но спустя секунду я вспомнил, что «быть настоящим мужчиной» — это не слоган для 23-го февраля и не тема для разных там конкурсов. Это простая такая омерзительная смелость — признать себя ничтожеством и заявить об этом всему миру. И я сделал это. Я открыл калитку. Собаки притихли на куче мусора. Бабка смотрела на меня, словно ведьма из «Вия». Это было реально страшно.

Но я смог протянуть ей свой дурацкий букет и смог сказать:

— Это вам, Ольга...

Зачем и почему я это сделал, не могу объяснить. Но она цветы взяла и глаза её на секунду стали прозрачно-тёплыми и познавшими все горизонты. Наверное она что-то вспомнила из той странной круговерти, которая мне тогда привиделась на лавочке под болтовню незнакомого деда.

— Проваливай отсюда! А то милицию вызову, — скрипуче сказала старуха мне чуть позже.

Да я и сам уже повернулся к калитке под неприятное сопение собак и бодрый крысиный писк. Мне было до боли обидно, что я то как раз не мог ничего вспомнить из своей развесёлой круговерти. Совсем ничего. Даже мгновения, даже образа осмысленного... Тьфу, блядь!

Потом я быстро шёл в сторону хаты Виолетты Наумовны. Там всегда можно было без половой суеты и русского рока поговорить о чёрных дырах и о Максиме Горьком. Вот только заскочу по пути к самогонщице тёте Вале. Она может ещё и сальца нарезать в нагрузку; правда, без хлеба. Но я считаю, что это пустяки для граждан запойного типа, вроде меня. Надеюсь, и вы согласитесь с этим.

Настенька

С хаты меня прогнали. И в этом нет ничего удивительного. Да и делать там, собственно, нечего было. Все эти пристойности и детские сопли под речь президента — плохая практика. Шампанское и разговоры о процентных ставках, подарки в золотистых коробках и оливье, мелкобуржуазные беседы и бороды без усов. Да любой романтик, вроде меня, и сам бы давно сбежал оттуда. Но вздумалось мне поднять тост: «За Родину! За Сталина!». Вот и выкинули меня частные собственники в метель и стужу, как беспризорника. Да и чёрт с вами, чванливые патриции, с гетерами вашими!

Но и домой я не пошёл. Я знал, куда мне стопы направить. Уже не первый раз хожу я в лес, что за «окружной» раскинулся. Там сосны и ели, там колючие кусты тёрна и валежник. Всё это порыто пушистым снегом, как в сказке. И есть у меня в лесу том друг старинный. Ещё с детства знаком он мне. А как я бухать начал, так мы с ним вообще ночами могли у костра сидеть и говорить о том, как мир меняет кожу или о науке и магии. Но друг мой упорно стоял на том, что магии никакой нет и в помине. Вся эта волшебная муть — продукт квантовых изменений, управляемый процесс микромира и всё такое прочее. Но я всё равно звал друга лешим Колей и он не обижался.

— Хуле, леший... Это понятно. Леший — это национально ориентированный субъект, — говорил он мне, наливая очередную дозу самогонки.

Вот и сегодня я пошёл туда, в чащу, утопая в снегу и натыкаясь на внезапные ветки сухостоя.

— Коля! — позвал я друга.

— А, Беспяткин! Опять за марксизм пострадал? — заскрипело справа от меня.

И он вышел, как обычно, в лаптях, коре и хвое — чисто снайпер. В руках его вспыхнул зелёный фонарик, лес в округе стал уютен и таинственен.

— Да, Коля. Контра, она сейчас злая. Зато я успел водки взять, — сказал я, доставая амфоры.

— Выкинь эту химию к хуям! Мой «самыч» всего милей на свете, — приказал он.

И я бросил бутылку через левое плечо — авось злему духу какому печень испоганит. Мы выпили натурального продукта и закусили лесными орешками. Я хотел было пожаловаться лесовику, что пролетарий нынче хилый пошёл, что самосознание спит и весь материализм под большим вопросом. Но лесной остановил меня неприличным жестом.

— А скажи, Беспяткин, где сегодня можно провести время с пользой? — спросил он.

— А польза в каком виде надобна?

— Ну, там танцы, песни, огни и девичьи поцелуи...

Я обычно с ним на такие темы-то и не разговаривал. Всё больше о проблемах мирового устройства, грибах и браконьерах.

— Чего это ты вдруг? — удивился я.

— Да вот, понимаешь, хочу посмотреть на весь твой капитализм вплотную. Как люди деградируют душой и телом. Как меняют совесть на петарды и песни Стаса Михайлова.

— А, это. Да таких мест валом. Хоть у нас в Липецке, хоть в Париже, — ответил я.

— Ну, Париж — это слишком. А Липецк — тоска. Надо, чтобы были люди просвещённые и пьяные. Архитектура, например, украшения, барельефы, но без мещанских там, всяких... Эстетика, дамы под вуалью... — забормотал Коля, пытаясь выразить слишком многополярную мысль.

— Тогда — Питер! Ленинград, Петроград бывший. Там народ царя скинул. А потом всё наоборот вернулось. Теперь Санкт-Петербург, а короче — Питер! — однозначно крикнул я.

— Вот, да. Петроград этот я знаю, там мосты и львы с крыльями. Лет сто назад бывал там с группой товарищей из отдела. В командировке. Хороший город, с традициями. Туда и мотнём, давай? — скрипнул он громче обычного.

— То есть, как это мотнём?

— А просто. Раз — и мы там. Побродим, посмотрим чего там в этом Питере забавного и обратно вернёмся.

— Туда тыщу километров ходу.

— Эх ты, Беспяткин, дурья башка! Я ж дипломированный спец по квантовым

технологиям. Я эти телепортации — как семечки! На вот, ещё выпей, салага! — налил мне леший полстакана «самыча».

После того, как я выпил налитое, мир вокруг преобразился иным образом. Я понял, что телепортироваться в Питер — это как два пальца обоссать. И даже ещё проще — как один.

— То есть, мы вот сейчас, по щучьему велению, в один момент перенесёмся в Северную Пальмиру и там поборогозим?

— Причём тут щука? Ты эти сказки из головы выкинь! Процесс перемещения вещь сложная и не всякий крендель с научной степенью может его осуществить! — сказал леший и гордо поднял свой деревянный нос.

— Я понял. Только в таком виде там, по набережным и проспектам, блудить стрёмно, — кивнул я на его гардероб.

— Не ссать! Вот мне одёжа для гражданских прогулок, — сказал лесовик и тряхнул своим фонарём.

И внезапно передо мной возник приличный такой мужчина в длинном пальто и модной чёрной фуражке, как у гимназиста. Ну, вылитый хипстер, или Раскольников какой.

— Чудеса! — выдохнул я винные пары.

— Чудес не бывает, глупыш...

Дальше я особо ничего и не запомнил. Были какие-то вихри и головокружения, гром и свист в ушах. Неприятные ощущения, но они быстро закончились.

***

И оказались мы, в одночасье, на громадной площади, брусчаткой крытой, да с колонной посередине. А на колонне той — то ли ангел, то ли химера какая-то с крестом. Рядом ёлка, ряженная разноцветными гирляндами и игрушками пузатыми. Чуть поодаль светилась сканерами сцена с аппаратурой и артистами. И народу на этой площади было просто немыслимо много. Там были и побитые жизнью мужчины,

и наказанные возрастом женщины, и хмурые, и счастливые, и дети, и просто разношёрстные компании всяких полов и статусов.

Все они подтанцовывали и выпивали. А кто не выпивал, о тех и говорить не стоило даже. По сцене бегали какие-то знакомые артисты и крутили карусель праздника громкими песнями. Снега на площади не было — от слова «совсем». И это после лесных сугробов моего края было неприятно.

Но настроение праздника всё же ощущалось — благодаря запаху спиртного и использованных петард.

Я заглянул в смартфон и открыл карту Питера.

— Это Дворцовая площадь, — сказал я Коле. — Слева то ли Эрмитаж, то ли Зимний дворец, зелёный. А справа — Триумфальная арка. Видишь, кони над ней и всадник на колеснице.

— Да хуй на них, на коней. Знаю я эти места, Беспяткин. Смотри, сколько баб! И музыка играет. У нас в лесу только под гитарку, иль из машин «Рюмку водки» услышишь, — крутил головой во все стороны леший.

Его интересовали живые люди, а не каменные символы эксплуататорских формаций. Он бродил в толпе, как призрак оперы или коммунизма. Ему нравилось, что люди толкают друг друга с улыбками и фырканьем. Он разглядывал мятые стаканчики и лопнувшие шарики на булыжниках, словно грибы искал. Он даже слегка пританцовывал под «тётю, что напрасно слезы льёт...».

Мне это, честное слово, надоело. И я сказал:

— Коля! Это можно и в Ельце увидеть, и в Иваново — обычная новогодняя движуха...

— Нет, Беспяткин, тут иное. Гиперполя зашкаливают! Место — словно полигон. Нет, это просто коллайдер какой-то! — перебил меня леший.

Я огляделся вокруг и ничего, кроме пьяных глаз и красных щёк, не заметил. Ну и, конечно, петарды рвались, словно выстрелы винтовок, прогонявших старый прогнивший режим.

— А это вот непорядок! — неожиданно строго сказал мой друг.

— Где?

— Вон, видишь, банда в красных шубках и полосатых гетрах?

— Это Санта Клаусы.

— Давненько я их не видел, с позапрошлой конференции на Шпицбергене, — задумчиво скрипнул он и направился напрямик к этим бодрим весельчакам.

Я, почувствовав недоброе, последовал за ним.

Санта Клаусы раздавали направо и налево всякую дешёвую дрянь детям и взрослым. Леденцы там, пряники или рекламные проспекты. Народ, конечно, брал уродливую закуску, но от рекламы отказывался.

— Вы это опять Николашу позорите, пройдохи? — не совсем вежливо обратился леший к Сантам.

— Мужик, вот тебе пряник и иди с Новым годом! — ответил самый вертлявый персонаж.

— Вы на Рождество желанные предметы в носки засовывать должны! А не товары агитировать на чужой территории! Деда Мороза опять спиртягой напоили, спрятали исконный образ от русских душ? — напирал мой друг.

— Мы актёры, чувак, — ответили они хором.

— Я знаю. Сам-то тёзка мой в Нидерландах пиво пьёт, а вас запустили к нам как санкции. Так что, валите отсюда со своими пармезанами и леденцами! — грозно приказал леший.

Артисты замерли, словно в немой сцене Гоголя. И глаза их были недобрыми. Я аж сам испугался. Словно воины тьмы стояли они перед нами. Видимо, актёры были опытными.

— Ты, чучело лесное, нам тут работать не мешай! Бизнес, он может и по башке... — прошипел один из этой шайки.

Тут до меня дошла вся смысловая обманка с этими Сантами. Ну, как только я услышал слово «бизнес». Только высказаться мне не дали.

Мой друг Коля занятно щёлкнул пальцами и щёлканье это было подобно грому и молнии. А эти в полосатых чулках пропали, словно их и не было. Только дым от суровой шутки лешего поплыл в сторону колонны с ангелом. Люди вокруг заорали светлыми голосами, реагируя на громкость и вспышку.

— Ты, Коля, как это провернул? — изумился я.

— Не твоего ума дело. Забудь, — ответил он мне в досаде.

В этот момент я почувствовал, как кто-то резко дёрнул меня за пояс. Я инстинктивно схватился за барсетку... Но её не было. Только сверкнуло лезвие кривого ножа и зелёная шляпа. И эта шляпа нырнула в толпу прочь от места преступления. Ещё я заметил, как эта сволочь раскидывала вокруг себя какие-то мерцающие звёздочки.

— Эй, блядь, ты куда!? — заорал я вдогонку.

— Это лепрекон, карманник, ты его не догонишь. Держи мою котомку. Встретимся на набережной Мойки, смотри свою карту... — крикнул мне Коля и рванул за «зелёной шляпой».

Толпа поглотила и его. А я, взвалив холщёвую суму лешего на плечо, побрёл, следуя указаниям смартфона, натываясь на весёлый люд и наступая на пластиковые стаканчики. В это время играла песня Николаева «Ты ко мне приходишь, незнакомка...». Печальная песня для обворованного человека.

***

Выйдя на набережную речки со странным названием Мойка, я пошёл вдоль канала, с интересом разглядывая окрестности. Благо, большинство народу рулило на Дворцовую площадь. И те, которые мне встречались, были количеством немногочисленны.

Мне было интересно смотреть на чёрную воду канала, на чугунные перила, на малоэтажные дома из прошлых эпох с удивительной архитектурой. А ещё мне понравились широкие водосточные трубы на этих домах. Диаметр уж точно поболее 180 мм, а то и все двести. А ажурные балкончики? А арки с кованными воротами? Ну это, наверное, чтобы гости города не ссали в уютных исторических двориках.

Так, в восторгах и любопытстве, я дошагал до здания, на котором кто-то прилепил японский флаг. Непатриотично и нелепо, по сути, выглядело это полотнище среди искусной лепнины и оригинальных карнизов. Словно простыня после

«распечатанной» девственницы. Тьфу!

Вот тут-то я опять увидел те самые мерцающие звёздочки, что лепрекон раскидывал при побеге. Они кружились над головой девушки, одетой в старинное, со складками, платье тёмно-синего цвета. На плечах её уютно сидела тёплая, вроде плюшевая, накидка. Голову украшала забавная шляпка, похожая на торшерный абажур — с ленточкой, повязанной на хрупкой белой шее. На шляпке робко пристроились три маленькие розочки.

И красавица в этом маскарадном наряде выглядела, словно иллюстрация к романам Фёдора Михалыча: такие же большие грустные глаза, с тоской глядевшие на мрачную воду канала; такие же лёгкие линии фигуры и тонкие пальцы на холодном чугуне перил.

Я не мог пройти мимо. Я был очарован этой картиной, словно только что перевернул последнюю страницу «Белых ночей». Те люди, что проходили мимо, вообще исключались моим зрением, словно ненужный атрибут пошлой современности.

И вдруг она чуть повернула голову. В мою сторону, смею заметить. Но меня поразило не это. Её носик мило и почти по-собачьи нюхал воздух. Ну, знаете, такими резкими рывками, словно девушка почувствовала знакомый запах и пыталась определить, где его источник. А глаза? Глаза её были предельно глубоки; и эта глубина была незрячей. Да, наверное, это такие линзы декоративные. Видел как-то в интернете.

Я подошёл к девушке и как можно вежливее спросил:

— Вам не холодно, сударыня, на ветру то этаким?

Она, услышав мой голос, вздрогнула; но воздух нюхать перестала. Вместо этого она улыбнулась мне, словно весна, и опустила голову, как бы признавая меня как мужчину.

— Мне совсем не холодно, сударь, — ответила она.

Наверное, термобельё у неё под платьем. В таких нарядах можно все придатки застудить, если без термобелья.

Вот оно — петербургское волшебство. Не там, в толпе на площади с петардами и песнями про Комарово, а здесь — в узких улочках и на старых набережных. И сказал я ей не то, что в голове сплеталось из возвышенных фраз и образов, а то, что ближе к

языку вертелось:

— Не угодно ли вам водки выпить? Для того, чтобы улыбка ваша не исчезла? — предложил я, тряхнув сумой лешего.

— Водки? Так вот сразу и водки из рук незнакомого человека? Вы шутите?

— Моё почтение: Беспяткины мы, — представился я, глупо шаркнув ножкой.

— Настенька, — ответила она. — Но это всё, что вам следует знать на данный момент.

— Теперь мы знакомы. Так что водка... — начал было я.

— Налейте, — перебила она меня.

Я молниеносно откупорил Колин бутылёк и наполнил стаканчик наполовину. Себе же накатил полный. Мы выпили эту «музыку» и мир вокруг окрасился в необычный желтоватый цвет.

— Мои глаза слепы, Беспяткин, — вздохнула Настенька. — Я не вижу то, что, наверное, выглядит прекрасно и... вас я тоже не вижу. Возьмите меня за руку, пожалуйста.

Я взял её мягкую холодную ладонь в свои рабочие лапы. Она подняла голову и... Наши взгляды, словно высоковольтные провода, соприкоснулись искрящимися лентами. Глаза её уже не были глубокими колодцами, а наоборот, светились волшебной радостью человека, впервые увидевшего сверкающий мир. Это можно было назвать сном, если бы не постоянное шарканье прохожих по набережной с мутными песнопениями и пустыми разговорами.

— Я вижу. Я вижу всё вокруг вашими глазами. Простите меня, — услышал я странное признание.

— Это, наверное, хорошо — видеть... — пытался я исправить её.

— Тише, Беспяткин. Не надо ничего объяснять! Вы сами меня нашли и я теперь ваша навсегда. Я ваше время и ваша защита от смерти. Можете ещё налить водки?

Я выполнил её желание. Но думы мои были перепутаны словами прекрасной гражданки в шляпке-абажуре...

После того как мы опустошили ёмкости, Настенька снова взяла меня за руку. Я почувствовал, как её холод медленно передаётся мне, словно в душевной комнате

включили кондиционер.

А на противоположном берегу канала я вдруг увидел невысокого человека в цилиндре и с бакенбардами. Вы не поверите, но я был на сто процентов уверен, что это Александр Сергеевич. Он махал мне руками подавая какие-то тревожные знаки. То скрещивал он руки над головой, то указывал валить отсюда, пока не поздно. Поэт даже цилиндр уронил в воду от усердия.

Но мне как-то уже и не хотелось куда-то сваливать. Тут такие милые глаза и тонкая шея... Губы беспомощно тянутся ко мне для волшебного поцелуя. И вода в Мойке шелестит, словно мусорный пакет, заглушая все иные светские звуки. Моё сознание погружалось в удивительную старину и книжные образы. Я наклонился к бледному лицу красавицы Настеньки и...

***

Где-то вдалеке раздался мощный артиллерийский залп. Мне даже почудилось, что это пальнули с крейсера «Аврора». Но могли и с Петропавловской жажнуть, как пишут в Интернете. Но это точно была не петарда слишком густо в нижнем регистре. А затем, краем глаза, я увидел, как по набережной, прямо к нам, приближается революционный патруль из матросов и солдат. И ещё я услышал знакомый голос моего друга Коли.

— Беспяткин! Немедленно прекрати эту мелодраму! Смирно, стоять! — рявкнул он. Я резко выпрямился и поправил несуществующий воротничок. Всё плыло перед глазами. Леший, матросы, зелёная шляпа лепрекона, Пушкин, ангел с крестом и японский флаг... Сквозь эту странную муть я услышал, как кто-то или что-то плюхнулось в струи канала. Я даже почувствовал брызги воды на своём лице. Эти брызги были холодны, но удивительно живы. Некая реальная свежесть накрыла меня подобно тому ощущению, когда прокалывают палец для забора крови. И тут я медленно моргнул.

Я сидел, опёршись спиной о чугунные перила и видел, как леший Коля наливал мне в стакан самогонку. Я выпил её и в голове пронеслись вихри враждебные, а также все недавние события.

— Ну что, полегчало? — спросил Коля.

— Да, нормуль. Чё это было вообще? — ответил я, качая головой.

— Это банальная вербовка, таких простаков как ты. Хорошо, что мы с братвой вовремя подоспели. А то дежурил бы ты сейчас в Индии или в Секторе Газа каменным духом под прикрытием.

— Чего ты несёшь, друг?

— Не забивай голову, всё равно не поймёшь. Вот твоя барсетка. Лепрекон сдан, куда следует, революционным комитетом. Санта Клаусы отправятся к Северам на оленях утром ранним. Дед Мороз под капельницей. А утопленница твоя в розыск объявлена, за ней поди делов томов на десять...

— Утопленница?

— Обычное дело. Но если не словим болезную, то быть ей женой твоей. В реальной жизни встретитесь и поженитесь. Она тебя идентифицировала и уже не отпустит. Вселится в какую-нибудь учительницу или провизора, и жить вам долго и счастливо. Это нормально.

— Это всё ненормально... Я же буду теперь навязчиво бредить обо всей этой дряни... — взмолился я.

— Не ссы! Мы тебя на ноль вернём и всего делов-то, — улыбнулся леший. — А теперь поднимайся. И пора бы уж нам в родные пенаты. Тут и так много шума наделали, а за это нас не особо жалуют в Управлении.

Я встал на ноги не совсем твёрдо и ещё раз взглянул на таинственный образ города на Неве. Вернее, на небольшую его часть, что досталась мне в эту новогоднюю ночь. И эта часть была прекрасна и удивительна. Надо будет дома почитать ещё пару книжек классиков XIX века. Я снова моргнул.

Мой друг Коля внимательно посмотрел мне в глаза. Потом он цыкнул зубом и поднял

свою холщёвую сумку. Он взял меня под руку, словно собрался отвести в вытрезвитель. Мы медленно прошли шагов двадцать вдоль канала и потом во мне погас свет...

***

С хаты меня прогнали. И в этом нет ничего удивительного. Да и делать там, собственно, нечего было. Подумаешь, бизнесмены хуевы? Мы сами выходы найдём и построим то, что надо построить. Но сначала сломаем... До основанья. Ведь есть такой город Петербург, там царя скинули и всё такое. А сейчас настало время пойти к моему старинному другу в лес, что за «окружной» раскинулся. Я его Колей зову и он, извините, леший. Флору бережёт и животных всяких. Уж с ним мы выпьем добрых напитков. А там и о диалектике поговорим и о новых законах. Или, к примеру, о женщинах, которые нас выбирают...

1999

Грязное стекло окна электрички вспыхнуло картиной прибытия поезда. До этого там, в темноте, носились бешеные снежинки и мелькали голые скрюченные ветки деревьев, словно обескровленные руки безвестных покойников. И эта холодная пустота усыпляла меня от станции к станции. А я ещё и выпить-то не успел, как следует, и не курил в тамбуре давно.

И вот тут, в Реутове этом, на платформе, покрытой грязным предновогодним снегом, засверкали мятые фонари и окна каких-то усталых строений. А ещё люди топтались там в радостном хороводе, открывая красные рты и размахивая бутылками, словно морскими сигнальными флажками. Они встречали таких же счастливых — как сами.

И от этого стекло, в которое я лбом упёрся, даже теплей стало что ли...

Дремать мне уже не дремалось. Вспоминать, куда и зачем я еду, тоже не вспоминалось. Я вдруг захотел примкнуть к этим — с красными ртами, одетыми в серые пуховики и куртки. К их женщинам в мохнатых шапках и жёлтых, фиолетовых пальто.

Хуле, я вот дальше поеду, а они напьются до салютов в глазах, напляшутся в мокром снегу или в тёплом помещении, для поцелуев всяких и развратных действий. Нет, Реутов, ты меня плохо знаешь. Вы все меня не знаете и понять потому не можете. Да я с вами сейчас тут и зависну до времени и до поры. К тому же, бутылка у меня у самого имеется из ларька, который вчера возле «Чертановской» армяне гирляндами украсили. «Ореховая ветвь» — горькая тошнотворная эмульсия с запахом цианидов. Вот я вам её и предложу как временную регистрацию, граждане.

И снова седая ночь,

И только ей доверяю я.

Знает седая ночь не все мои тайны...

Я выскочил из электрички, когда двери уже схлопывались, подобно старой ненужной реальности с грязными сидениями и вонючими тамбурами.

И тут, в весёлой толпе распоясавшейся лимиты, я тоже кричал — то ли лозунги грядущих лет, то ли брань какую-то. И лил в чужие стаканы своё волшебное пойло, словно купчина невысокой гильдии. Люди пили это и, таким образом, я смог добраться с ними до серой двухэтажной общаги, у которой удобства, как и положено, были на улице — возле дровяного сарая и покосившегося гнилого забора.

Здесь снега было больше, а света меньше. Два трясущихся прожектора и закопчённые окна на первом этаже — вот и весь свет. Запомнилась громадная покосившаяся антенна на треснутой шиферной крыше и провода с налипшим снегом.

А так всё как везде — в ожидании всякого там развития и реформ разных.

В громадной комнате, со сдвинутыми по углам кроватями, возвышалась грубо наряженная сосна. Прямо посреде комнаты сверкала она разнокалиберными лампочками. А рядом с ней стояли три стола с водочными бутылками и холодцом в тазике. Конечно, там и салаты были какие-то, и хлеб, и апельсины. Но всё это скорее

для цветовой гаммы, а не для закуси. Да и к чему наёмным рабочим силам вся эта киношная атрибутика новогоднего стола с дурацкой заливной рыбой? Это там, в Ленинградах, элита жрёт «мимозу» и куриные бёдрышки. Вино пьёт из советского прошлого и разврат уж слишком романтичен и полон дурацких диалогов.

Тут — на перепутье веков — всё это нахуй не сдалось. Главное — орать хором про коня и чёрный бумер, да ложку в холодец запускать, как первый спутник. А что водка и не водка вовсе, а краденный спирт из местных вагонов — так это вдвойне романтичней и диалоги сводит на минимум. А вместо болтовни всякой люди моего времени поют. Поют так, что небеса колышутся и холодец в тазике. И петь можно как под магнитоу, так и под гитару. Тут разницы никакой, если вы конечно не собрались танцы замутить под Crazy Frog или «Гостей из будущего» (Бень-бень... Ты где-то... Только не со мной...). Вот тогда уже всему мирозданию потерпеть придётся.

Как и почему мне сунули в руки гитару, не запомнилось. И я спел то, что петь не положено в данной праздничной ситуации. Мало того, что я Цоя и, в общем-то, не люблю, так ещё и под гитару прогудел тугим низким голосом: «Дом стоит, свет горит, из окна видна даль... Так откуда взялась печаль...»

Вся публика, что до того в радости пребывала, теперь смотрела на меня волчьими глазами — как из под мужских, так и из под женских лбов. И лбы эти были нахмурены.

— Это вообще кто? Из какой бригады? — возник закономерный вопрос.

Пол задавшего эту дрянь определить было трудно, так как водка равняет спектральную составляющую голоса на предмет гендерных особенностей.

— Вот вам ваша гитара. Пойте, что хотите, — ответил я и протянул инструмент кому-то там.

Пока весь коллектив дышал противным тревожным образом, я внешне спокойно встал, одел пуховик и пошёл к дверям мимо тазика с холодцом.

— Это халявщик. Его отпиздить надо, — на этот раз голос был женским.

А дам у нас принято слушать; и следовать их советам. Ну, может и не всегда принято, но в моём случае рыцари бросились защищать своих Дульсиной от обычной ветряной

мельницы.

Но я своими лопастями уникально завалил таз с холодцом прямо перед стройными рядами вражеских легионов. Конечно, это было бы забавно, если смотреть кино лёжа в теплой постельке, но дальше всё печально кончилось.

Меня поймали на крыльце и мудохали по-новогоднему. С голубым огоньком и ручными салютами в ебало. Если вы думаете, что рабочие ботинки обувь, то это ошибка. На самом деле возмездие и наказание не имеет определённого критерия, кроме боли и страха. Ну, а уж те, кого когда-то пинали насильственно по грязным дорогам обездоленной Родины, те знают цену каждого грамма крови и каждой звезде вспыхивающей в подсознании.

Так или иначе мне было сказано:

— Сдохни тут, ублюдок!

После чего я был сброшен на насыпь за тот самый гнилой покосившийся забор. Как правило, там-то люди и помирают в зимние времена. А потом их находят в твёрдом состоянии с безумными глазами.

Но я был полон жизни и всё благодаря холодцу, который я благополучно выблевал на снежную скатерть молодой зимы. Я так же был полон спирта и ненависти. Ну и к тому же — я сам строитель и знаю, как в подобного рода конфликтах управлять своим телом, чтобы потом не рассказывать Петру небылицы про героизм и непотворение злу. Тут главное правильно отдышаться и утереться снегом. Потом укрыться в деревянном сарае от ветра и проверить голову на вестибулярные способности. После этих действий можно приступать к думам и планам на будущее. Это вот так и страна моя должна вести себя, если не хочет стать твёрдым предметом с безумными глазами.

Главное — это кровь, которую носит по сосудам неутомимое, пламенное сердце. А уж напридумывать, как жить дальше, любой человечиска сможет, пока у него в голове контакты заизолированы.

Для начала я определил свою финансовую мощь. И это был абсолютный ноль. Потом я потоптался на местности и нашёл средства производства для первоначального накопления капитала. Учтите, если вы собрались отбирать чужие ценности, никогда не

пользуйтесь палкой или трубой какой. Только то, что имеет острые грани, способно ломать кости и давать вам пищу и кров. Металлический уголок самое подходящее средство для этого. А ещё ожидание...

Я искала тебя годами долгими
Искала тебя дворами тёмными...

И вот шли они по тропинке — такие тёплые, сытые, полные гормональных бурь и улыбок миру. Уж точно подальше от станции, в частный сектор, к бабушке, сдающей жилплощадь почти задаром. И кровать там — с никелированными набалдашниками. А под одеждой этих счастливцев не только половые признаки, но и деньги есть, уж вы поверьте. Ведь уйти из той компании, что осталась без холодца, могут только относительно богатые особи.

Я бил сверху вниз. Мужик в пальто с поднятым воротником ткнулся, как и положено, в щебень — без звуков и возражений. Женщина смотрела на меня, словно в Эрмитаже, с высокохудожественным обожанием и страхом. Не смотреть надо было, а бежать с дикими воплями. Но это уж её чёртовы проблемы. Металлический уголок жертв не выбирает. Только тот, у кого он в руках...

Дама сломалась навсегда и мне хотелось её пожалеть сначала. Но посмотрев, как треснула та шея с куском трахеи наружу, я передумал. Неприятная ты, дура. И дружок твой в пальто, возможно, тот ещё мерзавец.

С деньгами я уже был выше и нужней обществу, чем эти двое глупцов понаехавших в Москву для того чтобы жить лучше, чем в каком-нибудь Таганроге. Ваше место теперь за пределами того забора и никчёмной жизни. Валите туда, суки! Со всеми вашими бригадами и рабочими ботинками. В снег! В грязный подтаявший снег, валите отсюда...

***

Электричка убегала из той тьмы, о которой даже места в моей памяти не осталось. Кто там пел или бросался серпантинном за несколько часов до Нового года? Кого там потеряли или нашли? Какая разница. Главное всего то, что я так и не вспомнил, куда направлялся этой ночью. Ну, для начала, в Москву, конечно. А там, если повезёт, вспомню. В метро всегда всё вспоминается. Главное, у меня теперь есть бутылочка «Столичной» и два тёплых бутерброда с колбасой и горчицей.

А в вагоне всего один гражданин, одетый в синюю «Аляску» и высокие серые кроссовки. И сидел он печальный, как я перед Реутово сидел. Вот кого жалеть надо. И предложить водки стоит.

Он не отказался. И звали его Артуром. Он тоже из лимиты, но с большим носом. И на путях не работал, где любого запросто в общагах прописывают. Он возил в «пирожке» шмотки на Черкизовский с какой-то неизвестной базы. Это уже новый уровень рыночных отношений и ближе к будущему страны моей. Пока мы всё не продадим, не будет нам покоя и процветания. Будет лишь сплошное нытьё и глупые страдания за третий мир. А вот как сядем мы друг напротив друга в одних трусах и без денег, тогда ответы сами собой появятся да без книжек всяких бородатых.

Артур мне всё рассказал. Как встретил эту свою рыжую, что шапками торгует в контейнере и стихи сочиняет. Как букет первый принёс и поцелуй ответный получил. А ещё она подарила ему шапку, вязанную российским флагом. Тёплую и удобную. Правда, именно эта шапка напоминала патрулю у метро о проблемах Артура с регистрацией, что обычно мешало его незамысловатой жизни. Поэтому он не носил её где попало, а прятал в наплечной сумке.

Кто любит, тот любим. Кто светел, тот и свят.

Пускай ведёт звезда тебя Дорогой в дивный сад...

Но, главное, эта рыжая Элина (если я правильно запомнил) была знакома с какими-то музыкантами, использовавшими её стихи в своих удивительных песнях. Они собирали «квартирники» и там под гитары и бонги раскачивались в собственных

песенных исполнениях. Жили эти музыканты на всяких съёмных хатах и видели мир как большую концертную площадку. Они сами себе платили за выступления, а работали кто на отделке квартир, кто на рынке, кто на фасовке подарков к праздникам и юбилеям.

Вот и сегодня ехал весёлый Артур первый раз в одну из таких квартир, полную творческой аудитории и поцарапанных гитар. Мне же сразу понравилась эта история и снова появилось желание влиться в коллектив, полный художественных идей и умеренных талантов. Но напрашиваться — это не моё. Пусть сам скажет.

И он сказал. И адрес, и фразу ключевую для первого знакомства. Но не пригласил меня бестолковый Артур. За это я налил ему ещё полстакана «Столичной» и спросил за шапку. После выпитой дозы Артур достал свой сакральный подарок патриотичной расцветки и даже мне вдруг захотелось спросить у него наличие паспорта с регистрацией. Да, такие текстильные изделия были созданы врагами моей страны, и носить их в людных местах представлялось опасным. Даже начинающие террористы бы не посмели носить это в электричках или метро. Только где-нибудь в Липецке, в сорока километрах от областного центра, в салоне «Нивы» можно прятать голову в такой шапке от вихрей враждебных, что веют над нами. А в столице? Да ну нахуй! Впрочем, вскоре нас прервали самым предсказуемым и банальным образом. И я уже был готов к этому, когда разливал «Столичную». Я знал...

Трое из линейного отдела вошли в вагон сразу после Карачарово. И смотрели они не на мою опухшую рожу с характерными ссадинами на бороде, а как раз на цветную шапку Артура. Хоть это и был символ маленькой уютной любви пусть даже и не к Родине, но чувства вызывал отвратные. Словно человек, надевший этот головной убор, открыто глумился надо всей государственной системой и грубо задевал иные светлые чувства федеративного характера.

Так и подошли они к нам, позвякивая наручниками на ремнях и с уверенными лицами. В этот самый момент пустая бутылка выкатилась из под ноги Артура прямо в центр вагона, празднично пародируя колокольный звон.

— Документы ваши представьте, — обратился сержант с румяным лицом к бледному Артуру.

— Вот у меня билет вчерашний, проверьте... Я к брату в гости... — театрально попытался перебить я карту.

— Ты сиди на жопе ровно, а то никаких тебе братьев не будет, — ответил мне главный от патруля.

Двое других улыбались, словно на детском утреннике. Ну, конечно, им теперь Новый год встречать на дежурстве, а там развлечений поболее, чем в Кремле будет. Я как-то попадал на подобные вахты. То поездом кого переедет, то сожительницу порежет ревнивый долбоёб, или машину малолетки угонят, а потом в салоне потравятся «максимкой». Эти праздничные ночи волшебны, если понимать это волшебство сообразно званию и штатному расписанию.

Артур отдал свой паспорт и грустно посмотрел на пустую бутылку «Столичной». Там была та же пустота, что и в графе временной регистрации. Даже справки от работодателя не было. Весь миграционный позор зеркально отразилось на лице стража правопорядка. И это позволило ему законно сказать:

— Вам придётся пройти с нами.

— Я денег дам, командир! Мне к девушке надо... Сегодня же Новый год! — заныл Артур, делая руками сложные, но бессмысленные пассы.

— Если любит — дождётся. А личности завсегда выяснять надо, особенно с вашей далёкой пропиской и этой вот шапкой, — ответил сержант, неприятно осматривая головной убор Артура.

Так и ушли они из вагона и из моего свободного пространства, ограниченного железнодорожным билетом на трое суток. Вот ведь можно было под лавочку спрятаться или по вагонам походить, с пересадками на пустынных платформах. Нет же, Артур мне про рыжую торговку с поэтическим даром рассказывал, словно иных тем в мире не существует.

Да, деньги у него заберут без свидетелей вроде меня, и дадут пару жетонов на метро.

Ну и ещё позвонить позволят, возможно...

А я так и выскочил стремительно на Курском, чтобы нырнуть в подземку. Мне на «Комсомольскую» надо, а уж там дальше на «Подбельского» к этим творцам с гитарами и песнями. Главное, дом не забыть и квартиру. Иначе в этих ебнях можно с

ума сойти. И куплю я для такого случая несколько горячих подарков и пожрать в пакет положу. Уж я знаю, как эти музыканты за воротник закладывают под гармонии До-Соль-Ля-Фа...

***

Пурга на улице усилилась. И подмораживать стало. Кое-где на лужах появилась предательская скользкая корка. Да, тут легко можно спину повредить или башку. А ещё того хуже — бутылки могут разбиться и никому ты, к примеру, не нужен будешь с краковской колбасой и бананами в пакете. Вот поэтому, граждане, бредя тёмной порой по неизвестным улицам, припорошенным снегом, будьте бдительны и осторожны. Особенно в Москве. Это вообще место аномальное. Тут невозможно угадать, где ты проснёшься после эпичных водоворотов в спальнях районах. Перечислять варианты — занятие долгое и не особо приятное.

А тут, в переулке Подбельского, я смотрел на одинаковые дома с одинаковыми козырьками над подъездами. На светящиеся окна, в которых мелькали торжественные тени и разноцветные платя. Люди суетились проводить этот постылый XX-й век, чтобы влететь с размаху в новую эру технологий и кофейных автоматов. Чтобы забыть эти сраные карты для таксофонов и выкинуть писклявые пейджеры в мусорные баки. И чем больше мы выпьем сегодня, тем лучше станет XXI-й век. Ну, или как-то по другому всё повернётся. Но уж точно на благо и комфорт, на любовь и понимание. Носись снег по небу, сдувай ветер тоску и «чёрные понедельники»! Я иду к вам, люди, с пакетом добра всякого! Хоть вы этого и не знаете.

Ну, вот и второй подъезд. Лавочки под навесом и голые ветви виноградника на ржавой проволоке. Следов кроме моих нет — значит, я запоздалый гость. И это волнует. Набираю номер квартиры. Вызов. В динамике осторожный голос:

— Кто пришёл?

— Двадцать первый Рок-н-ролл, — торжественно произнёс я.

И мне открыли. Да, я вошёл. Пароль сработал. Остальное — полная ерунда. Я с подарками и бедолага Артур, теоретически, со мной. Подъём на третий этаж успокоил моё дыхание и обострил разум.

Обитая дерматином дверь открылась бесшумно и меня впустили в светлую квартирку с большим зеркалом в прихожке и кучей разнокалиберной обуви под вешалкой. Одежда висела или лежала в разных местах, словно на вокзале. А встретил меня кучерявый дрищ в клетчатой рубашке и потёртых джинсах.

Чтобы отпали всякие вопросы, я сразу сунул ему в руки пакет и сказал:

— Вот тут продовольственный набор. Артур задерживается. Передай Элине, чтобы не волновалась.

В зал мы вошли, словно старые знакомые. Как и следовало ожидать, внимания на меня никто не обратил. Во-первых, со стороны дивана звучала гитара; а во-вторых, у половины музыкантов были красные глаза. Я привычно переместился на кухню и, откупорив бутылку, налил в рюмки точно по количеству куривших у окна рокенрольшиков. Разрезав апельсин, я добрым жестом указал на стол. И мы выпили водки, словно братья по вере.

А уж потом в большой комнате, сидя на различных предметах, я наслаждался пустой болтовнёй о Gorillaz и «Гранатовом альбоме» Сплина. Кто-то иногда брал гитару, а кто-то губную гармошку. И самодельные блюзы из московских подворотен раскачивали публику на четыре четверти. Туда — сюда, туда — сюда... В этой тёплой атмосфере я то закрывал глаза, то открывал. А ещё я курил на кухне в форточку, словно пытался согреть зимнее небо.

Найти и узнать Элину мне так и не удалось. Уж столько там было рыжих кудряшек, зелёных русалок, чёрных ЭМО и белокурых Натали. И все эти люди нервно перемещались по комнатам и коридорам, словно ждали чего то. И мне это не показалось.

— Народ, пора двигать на «Чеховскую». Тихон уже там, в подвале аппарат и сцена готовы. Бухла можно взять на всякий случай, хотя Мишаня обещал халяву! — торжественным баритоном провозгласил лысый заводила в майке с Бивисом и Баттхедом.

Вся компания взревела в экстатическом восторге. И движение масс стало не просто хаотическим, а крайне паническим. Все искали свои одежды и обуви. Люди рассовывали по карманам сигареты, конфеты и мандарины. Кому-то доверили пакеты с бухлом, а кому-то непослушных женщин. Так вот вся эта рать полустройными рядами вытекала в коридор, чтобы нырнуть в метро и послушать какого-то Тихона, на какой-то сцене, в каком-то подвале. Впрочем, я вдруг вспомнил...

Под Луганском родился
В Бухаре простудился...

Да ну его к чёрту, этого Тихона. Этот мутный рок уже в печёнках весь. Хочется послушать чего-то лёгкого, простого — навроде песен Игоря Николаева. Ну, там типа:

Я не научился жить один.

И у меня на это пять причин...

Хочется усесться за кухонный стол и, погрозив в экран президенту, опустить чело в усталые руки. Потом проснуться под утро и налить водки одну рюмку. Далее закурить и смотреть, как ветер гоняет по улице Подбельского снежные водовороты и треплет провода, украшенные лампочками и мишурой. А качать усталой головой под песни потомственных алкоголиков и хлопать ладонями по коленкам своим или женским — это миллион раз качалось и миллион раз хлопалось. Не убудет, авось.

Я подозвал того длинного в клетчатой рубашке и сказал:

— Я Артура дождусь и постерегу хату. А то неудобно может получиться перед Элиной, лады?

— Да, чувак. Сиди, конечно. Если что — вот адрес. Правда, на такси придётся добираться. У тебя деньги есть? — затараторил он, протягивая мне разные бумажки.

— Есть, всё есть. Вы только там чутка водочки в холодильнике занькайте, а уж я тут сам...

Парень уже застегнул куртку и, хлопнув меня по плечу, поспешил в коридор за своими единовверцами. Вскоре звякнула входная дверь и в квартире оглушительно взорвалась тишина. У меня даже в ушах зазвенело.

Ну, для начала я включил маленький телевизор на холодильнике. Там в уплывающем сигнале пели и шутили какие-то звёзды эстрады и иные странные люди.

Одиночество — это как таблетка феназепама. Ты спокойно слушаешь собственный внутренний мир. А то, что вовне находится — всего лишь материальный фон для создания пространства. В одиночестве можно разговаривать с кем угодно — и никто тебя не назовёт психом. Наоборот, ты сам можешь определять — кто псих, а кто умственно полноценен для общества. К примеру, те в телевизоре уж точно ебанутые на всю голову и слушать их праздничную пургу удивительно приятно. А под стопочку водки всё вокруг приобретает чёткость и правильные формы. Можно, к примеру, помыть посуду и подмести в комнатах всяческий мусор. Эта стадия наведения порядка готовит любого патриота к президентской речи и помогает найти тот самый нолик, от которого можно потом начинать новое летоисчисление. Даже если это новое к 31-му декабря уже пахнет привычным дерьмом, на котором собственно и было замешано.

Вот так я и сел на стул в кухне перед пустой тарелкой в ожидании опаздывающих мыслей. Пока варились пельмени, я перебирал склянки с перцами и приправами. Я нарезал хлеб и солёный огурец. Это было время праздничного затишья — не то, что там, в Реутове грязном, с холодцом и покосившейся антенной на продавленной крыше. Там я и телевизора что-то не видел даже.

— А где все? — словно ножом проткнул меня тихий женский голосок.

Это вот зря я так сидел на кухне спиной к двери. Это первейшая глупость. Так со спины вас и убить могут и пивом облить. Мало ли кто обнаружит вас — такого одинокого на табуретке перед телевизором с артистами.

Я обернулся. А там под холодным «дневным» светом стояла она. Низкорослая рыжая гражданка в мятой зелёной юбке и в вязанном полосатом свитере с длинными рукавами. Она зябко обняла сама себя и волосы её не имели эстетической формы. Эти кучеряшки торчали сами по себе в разные стороны и падали ей на лоб, на котором пролегли сонные вмятины, заканчиваясь на правой щеке.

То, как её покачивало, говорило о многом. Вернее о малом. Она была пьяна ранее, не особо трезва сейчас и, видимо, проспала всю движуху, которую я, счастливцев, успел захватить до неё.

— А всех нет. Они Тихона отправились слушать на «Чеховскую», — ответил я.

— А ты чего тут?

— Охраняю помещение и хочу куранты послушать без людских голосов и шампанского.

— Кофе есть?

— Да, сейчас налью. А ты под кран иди. Плохо выглядишь, если что...

Она, словно зомби, зашевелилась всем телом и, шурша носками, ушла в тёмный коридор. Звякнула щеколда и зашумела вода.

Я поставил на плиту чайник кипятить. С полки достал банку с кофе и там же обнаружил початую бутылочку коньяка «Аист». Запах этого «Аиста» был ещё рабочим, но в чистом виде я бы пить его не стал. Только в кофе.

Когда рыжая вернулась из ванной, стол был уже накрыт не по-холостяцки. Дева обхватила кружку с кофе рукавами свитера и принялась пить мелкими глотками обжигающий напиток с легким амбрэ «Аиста». Её глаза из мутных превращались в полупрозрачные, а затем вообще стали бездонными.

— Ешь мандарин. И затем сыр этот с маслом, отпустит быстро, — советовал я ей.

— Да, спасибо. Я ждала, ждала парня. А он не приходил, ну и под гитару как-то так получилось... Уснула, — опустив глаза в стол, бормотала она.

— Бывает...

— Хотела Артурчика на «квартирник» пригласить. Но видать, не судьба, — продолжалось нытьё.

— Может, придёт ещё. Ты после этой вот масляной хуйни водки выпей пятьдесят, тогда можешь хоть всю ночь по улицам бегать и не заболеешь, — учил я её уму разуму.

— Нет, водку не люблю. Я вина лучше...

— Вино бодряжит в желудке. Кроме вермута, конечно.

— Ну и пусть.

Так вот и воскресла наивная упрямая душа этой рыжей бестии в кухне с маленьким телевизором. И только моя душа катилась в пропасть неожиданной ненависти и гнева. Артурчика она ждала, водку не любит! Дура. Какой тут рокенролл? Какие гитары? А если этот Артур в семафорной шапке заявится раньше времени, что я ему скажу? Ведь эта его рыжая не знает, кто перед ней. И понял я, что надо валить отсюда, чтобы этот мир исчез как поезд в метро, оставив лишь эхо в туннеле. А ведь я ещё недавно хотел уснуть за столом после боя курантов.

— Я стихи пишу для песен. Ребята говорят, не плохо, — ляпнула вдруг эта романтичная похмельная сука.

— Трудно рифмы складывать, чтоб смысл был?

— И совсем нет. Хочешь почитаю?

— Валяй... — согласился я и посмотрел на будильник возле телевизора.

А там ещё до президента время осталось и вообще говно какое-то внутри клокочет.

Надо забрать бухло и крабовые палочки. Пару пачек сигарет и спички...

Мы не успели в срок,

Мы не допили яд,

Может быть нам купить котят.

Что, блядь? Каких котят? Нахуй всё это нужно в новом мире! Там на заснеженных улицах, кроме «Марсельезы», ничего петь не пристало. И уж точно не про котов и яды. Тут вся водка — яд, сигареты — яд, ебля в неизвестных квартирах — тоже яд. Даже речь президента пропитана этим горьким ядом, словно ромовая баба.

Ты сказал сегодня очень важные слова.

Я их ждала, я так ждала.

И вот теперь говорю, тебе в ответ на них люблю

Я тебя люблю-ю-ю...

Она ещё и пальцами щёлкает, словно розовая пантера. Это плохая идея, очень плохая. Да не щёлкай же ты, сволочь!

Я вскочил со стула и схватил эту, как вы уже догадались Элину, за тонкие кисти. Я глядел в её глаза и понимал, что полюбить это существо невозможно в принципе. Эта

творческая дура, торгующая шапками на Черкизоне... Чего ты хочешь, чучело, каких ований и букетов? Лишь тех, которые от лимитчика Артура. Да тебе даже веночек будет размером с пепельницу! Новый век не наступит, новых книг не напишут, песен не споют! Всё будет по-старому, как в фильмах Лёши Балабанова...

А эта рыжая сука смотрела на меня круглыми зенками, словно я её поцеловать насильно задумал. И видимо, у неё в крошечном мозгу такая мысль только и обнаружилась на этот случай.

Поэтому она и завизжала, словно мартышка в джунглях, диким неестественным голосом. И это в минуты, когда Ельцин каялся за свою «наивность» и «усталость», за демократию и что-то там светлое за горизонтом. Сошлись все тёмные силы в один проклятый момент! И я сделал то, что сделал.

Я приложил к этой одуревшей бабе силу обусловленную изменением скорости тела до появления деформаций и механических напряжений. Она отлетела, как физическое тело, в сторону чугунной батареи, взмахнув несоразмерным свитером и белые трусы под зелёной юбкой приоткрыли маленькую женскую тайну, надобности в которой просто не было. Там у этой батареи она и затихла, судорожно царапая кафельный пол хрупкими пальцами.

Я глядел на неё с тем же злым настроением, что и на ту, которая осталась там, в чёртовом Реутове, с пробитым горлом. Да, они все такие одинаковые. Они не читали Маркса и не изучали радий, как Мария Кюри. Не были сожжены заживо в Руане и не скакали по кроватям, как Ахматова. Толку с вас — шапки-триколоры и дурацкие стишки для фанатов какого-то Тихона.

— У меня голова... Не бей меня, — шептала эта рыжая сухими губами.

Да кто тебя бить собрался? Но и лежать тут никто не позволит. Всякое действие, разумно оно или нет, завершено должно быть. Это вечные классические законы элементарной логики, через которую человечество когда-нибудь придёт к настоящему светлому будущему, через малодушные ошибки и недоказанные пока что теоремы.

Я потащил лёгкое трясущееся тело в ванную. Там ещё не испарился пар от предыдущего использования и запотевшее зеркало почти ничего не отражало, а значит и не видело. Дурацкий свитер я повесил на полотенцесушитель, юбку, трусы и

символический лифчик тоже. Носки бросил под ванную. Вот только откуда у этой гражданки столько сил взялось? Она пыталась порвать мне кисти рук и ткнуть пальцами в глаза. Любая обречённая душонка всегда до жизни охоча. Но уже всё решено, уже за всё плата внесена и нарушать равновесие сансары даже Бог не позволит.

Я глянул ещё раз в эти плывущие глаза и с оптимальным ускорением приложил рыжую голову к краю чугунной ванны. На белую эмаль брызнула алая густая кровь и неторопливо потекла в сторону сливного сифона. Но Элина ещё дышала частыми рывками, её сердце громко стучало, исполняя смертельную Codi. Ноги сучили по гладкой поверхности, но это бесило ещё больше.

Я открыл все краны и пробкой заткнул слив. Вода стала быстро набирать свои критические объёмы и окрашиваться в гламурный красноватый цвет. Вот тебе и розовая вода для ненаписанных дрянных стихов. Это всяко лучше, чем на снегу, на железнодорожной насыпи превращаться в твёрдый предмет с безумными глазами.

Ляг, отдохни, и послушай, что я скажу:

Я терпел, но сегодня я ухожу.

Я сказал: успокойся и рот закрой.

Вот и все, до свидания, черт с тобой...

И когда вода поднялась на нужную для операции высоту, я, освобождая и себя, и Элину от разных там обязательств, погрузил трепещущее тело в воду как Архимед, заметив первоначальный уровень. Пузыри из лёгких вышли спокойно и никто больше не цеплялся за свою жизнь, как бы принимая предначертанное. Рыжие волосы красиво раскинулись в розовой воде и Элина, словно детская кукла, зависла в последней купели в последние минуты уходящего года уходящего века.

Я бросил в воду кусок жёлтого мыла. Ну, вы понимаете. Теперь вот осталось нитку из полотенца вырвать. Да нить покрепче и вдвое сложить, чтобы зацепить за щеколду. Прикрыл дверь. Натянул нитку и ванна заперлась изнутри, как положено в таких торжественных случаях. Вытянул я эту нить за один конец и положил в карман. Свет гасить не стоит. Там за дверью тьме не место, только стихи остались...

Затем я быстро собрал походный пакет для путешествия во времени и пространстве.

Главное, не забыть крабовые палочки и сыр плавленый. А то водку так запросто пить в новогоднюю ночь очень некрасиво.

Оглядел комнату и кухню. В телевизоре уже не Ельцин, а какой-то дерзкий гражданин грозит защищать какие-то завоевания какой-то демократии. Понятно. Выключаю его от греха подальше. Выключаю вообще все светильники и люстры. А то вдруг этот Артур припрётся и будет ломиться в хату со светящимися окнами. Всех соседей переполошит своей любовью дурацкой.

Выглянул я в коридор. Пусто. Захлопнул входную дверь и тихо, по ступенькам, спустился на первый этаж. Теперь чутка постоять надо перед подъездной дверью на предмет хрустящего снега или пьяных выкриков с улицы. Всё отлично. Жму кнопку и выскальзываю на свежий воздух. В сумасшедшую пургу ныряю, где по тротуарам пластиковые пакеты гоняются друг за другом словно собаки.

Скажі мені, чому не можу

Забути те, чого нема

Скажі мені, чому не можу

Забути те, що,

Те, що навколо зима...

Сначала я перепутал направление и отправился вглубь проезда, но отсутствие светофоров вернуло мне правильные ориентиры. Возвращаясь обратно, вдоль тех самых одинаковых домов, я уже и не смог определить, откуда я недавно ушёл. Из какого дома? Эти светящиеся окна и нормативные козырьки у подъездов изменили реальность настолько, что я внезапно вспомнил, куда давно собирался ехать для исполнения полуночных радостей уходящего века.

Метро до часу ночи. Всего шесть остановок и я на Ярославском. А уж там последняя электричка до Красноармейска. Да, вот всё и сложилось. Главное, на людей не смотреть и не завидовать чужим глупостям, не радоваться чужим восторгам и не вестись на всякое там ненужное общение. Ибо Москва место хитрое и бесов там на улицах хватает. Ведь кружить нас и бросать без денег возле мусорных контейнеров они ох как умеют. Поэтому надо пить водку, глядя прямо перед собой, а не зыркать по сторонам с надкусанным бутербродом, словно ворона. Это мой вам совет.

***

Когда я сел в электричку до Красноармейска, метель за окном вдруг как-то резко прекратилась. В небе появились редкие звёзды. А я глотнул из горлышка перед стартом в новую жизнь. Затем достал сырок...

Свистнул электровоз и грустные фонари побрели по платформе мимо меня обратно в Москву, словно каторжане.

Палево

Всё, я уйду. Не по своей воле. Так надо. По протоколу положено. Если тебя раскрыли — отправляйся повышать квалификацию. Учись, дурак, как не палиться в этом людском социуме, как заставить этих двуногих полюбить тебя за обоссанные сапоги или утренние танцы на одеялах. Когда ты мал и по детски активен, всё проще. Тебя гладят и ловят за батареей словно домового. Кстати домовые ещё те сволочи из смежной «конторы», ну да ладно.

Но, вот ты подрастаешь и тебя хоть и любят, но могут при случае влупить тапком или ткнуть мордой в лужу. Тут ты почти равен в правах с хозяевами квартиры. А эти люди имеют свойство быть не в духе или умиляться без причины. И тебе надо чувствовать все эти перепады словно атмосферное давление.

И я почти умел, подстраивался, шипел для порядка, мурчал и царапал когтями разную не особо дорогую мебель. Меня кормили и гладили в кухне, когда солнце тупило за окном белыми ночами. А ещё я смотрел со второго этажа на мосты и днём и ночью, когда они разведены бывали...

***

Восьмой год, восьмой отчёт и вся эта статистика бесит меня так, что хвост покалывает электрическими разрядами. И всё это под оглушительно работающий телевизор. Кстати этот телевизор и не телевизор вовсе, а специальный ретранслятор от нашей «конторы». По нему мы отправляем биометрии и всякие там параметры и цифры в Центр.

Присмотритесь к своему коту. Как только телевизор включается, так он тут как тут. Иногда и без телевизора застынет ваш питомец посреди комнаты и как бы смотрит в глубину веков. Так вот это идёт незапланированная передача данных без посредства техники. После этого кота (иль кто там у вас) нужно покормить, чтобы ресурс пополнить. С телевизором удобней и большие пакеты информации отправлять можно. Пока люди смотрят передачи всякие (ну такая визуальная ширма для подконтрольных) мы работаем.

Все эти галактические сеансы позволяют управлять вселенной без привлечения божественных сил, кои себя весьма печально зарекомендовали ранее. Взять хотя бы домовых... Но я не особо понимаю всех этих технологий. Моё дело, как и многих других операторов — наблюдать, вести статистику и отправлять данные. Главное в нашем деле не спалиться. Иные расы на должны получать знания не предназначенные для их мыслительных процессов. Может возникнуть биологический форс-мажор. Ну Атлантиду помните? Ага.

Так вот под Новый год самое столпотворение и жара. Полный отчёт с поквартальной выборкой. Статистика, дери её за лапу. Сегодня мой отчёт будет категорически объёмным.

Я не люблю эти их дурацкие приготовления и безумный хаос на кухне. То ругаются насчёт огурцов в оливье (солёные или свежие), то сионистские раздоры по поводу «еврейского» салата вспыхивают. И ещё каждый раз спорят, что на ёлку водрузить: красную звезду или золотистый шпиль. Чаще всего ставили шпиль, но сегодня победила звезда. А всё потому, что из Ельца дед Игнат приезжает. А там ещё и

внучка и правнук его. Да если бы только это.

С Сахалина в этот раз решили заявиться боевые родственники — дядя Петя, и жена его Броня.

Этот дядя Петя когда-то методично кочевал по этапам Сибири, а потом вдруг осел на дальнем острове в городе Шахтёрске. Там лосося браконьерил и уголёк добывал. А супруга его Бронеслава из интеллигентных была баба, кровей польских. Умела мужа направлять и от хулиганств беречь грамотным словом. Но вот только от стакана удержать не всегда могла, а уж на Новый год и подавно сдавалась.

Причиной нынешнего высокого визита был какой-то давний спор с родственником из Польши Стахом. И спор этот оказался важнее всех водоворотов современной политики и локальных войн. Со времён распада СССР — это был главный стимул выживания этих семейств в рыночном болоте. А дед Игнат был к тому же ещё и арбитром всего этого действия. Это я из разговоров хозяйских понял.

Когда-то в эпоху общественной собственности на средства производства, люди друг к другу в гости ходили как при первобытно-общинном строе. Они выпивали и равны были между собой словно заново рождённые.

Вот тогда-то и встретились дядя Петя и Стах (родня по линии жены Брони) в Ленинграде на каком-то межсемейном празднике. Молоды они были и выпить не дураки. Причём у себя в Польше Стах был чуть ли не легендой по части Wodka wubogowa, а дядя Петя к подобной иерархии относился враждебно. «Сколько надо выпить — столько и выпью» — говорил он, срывая пробки с козырьками.

Это вот обстоятельство и столкнуло двух витязей на поле хмельной брани. При любом удобном случае они бились не на страх, а на градусы. До эпического падения в гаражную яму или под стол за которым деда в домино играли.

Несколько лет они так соревновались и счёт пока был в пользу дяди Пети. Но все же знают каковы эти дерзкие поляки. Они всегда «od morza do morza» в любом вопросе. Но потом всё полетело к чертям с этими распадами держав и многополярными мирами. Вот вся эта капиталистическая дрянь рано или поздно заведёт в кугу человечество, я ж смотрю телевизор.

***

Так вот сегодня мой восьмой Новый год и в Питер прибудет делегация из войска польского под предводительством Стаха. С ним жена его будет Ирэна и дочка Огнешка. Вернее что это я... Они уже вон заходят с парадного входа такие морозные и розовые словно нарезка с нитратами.

Вот они две семьи «od morza do morza» пересеклись где-то на Синопской набережной меж двух мостов, которыми я по ночам любовался.

Встретились они и словно не было лихих кровавых десятилетий. Такое меж ними родство вдруг обнаружилось, что если начнут они своё соревнование на стаканах, то оно и последним стать может. Но опять же опыт. Он не позволит сердцу остановиться, а желудку треснуть по швам.

И сейчас я вижу как украшенные улыбками и снежинками гости завалились в нашу пятикомнатную с парадного входа. Вижу как готовы они впрячься в эту предновогоднюю суету с таким долгожданным энтузиазмом, словно никакие СССРы не распадались и Берлинские стены не рушились.

Я запрыгнул на шкаф и глаза прикрыл, чтобы не видеть всю эту дружбу народов и пальцы в горчичном соусе. Пусть готовят себе питание люди, пока дедушка Игнат не появился.

А о нём я узнал по громким крикам в зальной комнате.

— Мы только из такси вылезли, так он прямо на лед ступил и р-раз о бордюр лбом!

— громко вещал детский голос.

— Ах, как же ты деда так... головой прямо — вздыхало всё общество разными интонациями.

— Да ладно вам, моя башка на БАМе шпалы колола, а тут бетон не по ГОСТу, тьфу! — скрипел дед Игнат, поглаживая сиреневую шишку на лысой голове.

— А ещё он ругался — продолжил историю правнучек.

— А как, как дедушка ругался? — спрашивали родственники со всех сторон.

— Й-й-оп твою мать! — озвучило дитё авторский текст.

За это ему дали апельсин и коробку конфет «ассорти».

И снова забежали по квартире человеки накрывая стол и подбирая удобное место для телевизора. Это вот для меня штука важная. Мне надо своё место найти, что бы не раскрыли эти весельчаки тайную ответственную работу на Центр. А время быстро несло к полуночи.

Уже дядя Петя и Стах зарядили бутылку «елецкой» и смотрели друг на друга хищными взглядами. Нет они не злились, это были спортивные переглядки как в ММА.

Остальные гости периодически фиксировали результаты и вели легкомысленные беседы. Женщины о тряпках и Инстаграмме. А сынишка хозяина Коля ставил дедушке Игнату разные песни, водрузив тому на лысину громадные наушники.

— Это Цой, это «Колибри», это «Сплин» — пояснял он музыкальные треки.

Глядя на красную звезду на ёлке дед не понимал что такого важного звучало в его ушах. Он мотал головой словно лошадь и досадно хмурил брови.

— Это же питерский рок, деда, понимаешь Питер, андеграунд — вещал Коля глядя в мутные глаза старого поколения.

— Зря ты слушаешь эту кашу, вот раньше девки как затянут... — рявкнул дед Игнат племени младому.

В тот же миг, за столом, женщины разных возрастов и национальностей, запели «Огней так много золотых на улицах Саратова...» Я люблю эту песню, хоть в Саратове этом никогда не был. Даже бойцы сорокоградусного спорта обняли друг друга за седые головы и слезу пустили.

— Jak dobrze ranie spiewaja — всхлипнул Стах.

— Да бабы умеют душу рвать — соглашался дядя Петя.

Но в какой-то момент вся эта милота прервалась, а я занял исходную позицию. В телевизоре всплыл глава государства для расы зрителей и монитор записи и отправки данных для меня.

Пока важный дядька в строгом костюме обещал народу держаться и сплотиться вокруг чего-то там патриотичного, я перегонял таблицы баз данных по защищённому протоколу.

Там было всё и обо всех. Эмоциональные графики, экономические поподосы,

любовные отношения и политические шатания всех членов вверенной мне семьи. Даже рейтинги продаж какого-то Старикова в издательстве «Питер» редактором которого была жена хозяина семьи Вероника. И переписка в фейсбуке самого хозяина Антона с директором музея Ахматовой, тоже Аней. А уж про сынка ихнего у меня материалчика реально хватало...

***

Так что работал я, трудился и внезапно ощутил, что на меня кто-то очень внимательно смотрит. Тревогу почувствовал я и всё-таки успел отправить последний пакет данных и отключился от монитора. Затем я вернулся в реальность.

Прямо передо мной стоял дедушка Игнат и крепко брал меня за загривок. Он смотрел на меня не по человечески, а как проверяющий из «конторы». Но он точно не оттуда. Я же получил инфу на всех гостей заранее.

— А ваш котяра ещё та шкура. Контра полосатая ты кому сейчас семафорил в телевизоре? — зарычал он поднимая меня в пространстве.

Все родственники смотрели на деда широкими глазами, а сынок Коля снимал происходящее на смартфон.

— Дед, ты чего вдруг на Муську наехал? — спросил хозяин.

— Этот ваш Муська не Муська вовсе, а шпион и вражина, видишь как растопырился, чует... попался резидент — продолжал нагнетать дед.

Конечно меня всей компанией извлекли из рук проклятого старца и выкинули в коридор от греха подальше. Там в зале я услышал как кто-то сказал — «Это вот он башкой о бордюр тюкнулся и теперь сотрясение поди...» На этот раз хозяин Антон не выдержал и твёрдо сказал — «поребрик...» Затем что-то разбилось об пол. В телевизоре заиграла музыка, а за столом зазвенели вилки и рюмки.

— Наливай поляче — раздался ласковый голос дяди Пети.

— Bardzo dobrze — был ему ответ Стаха.

Жаль что я не узнаю кто кого в этот раз перепьёт. Жаль что я вообще уже ничего не

узнаю. Из глубин вселенной мне пришёл краткий приказ — уходить по маршруту 181 для возвращения в учебный центр. Там меня обнулят и в обратном порядке запустят в другую семью и возможно даже не на этой планете. Это то, о чем я говорил ранее.

Потеря бдительности, раскрытие миссии, прекращение работы. Всё по протоколу и никаких исключений. Ну у вас же уходили коты якобы умирать, улетали попугайчики в окна и всё такое... Инструкция ёпт...

Я вскочил на подоконник, запрыгнул на форточку, выдавил лапами сетку и прыгнул на карниз...

Проходя по пыльному холодному выступу я заглядывал в окна милой квартиры в которой провёл эти удивительные восемь лет.

Я видел как взрослеют люди и сам выросел с ними рядом. Я знал все их ошибки и радости, удачи и трагедии, большие и малые свершения. И мог бы ещё узнать, ещё пожить. Эх.

Они там за стеклом уже отплясывали на паркете, а дядя Петя и Стах сидели красные на табуретках без опоры на стол. Да видимо сегодня будет эпичная битва...

***

Я уже шёл по набережной, а рядом тусклая Нева шелестела не замёрзшим ещё краем словно мешок из «Пятёрочки». Я брёл к Большеохтинскому мосту на встречу с курьером всё дальше и дальше отрываясь от тех мерцающих окон, где осталось тепло и что-то ещё, что вскоре сотрут из моей памяти. С новым годом вас люди умеющие любить и... да ладно...

Олени

Вот, как луна заглянет в окошко пьяным мутным взглядом, так и я наливаю в стакан огонька по-рисочку. Привет, вечер! Здравствуй, календарь на грядущие свершения!

Завтра всем повезёт, я знаю. Надо только выпить чего налито и сериал посмотреть без посторонней помощи.

— Блядь! — рывкнул я и стакан дрогнул в руке.

Звонок был тревожен и противен. Тревожен потому, что неожидан. А противен потому, что звонил Толик Вандалов. Нет, Толик человек хороший, но в такое время он всегда трезвонил либо бухим, либо израненным.

Я посмотрел на стакан, а потом на смартфон. Первая ошибка.

— Да, брат. Слушаю тебя, но будь краток, — ответил я на вызов.

— Здравов, Беспяткин. Ты ещё не пил? — прозвучала в динамике тревожная фраза.

— Нет, — ответил я в досаде.

Вторая ошибка.

— Медленно поставь стакан на твердую поверхность. Иначе я напому, что случилось этим летом в Панино, — оборотнем завыл Толик.

Я поставил стакан, но не медленно, а наоборот, поспешно, словно краденную вещь скинул при шухере.

— А что в Панино? — спросил я у мерцающего экрана.

— Где твои сланцы лисы утащили... Не важно, я о другом звоню.

— Ну?

— Надо доставить посылку. Я руку сломал. Государственной важности дело. Ёбаные блогеры...

Я потянулся за стаканом, но в «трубке» опять зашипело:

— Не смей пить, нужна помощь!

Это уже серьёзно. О помощи Толик просил дважды — и всякий раз спасалась чья-то жизнь или честь, я уж и не помню.

— Говори, — сказал я.

— Заводи свою «Оду» и дуй в «Васильки». Посылку надо доставить срочно и инкогнито.

— Где эти «Васильки»?

— Скину локацию, брат. Выручай! — взмолился Толик и шикнул кому-то в сторону:

— Готовьте тело, хуле вылупились?

После этого смартфон мигнул и погас. А уже через семь минут я выруливал со двора, пугая котов со светодиодными глазами.

***

Подъехал я тихо, с потушенными фарами и ровным дыханием. И не с парадного входа подъехал, а с той тёмной стороны, где ГАЗели разгружаются и мусоркой пахнет.

— Курьер на месте. Тащи посылку со двора, — сообщил я в мобилу.

— Принято, — был ответ.

Ждал я не долго. Вспыхнул проём открываемой двери и разновеликие силуэты зашевелились в мою сторону.

— Привет, мужик! — сказал Толик, поддерживая правую руку, перевязанную какой-то рваной тряпкой.

На щеке его пролегла магическая царапина, как у Гарри Поттера. Я посмотрел на тех, которые рядом с ним раскачивались. И они мне не понравились.

— Надо эту леди доставить в целости и сохранности — торопливо шепнул он мне в ухо. — И чтоб без палева и блогеров. Нас подставили москвичи. Но вот главный смотритель и прокурор помогли.

Три неясных тени прошуршали мимо меня к автомобилю. Я отметил лишь белые кроссовки и малиновый пиджак на «посылке», пока её грузили для дальнейшей логистики.

— Ох, припомню тебе, Толя! — сказал я, глядя в честные глаза товарища.

— Знаю, Беспяткин. Координаты у тебя. Жанна Арнольдовна тоже, а мы... Эх...

— хмуро ответил он мне и хлопнул по плечу здоровой рукой.

Затем вся троица безвозвратно мелькнула в дверном проёме и наступила тишина. Но ненадолго. Из салона моей «Оды», на свободные просторы вылетел звонкий голосок:

— Это пиздец, коллеги! Я в такси не поеду...

***

Садясь за руль, я понимал, что «блогеры» — это «шляпа». Но раз уж я в этой лодке, то и грести вёслами придётся мне. И правила устанавливать я буду.

Глянув в зеркало заднего вида, я успокоился. Жанна Арнольдовна завалилась на сидения боком, обняв пузатую, с ремешками, сумочку. Вот и ладненько, спим спокойно. Только чур, не блевать там!

Так и выехал я под арку без световых огней. А уж дальше к каналам с мутной водой. Там есть дорожки, по которым пути срезать можно. Но, увы, пришлось заглушить мотор и приоткрыть дверь.

Из-за угла, в арку прошмыгнула тень с бородой и очками на сытой роже. Да этих тварей везде узнаешь. Я нырнул за борт.

Держа в руках экшн-камеру на палке, демон проследовал к моему авто, которое потребители не замечают даже днём. Хитрый, блядь. И этот пёс курчавый уже сунул ебало в салон. А там «государственная важность» уже не спала, а как бы «ходила» ногами по потолку. Забавлялась она — то ли от скуки, то ли от бухла. Блогер замер, прежде чем нажать кнопку бесовского девайса. Ещё мгновение и все тайны административного двора разбегутся бродячими собаками по всей округе. Впрочем, мерзавец знал, на что шёл...

Сначала ладонью в затылок — мягко, но резко. Затем аппаратуру — в мусорку. И можно валить отсюда с чистой совестью. Фары включим за мостом, на подъёме.

Погнали!

Когда я свернул на кольцо, с задних сидений раздалось мучительное:

— Ха-хр-ха...

В зеркале отразилось бледное лицо важной леди и её красивые волнистые волосы.

Ведьмой из «Вия» смотрела она мне в глаза и это пугало. Я знаю эти взгляды. Да все знают.

— Жанна Арнольдовна! Я вас сейчас на воздух отправлю, — вежливо сказал я.

Глаза даже не моргнули. Я тормознул у Бухай-сада и, открыв дверь, взял пассажирку за тонкие ручки. Но та выходить не желала и, подобно крабу, застряла в салоне. Так

же нельзя, гражданочка!

Я рванул её, словно чугунную батарею со стены, и мы упали на газон неприятным образом. Вся обида Жанны Арнольдовны вылилась на меня, на мой спортивный костюм и футболку. Запахло букетом далёких виноградников и мякотью фейхоа с апельсинами.

— Зря вы так, мужчина, силу применяете, — улыбнулась мне дева и с носа её упала капля прямо мне в глаз.

Я был морально травмирован, душевно унижен и не имел слов для нужной брани.

Пока я, онемев от влажных фантазий, постигал дзен и дао, женщина резво вскочила и её белые кроссовки мелькнули в сторону главной аллеи, словно на платном марафоне.

Бег тот был витиеват, но стремителен.

Я забыл про классовую гордость и прочие самосознания. Что я скажу Толику на хате у самогонщицы тёти Фимы? Проклятье! В погоню Беспяткин!

Конечно, я догнал беглянку. Впрочем, та уже и не бежала, а грозно стояла, уперев руки в хрупкую талию, покачиваясь с малой амплитудой. Весь вид её говорил о власти и наказании. И наказывать было кого. Нет, не деревянного оленя, рождённого магией «Сбербанка» для креативных понтов, а тех, кто находился у задней его части.

Двое негодяев в мятой одежде с подлыми намерениями топтались у малой архитектурной формы (МАФы). Вандалы сосредоточенно пытались поджечь обрубков хвоста оленя слабой зажигалкой жёлтого цвета. Они были сугубо увлечены паскудной работой и тотально игнорировали мир. А мир всегда полон сюрпризов.

— Вы, еноты! Как так?... Зачем городское имущество ничтожите? А- а?! — голосом Пучкова (Гоблина) проревела Жанна Арнольдовна.

От этих её слов и погасла зажигалка. А может газ иссяк, не знаю я. Вредители вернулись в реальность с ненавистью и удивлением. А ещё их тоже покачивало, словно камыш на запущенном городском пляже.

— Ты, вот, как тут мешать нам пришла, сука?! — спросил один из воинов тьмы.

— Сейчас полицию вызовем, — сказала городская воительница.

— Да мы тебя сами вызовем! И на олене покатаем!

— Катальщики, блядь! И-ик...

— Чё-о? — раздался зловеший хор охрипших голосов.

Это был знак. Я всё-таки думал, что его не будет, но уж извините.

Из тьмы мне пришлось бить человека в голову. И этот человек упал. Но его товарищ был телом крепок и духом силён. Вот с ним мы и катались по новой тротуарной плитке, словно бильярдные шары. А сверху на нас прыгала ответственная за город женщина, молотя куда попало тощими кулачками. При этом рычала она, словно рысь. Это и вымотало нас больше, чем сама схватка.

В итоге мы откатились друг от друга в тяжёлом дыхании и потерянных силах. При этом я держал Жанну Арнольдовну в грубых объятиях, пока она матерно лаяла на врага.

Мой противник тяжело встал на ноги, потирая шею. Он презрительно осмотрел нашу камасутру, плюнул в траву и мрачно сказал:

— Олени, блядь...

Затем пошёл он к своему товарищу, который вяло шевелил ногами под хвостом у МАФЫ.

— Заткнитесь вы уже. Валим отсюда... — шепнул я интимно в ухо храброй женщине.

И вовремя шепнул, ибо та уже пыталась укусить меня за руку, подобно росомaxe. Но не укусила. И это не было ошибкой. Это было прозрением.

— Да, домой... Завтра блогеры из Москвы будут наш город пиарить на Ютубе, — сказала дама и тихо добавила. — Только это секретс-с...

— Они уже в городе, — злобно буркнул я.

— Хватит вам, гражданин... Шутки ваши... — отмахнулась женщина, заваливаясь на задние сиденья.

Я ничего не сказал и поспешил покинуть знаковое место. С аллеи нас провожали два мутных силуэта, грозя кулаками и средними пальцами. А чуть подальше благодарный олень качал рогами в мерцающем свете ночных фонариков.

Опять глянул я в зеркало. Жанна Арнольдовна открыто зевала, широко раскинув руки. Её одежда была в пыли и без пуговиц. И никаких истерик. Вот женщина!

Впрочем, какое мне дело до чьих-то там брючных костюмов?

Внезапно пассажирка перевесилась через сидения и сунула мне под нос жёлтую, драную зажигалку.

— Это вам, возьмите, — смущённо сказала она.

Я молча швырнул дурацкий предмет в бардачок. Ведь все знают, что за подобными дарами следует мелодраматическое нытьё и прочие сопли. И они были. До конца поездки с задних сидений сыпались жалобы на всю хуйню, на скудный бюджет и слабые кадры, на активистов-общественников и инертное общество. И ничего про мой испорченный костюм и стакан «зверобойки» на подлокотнике кресла. А когда я напомнил об этом, то Жанна Арнольдовна уже тихо сопела, запрокинув голову на заднюю панель.

Это вот всегда так происходит у каждого, кто бывал на приёме у важного чиновника по своему нужному вопросу. Вы обязательно получите пламенные речи, понимание ситуации, сочувствие и забитый хуй на ваши проблемы. Так мир устроен и в нём мы разберёмся ещё не скоро.

Поэтому я негромко включил магнитолу с волшебной музыкой Таривердиева. На этой осенней дороге это было весьма кстати.

P.S. Через два дня Толик привёз мне новый спортивный костюм и рассказал кое-что про блогеров. А зажигалка та до сих пор в бардачке валяется.

Темпо

— Вечер в хату. Дежурный Панин. Кто на трубке?

— Доцент Булкин, что стряслось?

— Кто-то применил темпоральное смещение в ваших краях.

— Может залётный какой, самоучка из этих, с домашней алхимией?

— Не, там чёткий трассер, угол профессионально запилен, даже модель похоже из ваших лабораторий.

— Тут слегка празднуют коллеги, так что я посмотрю.

— Ты давай там смотри, исправь ситуёвину, а то придётся утром докладывать начальству, ну ты понимаешь...

— Исправим, не переживай, с наступающим дежурный Панин.

— И тебе не хворать, Булкин.

— Добро.

Отключаю селектор и плюю в корзину для бумаг.

Вот почему? Ну обязательно кому-нибудь вздумается под праздники сотворить лёгкие чудеса с помощью нашего инструментария. То северное сияние, то призрачные белые собаки размером с лошадь на Литейном. А на прошлое восьмое марта к женщинам приставали образы негров с букетами роз. Даже в Новостях передавали. Все эти трансформации конечно милы и безобидны, но так и погореть можно. А ведь мы секретное учреждение, научное и финансируемся не на гранты там всякие. А тут детский сад какой-то. Впрочем, я лет пять назад замутил Самсона поющего «Моё сердце остановилось...» в Петергофской дыре. Но со мной была лаборантка Оля из отдела телепортаций. Хоть какое-то оправдание.

А тут темпоральное смещение. Со временем — это не шутки. Если кто попадёт в эту дрянь, то ищи потом его очумелого в 1904 году на Съезде российских ветеринаров (Бассейная 2). Было и такое. С тех пор спокойно и вот — на тебе. Теперь будем смотреть где тут шамльнуло наше устройство.

***

Ну конечно, именно сегодня и именно он. Я же «бывшая», можно не церемониться. Та вон, в платье «леопардовом» — новая игрушка, студентка. Локоны светлые до пояса, колготки в сеточку. Да и мне вздумалось прийти пораньше, чтоб до Нового года успеть пройти все стадии заново обрётённой любви. Романтики захотелось, похозяйничать на знакомой кухне, голову на плечо положить подкравшись сзади. А оно вон как. Сюрприз. Дурацкий диалог в прихожей и слёзы у парадного.

Снегу намело порядком и сырой он как вся романтика мира. Теперь идти мне по этому месиву мимо мусорки, мимо детсада №70 с цветными лампочками на воротах. Обрато домой, куда никто не придёт, так как планы были другие. Напрашиваться к знакомым? Иначе с тоски свихнёшься. Или соседи пригласят. А там потанцую с кем-нибудь и ещё чего. Мне можно как «бывшей». Противно всё это. И ветер плащ продувает. Хорошо хоть фонари светят, а то с этими потрясениями в стране не знаешь что и ждать. Ни любви ни справедливости.

Ладно. Чего тут стоять под навесом. Вперёд к новогодним чудесам и полупустому холодильнику.

***

Да плевать на все эти ваши коллективные хороводы вокруг ёлки и конкурсы словно на свадьбе. Могли бы ансамбль пригласить. Кавер группу с певицей-брюнеткой. А то всё сами. Как в институте — от Деда Мороза, до водки из фармотдела. Такие все корпоративщики сраные. И болтовня о работе. Все знают кто кого любит или ненавидит, кто кому «дисеры» пишет, а кто трахается в подсобке. Тоска да и только. Даже подражаться не с кем и потанцевать некого. И ещё этот Булкин из темпоральной лаборатории стоит в углу словно Дракула в чёрном костюме и смотрит как тут всё пристойно проходит. Доцент. А сам чудил раньше не по детски. Статус теперь не позволяет. И чёрт с тобой. Чёрт с вами, учёные ублюдки. Я сам себе рефераты пишу и кандидатская у меня будет не чета вашим. Погодите, я это ваше время ещё наизнанку выверну и перцем посыплю.

Пойду в кабинет и выпью в одиночестве. Всяко лучше чем орать «Бухгалтер, милый мой бухгалтер...». Старая идиотская песня, для «дружного» коллектива.

***

Димка, хорош возмущаться этими внеплановыми заседаниями перед Новым годом. Дела идут в гору. Повышения и знакомства. Вон в Москву зовут серьёзные люди. А тут ещё немного поработаем и вуаля! Служебную тачку из Баварии и кабинетик с лепниной. Да и вообще статус дело хорошее. Надо только эту «семёру» сдать в ближайшие месяцы, а то позор какой-то. Хотя привык я к ней. Шустрит как может и печка дует нормально. Но иномарок сейчас больше чем ГАЗов и Волг. Страна вышла из пике, «нефтяночка» рулит. И ты, Димка, тут не самый последний человек. Вперёд, милая! Play to Highway Star...

Сейчас с Лиговки на Расстанную и дальше на Камчатскую. А то уже надоели эти арки с тёмными дворами и парадными кое где заваренными железными листами. Вот тут у транспортного управления налево вслед за трамвайными путями. Со скрежетом как на ралли. Любимая дорога мимо метростроя всё дальше от центра. Тут машин вообще не осталось ни иномарок ни каких. По такой то дорожке чего не втопить мальчика до складов, на Касимовскую и к Дунькиной горке. Там вся нечисть собирается. А потому что никому это место не нужно. Совсем забыли власти местные, мышей не ловят. Волковское содержат и благоустраивают, а тут... Эх чинуши! Да тут у мосточка самая бесовщина и подмёрзшие лужи. Могли бы хоть гирлянды повесить и песка посыпать. И ещё противно что снега почти нет. Так позёмка жидкая струится по рельсам трамвайным и деревья словно мертвецы из-за чёрного забора машут голыми ветвями...

А что это за фигура прыгнула с ограды кладбища? В шерсти какой-то, словно медведь. В руках кол что ли, или лыжная палка? Здоровый странный субъект. Бухой наверное или псих. С кладбища в это время нормальные не ходят. Ладно проскочим. И не надо мне махать лапами своими, все спешат домой. И грозить не надо палкой. Не могу я сейчас подвозить странных всяких. Дома ждут меня любимые люди. Ух ты! Какую петарду он взорвал мне вдогонку. Аж в зеркале заднего вида блики в глаза ударили. Этот не пропадёт и найдёт свой патруль если до перекрёстка дошагает. А вдруг это правда с кладбища бес какой? Ну а вдруг? Тогда к РПЦ вопросы будут

несомненно. Чтоб вот так спокойно выходцы всякие по православному Питеру бродили с петардами — не порядок.

Странно. Откуда столько снега навалило? Просто поразительно. Ведь была чистая дорога до Бухарестской. А тут сантиметров десять слой. Аномалия видимо. И всё как-то по другому выглядит теперь. Да снег меняет мир. Зато хоть на зиму похоже. Даже настроение поднялось.

Надо не забыть выкинуть из багажника старую полку, а то гремит там. Сейчас во дворы заеду там мусорные баки завсегда возле панельных пятиэтажек стоят. Вот же ветер разгулялся. В борта бьёт...

***

Поскользнулась. Упала в оплывший сугроб. А что ещё? Другого и ждать нечего. Снег набился в болоньевые сапоги и тает там. Сумка испачкана. Всё к одному. Волшебство продолжается. Теперь осталось принца на белом коне встретить или Деда Мороза. Ну вот пожалуйста. Открывается дверь крайнего парадного и из неё вываливается он самый. В красной шубе и шапке на затылке. Посох при нём и мешок с подарками. Он сочно ругается и только потом замечает меня.

— Простите ради Бога, я вас не видел — басом извиняется он.

— Бывает, сейчас никто не замечает, время такое — вежливо отвечаю я и даже слегка всхлипываю.

— А что это у нас тут, печаль и одиночество?

— Печаль и одиночество.

— Верь мне, вся эта ерунда проходит, но не сразу.

— Наверное.

Мы идём с этим ряженным актёром от девятого дома к повороту направо после мусорки и оставляем в снегу никому не нужные следы. Дед Мороз говорит, что сам попадал в такие чудные квартиры, что неприлично даже вспоминать. У людей полно проблем и комплексов. Подарки уже не так желанны как просто деньги.

— И романтики нет, умерла вся романтика — почти кричит он внимательно оглядывая окрестности.

— Да умерла, и ещё ветер этот — поддерживаю я его.

В этот самый момент к площадке с контейнерами весьма резво подлетают белые «Жигули» и неудачно тормозят вильнув корпусом на мокром снеге. А Дед Мороз, будто специально поскользнувшись, бьётся лбом прямо в дверь автомобиля. Звук такой страшный, что я ожидаю увидеть его расколотую голову. Но всё обошлось лужицой крови на снегу и мятой шапкой. Дед Мороз просто рассёк кожу на лбу.

***

Вот и ладненько. Коньячок добрый. В дубовых бочках наверняка был, но срок уж точно от балды напечатан. Пять звёзд... да ладно. Эх ещё стопарик вдогонку. Хватит ныть Андрюша, Думай как с пользой провести эту новогоднюю ночь. Завалиться к знакомым из политехнического? Ну это опять неизвестно в каком краю Питера окажешься после новых встреч и брудершафтов. Домой идти неохота. А допью ка я эту бутылочку и достану свою будущую кандидатскую. Да вот так мы и поступим. Вот он генератор векторов времени по моей угловой системе. На базе старого принципа новый инструмент, с чумовыми характеристиками. Теперь не надо сидеть с калькулятором, для расчёта петель и длины маркирующего луча. Просто смещение на градусы и минуты теперь автоматически завязано на нужный вектор или необходимую дату. И это прорыв в направлении. Миниатюрность и точность. Вот бы испытать на пустыре каком-нибудь. За городом. А что? Сейчас ещё стопку и протестируем приборчик.

Так, оденем что-нибудь из новогоднего гардероба потеплее и полохматее. Эта шкура подойдёт. Далее быстренько в подвал и на выход. И чтоб место подальше от центра, пустынное и тёмное. Есть. Отправляемся на волю...

Выхожу я через Барановский склеп и далее между поваленных крестов и надгробий пробираюсь к ограде старых захоронений. Вот тут самое место для моего образа.

Теперь через рельсы к мосту.

Вон какой-то опоздавший на «классике» мчится. Сейчас тормознём и под гипнозом он меня хоть в Колпино, хоть куда прокатит. Я ему даже денежку положу на «торпеду».

А чёрт! Какой неучтивый гражданин. Подло прошмыгнул мимо меня. Так значит? Я за рулём, и всё мне ни по чём? Ну-ка получи подарочек. Сейчас мы стрелочки то переведём и нырнёшь ты к примеру в 93-й. Самое там говно творилось. Вот и хлебни этого самого...

***

Хорошо, зафиксируем координаты. Ага есть... Да Андрей Павлович, зря вы так от коллектива отрываетесь. Видел вас задумчивого за столом. Потом ушли куда-то. И куда? На Дунькину горку. А туда на радостях не уходят. Вот весь ваш маршрутец от кабинета до Конной дорожки. И точка смещения определилась. Сейчас запустим анализатор векторов и проверим площадь поражения. И повезёт вам если там никого из гражданских не задело.

Нет не повезло. Один попал в смещение. Минус восемь лет. Вот чёрт! Ладно отправлюсь сам. Мой косяк. Пока там коллеги веселятся я метнусь на эту Бухарестскую. Только надо чтоб вид мой доверие внушал. Тут пожалуй вариантов мало. Дед Мороз — подарки всем принёс. Символично даже. В хранилище всякой одежды хватает. Так что вперёд доцент Булкин, пока часы двенадцать не бьют...

***

Вот Димка, привет тебе из волшебной сказки. Дед Мороз за бортом. На abordаж взял твою «ласточку». Открываю дверь и на помощь.

— Вы там как это, не пострадали? — спрашиваю.

— Ерунда гражданин, я сам виноват — отвечает Дед Мороз посохом отряхивая мешок.

— Кровь у вас по лбу льётся.

— А мы её снежком.

— Сейчас аптечку достану, там бинты.

— Не откажусь от бинтов...

Вот и пришлось распаковать аптечку в первый раз. Это так волнительно.

— С Новым годом — слышу я мягкий женский голосок.

Здрасьте! Девушка рядом стоит в светлом болоньевом плаще и таких же сапожках.

Мода вернулась что ли из тех мутных времён? Или это снегурочка так вырядилась?

Но сама хорошенькая, курносенькая с чёлкой из под вязанной шапочки.

— С Новым вас, снегурочка — отвечаю ей.

— Я не с ним — улыбается она, кивая на Деда Мороза.

А тот уже взял у меня бинт и вату. Пытается сам закрепить всё это на голове, но не тут то было. Конечно мы помогаем и перебинтовываем его довольно таки крупную голову. При этом мягко касаюсь её пальцев и это тоже волнительно. Чудная ситуация.

Две молодых половозрелых особи возле дворовой помойки оказывают первую медицинскую помощь Деду Морозу в полночь новогоднюю. И романтика тут и снег и кровь и эти тонкие пальцы... Димка, да ты походу не ровно дышишь. А она смотрит на тебя широкими глазами словно ты один тут на Земле и всё пропало пропадом.

— Ну вот и хорошо, ребятки — раздаётся бас пострадавшего.

— У вас голова не кружиться? — спрашивает девушка.

— Есть мальца, ерунда — отвечает тот.

— Давайте вас подвезу — предлагаю я.

— Если не трудно чуть дальше по Бухарестской, да и девулю эту...

— С удовольствием, поедемте, как вас зовут? — обращаюсь я к свидетельнице ДТП.

— Инга. Да я сама дойду тут недалеко дворами до Стрельбы, 26-й... — отвечает она, махнув рукой вглубь квартала.

— Ну уж нет, на это я пойтить не могу, здесь кружок мизерный, а ночи тёмные и

всякое там, Дима имя моё — говорю я.

— Ладно — словно мяукает она...

Выруливая по дворам, случайно отмечаю, что машин кругом удивительно мало. Но самое жуткое — это их номера — четыре цифры и «ЛД». Это дореформенные ещё. Неужели с тех пор и стоят? Странная ночь. Плохо я видать эти районы знаю. Ничего вот до Купчино доберусь, там все тропки мои.

***

Наверное уже засекали импульс. Ох и получу я нынче подарков от администрации. Могут и в командировку на Новую землю отправить. Премии точно не видать. И ещё искать этого автомобилиста... Ну вот зачем? Зачем я смалодушничал на этом дурацком корпоративе. Ну посидел бы там, погрустил, а потом к знакомым технарям срулил. А тут смешались надменность и глупость в одном бокале. Получите похмелье. Ну да ладно пойду ка я обратно. Может Булкин прикроет. У него все инструменты есть для поисков и возвращения. Поставлю ему ящик этого пятизвёздочного. Он хоть из администрации, но учёный серьёзный. Думаю не откажет. Так, уже за полночь. Разворот на 180 градусов и к ёлочным игрушкам, песням и хлопшкам.

***

Он красивый, этот Дима. И не паникёр. Спокойный. На дорогу внимательно смотрит. Как заметит машину припаркованную, так удивлённо брови поднимает, словно впервые видит. Забавно. Вспоминаю как он мои пальцы тайком гладил когда Деда Мороза бинтовали. Но всё так быстро происходило, что поговорить не получилось. Как бы намекнуть ему, что бы позвонил? Сам точно не спросит. И ещё этот в красной шубе вздыхает на заднем сидении и чем-то в мешке шуршит и щёлкает. Словно радиоприёмник у него там.

У меня ноги совсем промокли. В горле першит. Завтра буду аспирин глотать.

Здравствуй жопа Новый год. Хорошо хоть дома мёд есть.

Вот и поворот на Стрельбищенскую. Немного вперёд и дом мой. Везде окна горят, кроме этих на втором этаже. Даже идти не хочется. Но делать мне тут уже нечего.

— Здесь мой замок, Дима, видишь три пещеры тёмных? Там я в спячку впадаю пока принц не поцелует — слабым голосом отпускаю я дикую глупость.

— Принцы просто не знали где ты живёшь, а тот кто знает никуда не денется, Ваше высочество — вдруг серьёзно ответил он и повернувшись ко мне подмигнул карим глазом.

Дед Мороз фыркнул сзади словно лошадь и протянул мне игрушку «Танцующую балерину».

— Вот за то что хорошо себя вела подарок — басит он.

И мы, все сидящие в салоне, смеёмся словно дети. Какие чудные мгновения! Но больше их нет. Но может будут?

Я выхожу из машины и наискосок по протоптанной дорожке медленно иду к своему дому. Оборачиваюсь. Машу рукой обоим, но прежде всего Диме. Димке. Так лучше. А он смотрит на меня словно удержать пытается, но это я себе накрутила лишнего. Или нет. Я уже ничего не понимаю и ускоряю шаг, что бы подняться в квартиру и мордой в подушку.

Слышу позади взревевший мотор. И звук его быстро тает в этой тёмной пустоте, которая уже давит мне на горло.

***

Пока выруливали на Козловский переулок, оставляя позади эти старые пятиэтажки, куда-то вдруг внезапно пропал снег с улиц и ветер утих. Да что же это такое твориться?

— Аномалия. Тут бывает наметёт, а потом растает к утру — отвечает Дед Мороз с задних рядов.

— Я вслух разговаривал?

— Да и это тоже бывает.

Мы молчим аж до самой Бухарестской. Вот как оно. То снег, то тёмная чёлка из под вязанной шапочки. Одинокая ты Инга, а я нет. Это вот называется несправедливость.

Но заехать всё же заеду. Не могу так вот на полуслове начатый разговор прекратить. И в глаза эти большие ещё раз загляну. Что она за ними прячет, какую тайну?

— Вот тут... здесь останови, дальше я сам, — слышу знакомый бас.

Ах да Дед Мороз покалеченный. Я уж и забыл. Он походу мне дверь замял. Ерунда эта дверь.

Торможу сразу напротив техникума. Дед Мороз неуклюже вылез из машины, уронив свой посох на мёрзлую траву газона. Закрыв дверь, он машет мне рукой и быстро шагает по аллее в обратном направлении не оглянувшись и не попрощавшись.

Странный тип. Пришлось выйти и окликнуть его.

— Давай Дима, гони, а то и так время потерял! — кричит он мне и ныряет в густые голые кусты.

Словно украл что. Может полку которую я так и не выбросил? Да полка. Всё с неё началось. Или раньше? Когда тот странный лохматый не пойми кто меня на Касимовской тормозил. Приключения они такие. Ну да пёс с ними, с приключениями. Пора домой. Там мне всё скажут и... Да поехали уже!

***

— Ты хороший человек Панин. Понимаешь? В журнал не заноси этот казус, ладно?

— сладким басом говорит в селектор Булкин. — И ещё раз с Новым годом тебя!

Отбой связи.

Он отключает микрофон, скидывает наушники и поворачивается ко мне.

Сейчас начнётся. А ещё эти бинты на голове. Видимо возвращение было не из лёгких. Зато живой.

— Андрей Павлович, вы лучший сотрудник нашего учреждения и серьёзный учёный.

Вам двигать науку вперёд. Но порой у людей бывают приступы удивительной глупости. Иногда по причинам иногда без. Я хочу верить, что у вас была причина...

— начал он свою речь.

На этих словах я печально киваю головой словно школьник.

— Это хорошо и мне не хочется знать эту причину. Я просто прошу вас больше такие глупости не повторять. — продолжает он.

— Да конечно, я всё понимаю. И готов понести как положено наказание. — мямлю я.

— Никаких наказаний, никаких даже упоминаний об этом не должно быть, — машет он руками. — Ничего не было, кроме новогоднего корпоратива в нашем актовом зале, куда вы сейчас отправитесь пока народ не разошёлся.

Я краснею словно девчонка. Мне реально стыдно и неудобно перед этим умным человеком. Я конечно отправлюсь в зал и впрягусь в последний хоровод вокруг ёлки.

Выпью с коллегами водки из фармотдела и поучаствую в групповом снимке, а то ни на одном меня нет.

— Ну вот и ладненько. — улыбается доцент Булкин, свёртывая грязный наряд Деда Мороза, — Можете идти.

Я по военному разворачиваюсь и берусь за ручку двери.

— Минутку, Андрей Павлович, — раздаётся у меня за спиной.

Я замер, словно кто-то вывел время на ноль. Вот сейчас он то всё и скажет. Я предполагаю командировку, но опять ошибаюсь. Слова были иные.

— С вас коньячок-с Андрей Павлович, раны залечить...

***

Так, вот он двадцать шестой. Второй этаж. Подъезды со двора. Ткнём наугад домофон. О да тут открыто и кирпичом подпёрто. Скорую кто ждёт наверное или почтальона с пенсией. Да мрачновато в коридоре, но чисто. Вот и квартира. Без железной двери. Сейчас это редкость. Фу-у-х! Звоню. Звонок мелодичный и тихий. Слышу шаги. Шаркающие, медленные.

— Кто там? — спрашивают за дверью.

— Мне Ингу увидеть. По делу. — говорю серьёзным голосом, словно на собрании. Дверь открывает старая женщина в тёплом сером халате. Она подслеповато смотрит на меня и тяжело дышит.

— Ингу... — говорю я.

— Нет её здесь

— Как так? Она ж мне сама адрес давала.

— Когда это она его давала? Лет пять назад? Опоздали вы гражданин.

— То есть как это опоздал. Вчера же...

— Она с мужем и дочкой в 96-ом на Байкал укатила. Не могла она вчера... Мы тут живём, я тётка её. Могу передать что там у вас есть. На словах иль вещь какая? — монотонно бубнит женщина.

— Передайте, что Дима... нет, ничего не надо я сам... До свиданья, — пустым голосом отвечаю я.

Уже в машине я вспоминаю, что так и не выкинул ту чёртову полку. Да, Димка пора тебе в Москву, а то здесь все чудней и чудней становится. А Инга поди там в кухне стояла и слушала. И правильно делала, я считаю.

Городки

— Ладно! — провизжала одна из ведьм, которую дед почёл за старшую над всеми потому, что личина у неё была чуть ли не красивее всех. — Шапку отдадим тебе, только не прежде, пока сыграешь с нами три раза в дурня!

Н.В. Гоголь «Пропавшая грамота»

Когда сумерки только-только начинают опускаться на мою деревню, забавно смешиваясь с дымом из местной коптильни, я чувствую в себе волнения разные и, возможно, патриотизм. Конечно, всю эту дрянь можно чувствовать и без сумерек и без запаха всяких там копчёностей. Но, согласитесь, что гордиться Родиной на голодный желудок вообще-то паскудство.

А если ты знаешь о щедро накрытом столе у дома отца Андрея и руки твои гудят от

усталости после отменной работы, то всякие благие чувства и порывы, словно радиация, бьют из тебя, поражая окружающий мир, то есть природу — добром иль чем там ещё можно поражать.

Я смотрел на качающиеся берёзы и ольху сквозь магическое сердечко в деревянной дверце и застёгивал ширинку.

Так долго застегивать что-то из одежды можно лишь тут, в православной Вешаловке, на которую снизошли те самые сумерки, о которых я говорил выше. Так долго можно смотреть на церковь, если ты не веришь в Бога, но чёрта, к примеру, видел на общей кухне и даже гонялся за ним с голубой брошюрой ЛДПР по коридору в общежитии ПТУ № 17.

А если церковь ещё и с колоколом, то родные мои, это вообще заряжает круче чем концерт AC/DC в Париже в 1979 году. Все эти «дороги в ад» супротив заповедных тропок любимой моей деревни — говно и халтура. А уж если вспомнить о тракторной колее вдоль тополиных посадок до кукурузного поля и дальше к запруде, то говорить о рок-н-ролле вообще подло.

Так вот. Пока я шёл к крыльцу, на котором расположилась вся наша компания, мимо меня, то есть надо мной, пролетели два антирелигиозных грача и одна сатанинская летучая мышь. Эти зловещие знаки ни о чём мне не напомнили и ничего не подсказали, а зря.

Впрочем, похуй на всякое там потустороннее и супротив человека настроенное говно. Я видел, как за столом моя бригада трясла гранёными стаканами, а отец Андрей крестил рабочий класс солёным огурцом из прошлогодней бочки.

— Ты, Беспяткин, всегда пропускаешь разные интересные места, — крикнул мне навстречу усатый плотник Лука.

Так сокращённо мы звали нашего трудового наставника Никиту Лукашенко, владельца волшебного топора 1968 года с клеймом на бойке.

— Что же такого интересного я пропустил, граждане, пьющие зверобойку? — возлюбилостествовал я искренним образом.

— А вот Серёга Патока решил окреститься, — хором взвыли мои кровельные коллеги.

— Да ебанитесь! Неправда ваша, нет такой веры, чтобы Патоку в таинствах святых заметить, — растопырился я на резных ступеньках.

— А вот и есть такая вера — рубанул хриплым басом отец Андрей.

— Уж не православная ли? — ехидно прищурился я.

— А если так, то что? — встрял между нами каменщик Саня Причетников.

— Да ничего. Крестите, коль охота. Только плесните из той вон бутылки, а то я атеизм свой в сортире весь растерял.

И мне плеснули в стакан добрые люди благоухающей настойки из запасов епархии.

А Серёга наш сидел в кожаной куртке, подобно масону, улыбаясь наступающему вечеру и правильной религиозной ориентации.

Мы не зря целый месяц рубили верха по технологии предков и перекрывали церковные купола медью. Мы не зря красили храм и чистили труднодоступные места, поросшие тугими ветвями остролистного клена (*Ácer platanóides*). Мы не зря отделали купель для приходящих к Богу граждан синим кафелем. Всё это не зря, то есть за деньги.

Впрочем, денег нам дали мало, но мы не были в обиде.

Во-первых, отец Андрей с нами на рыбалку ездил. Во-вторых он нам колокол показал (даже позвонить разрешил). А в-третьих, в деревне теперь не только на дискотеку в клуб можно было пойти, но и, к примеру, отпеть кого в обновлённом храме возможность появилась.

А сегодня мы отмечали шабаш работы. Это веселей, чем Шабат и значительней, чем всякие там дни Единств и прочих Согласий. Ну, вы понимаете.

Прихожане в долгу не остались и стол на крыльце поповского дома был изящно сервирован правильными продуктами ручной работы и никаких там «Пятёрочек» и «Магнитов», никакого говна из этих ёбанных супермаркетов.

Трапезничая вот так, на природном ландшафте, хотелось верить в то, что вся эта заграничная, пластмассовая непотребщина временна, как и неравенства всякие, капитализм и президенты.

Впрочем в этот вечер мы не думали о всякой хуйне. Мы пели песни и играли в городки.

Вы знаете, что такое городки? Вы, сидящие там с кофе у компьютеров, знаете, что это такое? А те, которые бизнес-коучи с микрофонами и проекторами-лазерами, вы играли в городки? Да ни хуя подобного! Всякие там дротики и бадминтоны, рулетки и «шутеры» от первого лица, фитнесы и караоке, пикапы и биржевая возня — это игры для успешных неудачников.

Люди, понимающие смысл жизни, играют в городки. Вот потому и мало таких людей — они основа семенного фонда человечества. Но я опять отвлёкся.

В городки играют битами. Это такие тяжёлые палки до трёх кило весом. Делают их спецы-любители. Из кизила делают и стальных колец. Центруется такая бита весьма грамотно и способна поражать различные цели, начиная от самих городков и кончая классовыми врагами трудового народа. Потому эта игра была популярна в одной большой красивой стране, о которой я сейчас говорить не буду.

Так вот. На металлическом листе рисуется квадрат типа «город» (2 x 2 метра) и в него ставятся фигуры из деревянных столбиков длиной 20 см. Всего этих фигур пятнадцать и выбивать их из города очень не просто, но уж поверьте, жутко интересно и для здоровья полезно. Академик Павлов это на собаках доказал и даже не на собаках, а на самом себе доказал, что очень даже почётно и самоотверженно. В общем, пили мы, ели мы и в городки играли. А когда надоедало что, о бабах говорили.

— Пойдём сегодня на танцы, — предложил Славка-сиделец.

— Это где тебя отпиздили за клубом? — спросил коллектив.

— Я разве виноват, что не люблю вашу дурацкую рыбалку, — вывернулся Славка.

— Вон Беспяткин тоже не любит удочки, а пизды не получил, — упёрлись работяги.

— Он сразу с бухгалтершей срулил, а я его порцию выпил, чтоб не пропадало...

— А зачем на сцену полез? — теперь уже я спросил.

— Я хотел Круга, а они Майданова какого-то поставили, — оправдался мой напарник.

На этом моменте мы снова наполнили стаканы. Булькнуло бухло и где-то возле полуразрушенной часовни подло хохотнул сыч.

— Ваш разврат плохая затея, — сказал отец Андрей, вращая красными глазами.

— Ну, вот только не надо, а... Патоку крестить надумал — это тоже нарушение прав всяких, — буркнул я.

— Это его решение. Пришло время впустить к себе Бога, — начал наш поп.

— А до этого ты чего ему тут накручивал про грехопадения и козни Сатаны? — встрял в дебаты Славка.

— Наставил на путь и всего делов-то, — огрызнулся батюшка.

— А крест подарил, а иконку...

— Да идите вы к чёрту! Пусть не крестится, пусть живёт в неверии! — громко обиделся отец Андрей.

Тут с табуретки вскочил Серёга и глянул на нас глазами Иеговы. Плохо посмотрел он на рабочий класс, неприятно даже.

— Вы помрёте и бесы вам покажут небо в алмазах, кожу сдерут и огнём пытаться будут, а я в садах волшебных нектар пить стану, как вот этот, например! — крикнул он, словно на митинге, и опрокинул в себя настойку.

— Пропаганда, блядь! — грохнул кулаком об стол проснувшийся плотник Лука.

— Видишь, что народ говорит, его не обманешь, — подлил я в огонь керосину.

— И пусть говорит твой народ что хочет. А я окрещусь, как подобает русскому человеку. Вот прямо сейчас возьму и окрещусь, — ударил по нам Патока тяжёлой артиллерией и поглядел на батюшку.

Отец Андрей при таких вот нелепых заявлениях был растерян и недоумён. Он занюхал выпитое хлебом и захрустел солёным груздем. Отвечать на что-либо, видимо, он не собирался. Но мы то, как живые свидетели героического поступка, пропустить такое свинство просто не могли.

— Батюшка, а батюшка! Назвался груздем — полезай в банку, — настаивал на продолжении темы коллектив.

— Темно уж, не по уставу. Да и матушка скоро приедет, — заныл святой отец, проглотив груздь.

— Матушка в Анапе с детьми и приедет через неделю, сам говорил. А устав тут ни при чём. И что это вообще такое? — откликнулся на его отмазки Славка-сиделец.

— Свечи зажжём и в купель опустить поможем, если что. Ты только читай и кадилом

маши, или чем там у вас машут — подхватили почин члены бригады.

Долго ещё спорили мы и митинговали, пытаясь взять священника на слабо. И взяли таки.

— Пёс с вами, нехристи. Но чтоб никому, особо матушке не говорить! — согласился отец Андрей.

В этот момент Патоку прошибла праведная слеза и он обнял попа, словно рулон рубероида.

***

Мы собрались быстро. Серёгу отряхнули веником, закуску положили в корзинку, а бутылки рассовали по карманам.

Шли мы по святой земле твёрдой поступью и плевали на вздыхающих за кустами крыжовника завистливых духов. Неприятно было только проходить мимо развалин старой часовни. Запах оттуда был неприятный и мерцало что-то.

И вот мы в храме. В окружении образов, лампад и прочей наглядной агитации мы говорили полушёпотом и зажигали свечи.

Батюшка переоделся в свою униформу и наполнил купель святой водой.

— А она точно святая? — спросил Лука.

— Точно, не богохульствуй, — ответил священник, роясь в резном комоде.

Всех нас охватило предчувствие некой тайны и праздника.

Поиски обрядовой рубашки и шуршание твердых грязных ступней Патоки по холодному полу необычно заряжало атмосферу и мне показалось, что святые с икон смотрели на нас с нескрываемой злобой и любопытством, словно их не вовремя разбудили.

Тем не менее, отец Андрей приступил наконец-то к долгожданному таинству крещения.

— Ну! Ты готов там, раб божий?! — крикнул он раздражённо в сторону ширмы, где Патока облачался в крестильную рубаху, похожую на женскую ночнушку, с красными

орнаментами по низу и на воротах.

Наш коллега вышел на свет босым и жалким. Он опустил голову и не смотрел ни на нас, ни на бабушку, ни на святых. Нам даже показалось, что он спятил.

Но нет, он не спятил, он был до крайности растерян.

— Отец Андрей, я же не постылся, — тихим, пропадающим голосом сказал он.

Наступила плохая, даже я б сказал, глупая, пауза.

Нечистый человек, пьяный по ходу пьесы и на тебе, очиститься захотел. Так не пойдёт.

— Кайся! — кратко рявкнул поп.

О, боже! Чего только мы не слышали в покаянии, сколько смертных и не очень грехов таилось внутри скромного кровельщика Патоки. Порой мне хотелось закрыть уши ладонями и молиться супротив скверны всякой, но я молитв не знал. Вернее знал, но не для такого случая и к тому же на латыни.

— Так вот кто унитаза чешский спиздил из кукольного театра, — трагично заметил Лука.

— Тот пузырь на День города никто не разбивал, однако. Вот подлец, мать его... — страдал Славка.

И только Саня Причетников грозно молчал, услышав про доски для гаража, из которых он полдня гвозди корчевал, а наш напарник их тайком домой уволок.

Много ещё чего поганого слышали мы, но всё поняли и простили, ибо дело в храме происходило, а там пиздить кого-то, пусть даже и за дело, негоже для жителей среднерусской полосы.

Вывалив из души остатки тёмной стороны, наш Серёга замолчал страшным образом и мне показалось, что святые на стенах вздрогнули, словно от холода. Впрочем, кому тут до них было дело?

Отец Андрей уже дунул в рабочее лицо Патоки жизненной силой и трижды благословив, возложил руку на главу его. Затем уж загудел угрожающим басом, обращаясь к Сатане и прочим там бесам.

— Запрещает тебе, диаволе, Господь, пришедый в мир и вселивыйся в человецех, да разрушит твое мучительство и человеки измет. Иже на древе сопротивныя силы

победи... — отжигал он глаголом нечистую силу.

При этих словах мы тоже притихли, словно под гипнозом.

Как Серёга вертелся на Запад и на Восток, как отвечал он на какие-то вопросы, я не помню. Я выходил на двор, чтобы выпить одиноко — перед тем, как опускать нашего коллегу в холодную святую воду.

И мы его туда опустили. Опустили весело и пресекая всякие попытки не входить в эту воду дважды. Остановил нас священник тяжёлой, святой книгой, то есть насилием и наставлением.

Уже потом мы всей компанией выпили кагору и поздравили мокрого Патоку с обретением Бога и его защиты. И с именем новым поздравили, вновь наречённым Сергием (ударение на первом слоге).

— А теперь покажи колокол, — вдруг приказал Лука, отцу Андрею.

— Это что вам, выставка собак что ли? — возмутился поп.

— Нет, просто мы штангу забыли приварить, — ответил Лука. — Арматуру вбили, а пятак приварить забыли, непорядок.

— Халтурщики, — рявкнул священник и направился к колокольне.

А мы за ним, словно цыплята, поспешили, потирая руки. Ну, ещё бы — раз есть колокол, то он должен по ком-то звонить. И никто нас не остановит!

Но услышать «малиновый звон» нам на этот раз не довелось. Не довелось нам даже увидеть святой предмет, отлитый по заказу епархии в далёком городе Тутаеве.

Колокола на колокольне не было.

Это был неприятный момент. Настолько неприятный, что вначале отец Андрей произнёс совсем уж нехорошее слово в святом месте. Мы даже не стали с ним тягаться в этом деле.

— Это вот плохо, я так понимаю, — дыхнул в небо неверующий Лука.

— Он же тяжёлый, аки рельса, — вторил ему полуправославный Саня Причетников.

Отец Андрей, словно кот, прошёлся округ того места, где когда-то была тень религиозного инструмента низкого тона. Он о чём-то напряжённо думал, а мы также напряжённо молчали.

— Беспяткин! — вдруг страшно воззрился на меня поп. — Ты вчера сатанинские

заклятия на латыни под гармошку орал?

Вся добрая рать посмотрела на меня, как на последнего депутата-буржуя. Так смотреть на людей я бы запретил законом, кстати.

— Ничего я не орал, а пел и в ноты попадал чётко! — возмутился я. — Дьявола нет, как и всего прочего. Есть человек и законы природы.

— Ты ещё побалагурь тут, атеист краснопузый, — зарычал отец Андрей в святых стенах.

— Satano! Oro te appare te rostro! — плюнул я его сторону.

И тут могло бы случиться нехорошее аморальное дело, но нас прервали грубым образом.

— Гляньте мужики, что там творится! — паническим голосом прогудел плотник Лука, глядя с колокольни, словно химера.

Мы высунулись в свежепобеленный проём и замерли в праведном возмущении, как наследники царского режима. И тому была серьёзная причина.

Внизу, возле разрушенной и стократ осквернённой часовни, в потусторонних отблесках рыжего огня мелькали нечистые тени и клубился сизый дым, обволакивая некий большой предмет. Этот предмет был знаком нам, а возможно близок исторически и даже патриотически. Да, это были очертания колокола и я в тот момент допустил существование пусть не Святой Троицы, но хотя бы Иуды, к примеру, или Грааля.

***

Вообще, чужие предметы брать дело плохое, с некоторыми оговорками конечно. А уж в данном контексте наша компания вновь стала единым человеческим коллективом, способным на подвиги и рукоприкладство.

Мы быстро спустились по винтовым ступенькам и, распахнув священные ворота храма, враждебным строем двинулись навстречу злым силам или, к примеру, загулявшим участникам Питерского «эконом-форума»

Как бы свирепо мы не нагрянули на вечеринку, но нас-таки подло ждали. Нет, всё же не красномордые экономисты ждали нас, а те самые бесы, которым нужна ваша сраная душонка и грешные помыслы ваши.

Ох и весело у них было! И бабы, словно из модельного агентства. И чудовищные твари из глубин ада. И вертлявые попрыгунчики с рожками и хвостами. Всякого недоброго добра было там. Впрочем, и экономисты там тоже были. В блютуз-колонке жидко матерился Шнур, а в перевёрнутом колоколе варилось что-то с запахом вина и гвоздики. Да, грог там был! Это любой школьник бы определил.

Как только мы приблизились к нашим врагам на недозволенное расстояние в пять шагов, нас неприятно остановила неведомая сила, подобная магнитному полю или там магическому куполу какому.

Из толпы гуляющих злодеев к нам навстречу вышли три авторитетные фигуры. Один — кентавр с волосами, как у музыканта Агутина, но с еблом комика из «камеди-клуб». Бульдожье такое ебло, холёное.

Справа от него пританцовывал тонкими ножками длинный полуголый фрик с наколками по всему телу. Он по-лисьи стрелял глазами в разные стороны и что-то злобно жевал.

Третий был в спортивном костюме и с барсеткой на пузе. Просто среднестатистический торговец с вещевого рынка, правда рыжей масти и небритый. Я даже смутно припомнил, в каком ряду стояла его палатка на Петровском.

— Ну и чо? — приветствовал нас кентавр.

— А ничо, блядь, колокол верните, — за всех ответил отец Андрей.

— Что же ты, батюшка, матом-то? — взвизгнул фрик.

— Ты, пидор, заткни фонтан, — за попа ответил Патока.

— Это кто тут у нас кукарекает? — повернулся к нему расписной бес.

— Да хуле вы с ними дрочитесь! Ебашим коня! — прервал дипломатию Славка и кинулся на кентавра.

— Шара-па-ма-тыгма! — гаркнул вертлявый.

В ту же секунду наш сиделец отлетел метров на шесть от первоначального местонахождения и упал позорным образом на пятую точку. Вся компания у костра

загоготала жуткими голосами с присвистом и кваканьем.

— Упал человек, бывает, — грустно прогудел «продавец с рынка».

— Вы, это... Хватит силу свою тут казать. Знаем мы ваши чернокнижные фокусы и удивления тому нет, — вступил я в беседу как специалист. — Ваш грог в колоколе погано выйдет, только продукты переведёте. И послушайте лучше Жанну Агузарову, чем этого Шнура.

— Вот это правильный разговор, — повернулся ко мне кентавр. — Агузарова классно поёт, а колокол мы у себя оставим, вам то он на кой?

— Ты понимаешь, этот колокол есть атрибут русской православной веры, он весть несёт людям, плохую ли, хорошую ли — не важно. Но так было испокон веков и короче — традиция... — пытался я придумать что-то ослабляющее внимание врагов наших.

— Вера ваша — язычество. И колокола вам ни к чему. А мы цветмет собираем, чистая прибыль, капитализм выше всех вер и философий, — улыбаясь троллил меня конь с агутинскими волосами.

Отец Андрей достал крест и направил его на мерзкую троицу, словно в дурацком кино Тарантино. Крест тут же расплавился, как воск, и обжёг руки батюшки.

— Да они колдуют, черти ёбаные, — крикнул Славка, поднимая камень.

— Не смей ничего кидать, — повернулся я к нему. — Всегда можно договориться диалогами и взаимной вежливостью.

— Беспяткин, ты наш брат. Бросай этих неудачников и давай бухать «Старку», — опять завизжал татуированный демон.

— «Старку» завсегда можно. Но вот ваше поведение плохо выглядит на общем фоне. Бухать надо с чистым сердцем и доброй волей, а быковать — плохая идея, — сказал я, вскинув театрально руки.

— Ну и как мы мириться будем, если всё не по правилам тут? Разве что в картишки на интерес, а? — предложил кентавр.

Вся нечистая рать восторженно завывала, словно на бейсболе.

— Знаем мы ваши карты — наебалово одно, — встрял в разговор Лука. — Читали в школе.

— Так то когда было, да и сказки всё это, — ответил ему расписной.

— А вот давайте без православия и уголовщины. По самым корням пройдемся.

Священной игрой померяемся, без наебалова, — вдруг пришла мне такая дикая мысль из глубин человеческого бытия.

— В городки что ли? — уже серьёзно спросил кентавр.

— А что ещё можно предложить от начала времён? — так же по деловому спросил я.

— Борьбу и щелбаны, но это для детей, — ответил четвероногий авторитет. —

Городки — это тема.

— Ну так что, готовы скрестить биты? — наклонился я к бульдожьему еблу, подобно хоккеисту Овечкину.

Кентавр сделал глубокомысленную паузу — секунд на десять. В это время в костре трещали ветки и булькал в колоколе грог. Всё живое предпочло тишину.

— Классику. И биты свои, — уверенно произнёс кентавр.

— Чужих нам не надо. По броскам или по фигурам? — уточнил я.

— По броскам. Метать по свистку, — ответил за волосатого рыжий «торговец».

Хочу уточнить, для тебя читатель, что в городки можно играть по всякому, если это, конечно, не официальные соревнования. Для дворового варианта удобно играть на броски. То есть, вам даётся определённое количество бросков (то есть бит) и кто больше городков выбьет — тому и слава, и почёт. А проигравший идёт за пивом, как водится. В нашем случае на кону стоял медный колокол и если уж все решились, на городки-то жилить «интерес» — последнее дело, будь ты хоть Папа Римский, хоть сам Вельзевул.

Нечистые отобрали себе в команду свирепых граждан и, походу, знающих толк в городках. Кентавр и его свита добавили себе четвёртого — шестирукого крепыша, обтянутого грубой кожей зелёного цвета и лицом, списанным с жулика Мавроди, но без очков. Биты у них были классные, хорошо отцентрованные и ухоженные. Видимо, в сатанинских ущельях с городками всё было в порядке, не то что в современной России. Пробежали мы этот момент со всякими там реформами, приватизациями и коррупцией. Впрочем, городки и коррупция — вещи не совместимые, это факт.

На пустыре перед поповским домом у нас была настоящая городошная площадка с металлическими листами для «города» и старыми покрышками для заградительной зоны.

В течении десяти минут вся публика и игроки переместились на боевое поле и мы кинули жребий, кому начинать игру — то есть выходить на правый «город». Эта честь досталась бесам. После этих манипуляций весь мир вокруг перестал существовать, как часть исторического материализма. Все помыслы и хотелки погрузились в таинство великой игры славянского народа — в городки.

***

В нашей боевой команде царило небывалое волнение и ещё что-то героическое и справедливое, навроде классового самосознания. Отец Андрей в наш класс не вписывался, но был стратегически необходим. Его бросок отличался не только меткостью и силой, но и любовью к Родине. Мы тоже были не новички в игре, но любовь наша как-то подрастерялась за последние двадцать лет. Мы — это Серёга Патока, Лука и ваш покорный слуга Беспяткин.

И вот обе команды выстроились в районе кона (13 метров от «города») и судьи из числа наших (Славка и Саня Причетников) и не наших (крылатый упырь с перевёрнутым носом и синяя блядь с модельной внешностью) объявили соревнования открытыми.

Пришлось жать руки сатанинскому отродью и вежливо улыбаться. Это важные традиции и нарушать их — зло и непотребство.

Было решено делать по шесть бросков, то есть двадцать четыре на команду. Теперь каждый из нас шесть раз должен совершить исторический подвиг, а противник шесть раз подтвердить своё вероломство и гнусность. Нечистые зрители расселись на строительном мусоре, словно на мировых аренах, и мне показалось, что у некоторых в руках были омерзительные стаканы с воздушной кукурузой.

Первая фигура «Пушка». Узкая и неприятная фигура. По ней попасть с первого раза

— признак удачи.

Волосатый кентавр по жребию бросал первым. Он спокойно стал на кон, дождался судейского свистка и свирепо размахнувшись, метнул биту точно в «Пушку». Та разлетелась, словно китайская петарда, и зрители потусторонних миров взревели восторженными криками и свистом.

Кентавр вновь стал на кон (6,5 метров от «города»). Улыбаясь в нашу сторону, покачал битой — та сверкнула в свете фонаря, словно нож убийцы. Затем он неторопливо занёс руку и запустил снаряд в новую фигуру — «Вилку». И снова фигура, как в кино, разлетелась вдребезги. Но тут уж «передёрнуть колоду» не получилось. Два городка выкатились к передней линии «пригорода». А это, граждане, штраф, если что!

Забыл я вам сказать вначале, что перед квадратом («городом») существует зона, называемая «пригородом». Вот туда городки залетать не должны и вообще в сторону кона им двигаться запрещено человечеством. Потому в этом самом «пригороде» есть позорные мета для установки штрафных городков. А ещё передняя штрафная линия посыпается песком, чтобы фиксировать непопадание биты в игровую зону, дабы её не катали по асфальту всякие хитрые недоумки или новички.

Короче, команда нечистых сил получила эти штрафные. Аж две штуки!

Саня Причетников вскинул руки и рявкнул подобно льву:

— Штрафные на линию!

Синяя блядь пыталась путаться у него под ногами, но была опрокинута, словно японская ваза. Крылатый монстр опустил крылья и тихо шипел, словно кот.

Славка установил штрафные городки.

Опозоренный кентавр смущённо пожал плечами и нервно потопал копытами с поля боя. Публика зловеще притихла.

Вот начало для нас неплохое. «Вилка» ещё не выбита. Бросок за нами.

Психологически нам везло. К тому же первым из нас бросал отец Андрей.

Я посмотрел на него и почувствовал всю национальную гордость великороссов. Его взгляд был чист, как святой источник, а руки, сжимавшие биту, словно корни дуба, замерли в ожидании броска.

Свисток — и бита полетела в «город». С фырчанием и наказом предков полетела. И в какой-то момент мне показалось, что сейчас железная плита лопнет и земля разверзнется. Но Апокалепсис не случился. Чуть коснувшись «Пушки», снаряд умчался в кучу старых покрышек, словно неудачный грабитель сотовых телефонов. И опять заорали бесы! А ещё в тёмном небе прокаркали невидимые вороны, иль кто-то там другой нехороший прокаркал...

Все увидели, какое слово произнёс губами наш батюшка, но не все его услышали. Впрочем, это уже не важно было. Игрок остался на коне, а вся фигура — в «городе». Это очень плохое начало. Отвратительное даже.

Перекинувшись недобрым взглядом с кентавром, святой отец раскорячился, как Соловей-разбойник, и от плеча послал битую в чёртову «Пушку». На этот раз фигура пропала, словно и не было её. По трибунам прокатился недовольный гул, но с некой ноткой уважения.

Вот как-то так играют в городки. Это вам, блядь, не футбол с розыгрышем от центра и попыткой набить коллег из другой команды. Всё просто и сразу, как в русских сказках — без этих, как их там, витиеватостей и подлых дриблингов.

На кон ступил татуированный фрик. Исправлять ошибку кентавра пришлось таки ему. Он потряс членами и три раза вздохнул, словно перед прыжком в бездну. И вот замах, бросок и один городок был категорически выбит из штрафзоны. Но второй, чуть качнувшись, остался в «пригороде». Нечистый сладко улыбнулся. Его бита была изящна и облегчена. Он спокойно и замысловато изогнувшись убрал второй городок из штрафной зоны.

Ликовали болельщики, хмурились мы. Это было очень даже обидно. и ещё походка вертявого как бы напоминала нам, что жизнь — говно и переживать за неё не стоит. Стоит. Ещё как стоит. Патока вышел на позицию, не скованный цепями, и сплюнул в сторону врага трижды. «Вилку» он выбил словно на мастер-классе. Городки не катались и не крутились на железе неуверенным образом. Они, словно стайка воробьёв, улетели на покрышки.

— Чо, бля, нравится? — гуманно обратился Серёга к фанатам и соперникам подняв руки словно вождь.

Его освистали нечистым свистом.

Тогда он метнул биту второй раз и снёс «Звезду», подобно французской гильотине во французской же революции. Это была сильная партия. Это было феерично!

На трибунах становится тише...

Таёт быстрое время чудес.

Эти слова пронесли у меня в сердце, словно холодный игристый лимонад. Я вспомнил Олимпийского Мишку и 1980 год.

Но в это время уже рыжий «торговец» мастерски выбил «звезду» и похабно улыбаясь, ждал, когда построят пятую фигуру — «Стрелу». Её он тоже уничтожил полностью, продолжая мерзко улыбаться.

Вот такая сука-ситуация нависла над городошной площадкой. Нам нужны две фигуры, без всяких там остатков. И добыть их обязан Лука. Ну, старый конь! Не подведи товарищей! Сделай «дубль»! Вспомни Сталина, он тоже в городки играл и какую страну построил! Вспомни, Лука!!!

И наш усатый наставник вспомнил. Но не Сталина и не страну, а чёрте что вспомнил. Одна бита улетела в фан-зону, прибив по ходу пару нечистых духов. А другая не долетела даже до «пригорода».

Вот такой пиздец ждал меня перед бросками шестирукого монстра, который вот прямо сейчас выходил на кон.

— Налей-ка мне зверобойки, Славка, — прошипел я товарищу.

Пока я пил, зеленокожий «Мавроди» сражался с фаллической фигурой «Колодец». И была она снесена, как пятиэтажки в районе улицы Дыбенко в Москве, по какой-то там программе переселения. Но игрока ждала иная напасть. И имя ей — «Коленвал». Да, эта штука была хитрой, плоской и вытянутой по линии «города», словно та ещё гадюка. И шестирукий оставил в наследство команде два городка в разных частях квадрата. Это вот хорошо.

Плохо то, что мне предстояло всё решать сначала и я был в растерянности. Но по сосудам моим уже текла многоградусная сила и в голове все пазлы складывались в патриотичную картинку классового превосходства перед разбойниками и казнокрадами, перед буржуями и реформаторами всех мастей. На кон я вышел без

предрассудков и сомнений. Я помнил главное — победить зло можно только верой в человеческую доброту и исторический материализмом. Все остальные пути ложны и ведут нас в жопу рынка.

И я кинул первую палку, тьфу, блядь, битую, в «Стрелу» с придыханием и социальным посылом. «Стрела» ушла в темноту, вместе с неуверенностью в завтрашние дни. А «Колодец» я разрушил непростительно и контрреволюционно, то есть не до конца, а так себе — фрагментарно. Городки легли неприличной кучкой у правого дальнего угла в количестве трёх штук.

Позор! Какой позор! Сначала Лука, потом я! Пришлось выпить ещё настойки...

Кентавр спокойно выбил оставшиеся от «коленвала» запчасти и с гордо поднятой головой ушёл с площадки. Команду нечисти ждала геройская фигура «Артиллерия».

Это тоже сложная дрянь, но забавная — в середине командир-артиллерист, а по бокам пушки.

Отец Андрей вышел на кон вперёд бородой и без эмоций на богопросвещённом лице. Его бита летела, подобно Финисту и соколу, ясно и без греха. Потому разрушенный мною «колодец» расплескался по песку, подобно морской волне. Да и от «Коленвала» остался всего лишь один городок. Батюшка чуть задержался на площадке и наглым образом окрестил поля сражения, понимая, что в городках ни магия, ни чудотворство силы не имеет. Перед ними равны все силы — и тёмные, и светлые.

Отчаянный жест нашего священника вызвал злорадный смех со стороны бесов-фанатов.

«Артиллерию» расписной демон добил только в два захода и был страшно зол по такому поводу. Патока показал ему средний палец и что-то изобразил губами. Фрик недовольно фыркнул и выпил большую кружку грога.

Тем временем, наш наречённый Сергей (ударение на первом слоге) с первого броска удалил одинокий городок с поля безо всяких красных карточек. А вот от «Артиллерии» осталась одна пушка. Мы всё ещё тащимся в обозе. Больше Патока пальцы не показывал.

Рыжий бес снёс невыразительную и, на мой взгляд, глупую фигуру «Ракетку» с кона и «Пулемётное гнездо» («Бабушку в окошке») с полукона. Да, он был красив в игре,

этот «торговец».

Лука был пьян, сообразно возрасту, и шатаясь, поднял снаряд. Иногда он в таком состоянии выбивал всё что можно, а иногда просто падал вслед за битой. Сегодня был первый вариант. Покончив с «Артиллерией», он ликвидировал «Ракетку».

— Ха! — крикнул он и добавил. — Ха-ха-ха!!!

— Ха-халтура. Ха — ха! — странной речёвкой отозвались трибуны, но уж очень неуверенно.

Шестирукий крепыш не вписался в штрафную линию. Хорошо. Ну-ка, проеби ещё биту, зеленомордый дурак. Не помогли телепатические сеансы из моей головы.

Фигуру «Рак» он всё-таки выбил из «города», но бита скакала по железу, словно в эпилепсии, а это признак плохого броска. Впрочем, для нас всё не в пользу. Скачет бита или ложится в люлю, выбивая городки — не важно, главное результат.

Я вышел на битву неуверенно. Что-то во мне рухнуло в одночасье. Где-то внутри возле селезёнки. Надо собраться, надо вспомнить годы первых пятилеток и Гражданскую войну! Тогда на кону не какой-то там колокол стоял, а страна молодая могла погибнуть, не дав людям увидеть мир без прибавочной стоимости и великодержавных батогов. Да Павка Корчагин, да Антон Семёнович Макаренко, не квартирный вопрос и не стихи Бродского испортили нас. Обыкновенная потеря бдительности и бытовая наивность сделали из нас долбоёбов-потребителей. И пенять не на кого. Так что, соберись Беспяткин, и ввали этим адептам рынка по жопе городошной битой!

А фигуры плавно плыли вдоль горизонта и линии города. Плывите, хуле...

И я поднял биту, словно магический посох всех заклятий. Замах мой был дерзок по форме, но застенчив по содержанию. И полёт снаряда имел успех, если не сказать большего. «Рак» даже свистнуть не успел, как все его клешни воспарили над зпланетой Землёй деревянным салютом. И только один предательский городок, завертевшись волчком, лёг на железо — прямо по центру. Даже не целясь, я выбил его вторым броском и выдохнув в три груди, вышел с полукона в досаде на всё, что натворило человечество.

А кентавр с бульдожьей мордой вновь медленно примерялся к броску. Перед ним

стояли «Часовые» и охраняли неведомые миры. Это фигура знаковая, военная и упрямая. Выбив верхние городки можно остаться с нижними и наоборот. Какую траекторию выбрать, какой угол подобрать? Инженерия, блядь! Но игрок был учёный и уложил «часовых» красивым манером, наподобие Quasi adagio Ференца Листа из первого фортепианного концерта — с подворотом кисти, в диагональ.

Четвероногий уёбок, ты точно на таблетках сидишь! И теперь ты подобрался к священной фигуре «Серп»...

Все заинтересованные лица замерли в ожидании установки фигуры. И, наконец, кентавр швырнул биту в символ освобождения крестьянства. Мощно пошла она в цель и, пригладив остриё «серпа», выбила лишь два городка.

Получите, ...! У нас вновь есть шанс!

И уже отец Андрей тяжёлой поступью взошёл на кон, не забывая о кресте Голгофы. И поднял он руку свою и воззвал к Богу единому молитвой праведной. И был глас с неба ему в мозг: «Ты руку-то по оси держи от плеча до кисти, нерадивый пастырь. А то полетит бита твоя под углом грешным в геенну огненную и сгорит там напрасно!» Не дрогнул наш батюшка и слова эти принял. Были повержены «Часовые» мощной десницей в один бросок. И громом отозвался удар биты о металлическую твердь! А дальше ничего хорошего не произошло. «Серп» был неподвластен ни силам ада, ни мощи небесной. Только разбежались все пять городков по углам, словно крысы и замерли в лютой насмешке — безбожно раскатил их отец Андрей по всему «городу»...

Уже не так весело вошёл в игру вертлявый чёрт с татухами. Был он суров и не делал лишних движений. Очень осторожно занёс он костлявую руку и метнул биту, словно птицу мира голубя — нежно, красиво и метко. «Серп» был удалён с поля без намеков на восстановление.

И снова бес изогнулся немыслимым образом и, подобно пружине, сделал ещё один красивый бросок — уже в сторону очередной фигуры «Тир». Ещё не долетела бита в пункт назначения, как природную среду разорвал крик Сани Причетникова.

— Заступ, блядь!!! — оглушил он всех причастных.

Хитрый расписной резво выпрямился, словно и не было ничего. А бита в этот момент

громила «тир», подобно дикому вандалу.

— Какой нахуй заступ! Протри глаза, чудик! — дико ответил бес на грозные претензии.

В это время Славка подбежал к месту преступления и ткнул пальцем в жирный отпечаток когтистой ступни на влажной земле.

— Это чё, а? Твоя культия чёрт размалёванный, — рывкнул он и схватил нарушителя за руку.

— Хуле ты дёргаешь, тварь? — заверещал потерпевший.

Пока на место конфликта сбегались участники событий, Саня успел словить на мобильный и след, и ногу игрока.

После этого началась битва неравная, но нужная в критический момент. На Славку прыгнули сразу двое фанатов с неопределёнными формами и он таскал их на себе, как черепаха, не выпуская «расписного» из сильных рабочих рук. Отец Андрей упёрся в кентавра и тот двигал его к старым доскам с ржавыми гвоздями, словно танк, по пути нанося удары в голову.

В этот момент я вспомнил всё и забыл многое. Отбросив в сторону какого-то колючего упыря, я догнал кентавра и чётко произнёс: «Шара-па-ма-тыгма!» Четвероногого авторитета отбросило такой мощной силой, что только доски затрещали словно хворост. Тут же мне по уху был нанесен удар свирепой силы. Но если я справился с недавним приступом депрессии, то этот удар только разжёл во мне огонь и пламень.

Лука работал крепким осиновым дрыном, словно в Шао-лине. В него же кидались дёрном модельные шмары. Патока бегал, как в американском футболе и его никак не могли схватить. Он же коварно толкал зазевавшихся духов и ставил подножки. Освобождённый батюшка бился без техники и правил. Наотмашь бил он во враждебные тела — то попадая, то мимо.

Ну, короче, нас практически отпиздили, прежде чем дважды прозвучал уверенный судейский свисток. Всё действие внезапно остановилось в пространстве и замерло во времени.

Свистел крылатый упырь с перевёрнутым носом. Это было весьма неожиданно и, я

считаю, вовремя.

— Заступ был, — спокойно сказал упырь. — Игроки способны продолжать соревнования или турнир переносится?

Вот когда наступают все истины и справедливость. Вот что такое городки!

— Конечно, мы готовы товарищ судья, — за всех ответил я.

Я знал что со мной согласятся все стороны конфликта, ибо нехуй. Нельзя, чтобы сиюминутные вспышки гнева и взаимной неприязни мешали спортивным состязаниям на таком высоком уровне. Ну, может быть, и не на совсем высоком, но всё равно нельзя мешать.

Хромые и увечные игроки обеих команд героически вышли на корт. Не важно, сколько у тебя гематом и гуманитарных претензий. Вот закончится поединок, тогда лечись и предъявляй. Это вот самый тот принцип олимпизма, созданный французом Пьером Де Кубертенем. Ну, вы помните. Сбалансированное целое качества тела, воли и разума. Сбалансированное как городошная бита, я думаю.

Впрочем Серёга Патока вышел не особо сбалансированно, но уж воли было хоть отбавляй. Он зыркал по сторонам свирепыми взглядами и олимпийски сопел.

Мощный замах, уверенная поза и красивый бросок дал нам, хоть и не павшим духом, но сомневающимся, добрую дозу уверенности. Три городка покинули левую часть «города», как те же французы Москву когда-то.

— Добре, Сергей! — вырвалось из души отца Андрея. — Истинно православен ты, друже мой.

— Не сбивай настрой, батя, — справедливо зашипел я на него.

Священник замолчал, плотно сжав губы.

В это время Патока каким-то чудовищным образом зацепил один городок и тот малодушно скатился за нужные пределы. Но один так и остался лежать на правой половине, словно младенец.

— Сглазил, — буркнул Лука, обращаясь к попу, опустившему голову.

Рыжий мастер уже покачивал битую в направлении неоднозначной фигуры «Тир». Да, тут надо бить в центр, без вариантов, но на отскоке снаряд может перескочить «стрелка». Но этого не случилось. Весь чёртов «Тир» отправился на покрышки

вместе с битой...

Да, вот как всё погано, граждане. Броски тают, очки растут. А на квадрат уже установили «самолёт». Самая лёгкая фигура, как по мне. Все городки в одной куче и главное попасть в неё вовремя, пока руки не затряслись. Но они дрогнули. Нет, не затряслись, но дрогнули. Бес-«торговец» пустил битку навесом, чтоб уж наверняка, но случился конфузный перелёт. Как через льды Арктики геройский экипаж Валерия Чкалова посетил земли американских индейцев, так и снаряд рыжего барыги, обогнув «город», встретился с пыльными покрывками. Бес вскинул руки в бессильном гневе и произнёс сокровенное:

— Блядь!

Публика загудела, словно электроподстанция. Мы же посмотрели на Луку, как на патриарха. Он же на нас не смотрел — он ступал на тропу метафизической борьбы за физический артефакт из города Тутаева, отрешаясь от всех и вся.

То, что его покачивало и гордые усы потеряли симметрию, ни о чём не говорило.

Старый мастер пилы и топора отрёкся от реального мира и действовал в глубоком подпространстве. На этот раз он метал битку с замысловатым подвывертом и она, вращаясь подобно лопастям вертолёта, опустилась точно в «город», круша всё что там находилось, включая одинокий городок, оставшийся от «серпа».

— Й-е-есть! — пискнул Патока, играя кулаками, и подпрыгивая.

А Никита Лукашенко, словно монах какого-то там ордена, стоял на кону недвижим и тих. И вот «Тир» бесами установлен. На трибунах кто-то нервно жевал кукурузу. Казалось, само небо стало густым и похожим на пластилин.

Лука бросил свою последнюю битку и схватился за сердце. Усы его шевелились сами по себе, а битка снесла «Тир» легко и непринуждённо. Как в кино!

Мы отвели слабеющего плотника к скамейке и дали валидол. Он выполнил свою задачу, теперь ему почёт на многие лета. Отец Андрей остался с ним, а мы с Патокой вернулись к площадке.

Зеленокожий упырь манипулировал своими шестью конечностями, перебрасывая битку, словно определял какая из рук способна на городошные подвиги. Походу он сам запутался в этих руках и, плюнув в траву, выбрал среднюю (между верхней и

нижней). Перед ним в двух «городах» стояли «Самолёты» и это щекотало нервы. Но бросок был хорош и почти результативен — всего один городок остался на металле. Шестирукий нервно схватил вторую битку и отправил её исправлять ошибку первой. И она её исправила, но... Да было одно беспощадное «но». Два коротких свистка — «потерянный бросок», штраф. Да, граждане, «потерянный бросок». Это вот, когда ты взял и спешным образом метнул снаряд до разрешающего свистка. Бывает такое в запарке, да. Но — нарушение правил, блядь, нарушение правил. Верните городок на законное место, господа!

— Долбоёб! — синхронно и многогласно раздалось с трибун и из стана противника. И мы были с этим согласны. Спешка — плохой помощник в спортивных делах, да и в бытовых тоже. Налили тебе, к примеру, стакан портвейна, а ты взял и влил его в себя, словно стакан пива. Ни уважения тебе, ни жалости в таком случае. Также и в строительстве, и в ебле, да и в любой общественно-политической деятельности спешить — только людей смешить.

Но вот мне отвлекаться на всю эту суету не стоило бы. Мой «Самолёт» ещё на аэродроме, он готов к полёту, но ключи на старт у меня. Да, у меня в руках кизиловая битка и шанс из двух заключительных бросков. Решающих, я бы сказал, бросков. Вы представляете, что я чувствовал у себя за спиной! Какие дыхания и надежды! И я таки метнул битку. С силой и без примерок. Так спокойней. Фигура разбежалась по сторонам мира, но результат вышел ещё позорней, чем у предыдущего игрока. Проклятый традиционный одинокий городок медленно вкатился в «пригород» и остановился на штрафной линии, посыпанной песком. Это вот беда. Это вот непруха...

Теперь злосчастный городок установили на расстоянии двадцати сантиметров от штрафной линии, на специальной черте. А вот скажите мне, как попасть по нему не задев этого чёртова песка с линии, даже с полукона? Это унижительная процедура и сводит всю нашу игру на нет. При равном количестве фигур придётся мутить дополнительные броски, ну типа пенальти в футболе. А это плохая лотерея для неподготовленных.

Но я об этом уже не думал. Я просто видел перед собой цель и решительно не

допускал каких либо промахов. Я просто понадеялся на силу и равновесие. Да так на стройке я кидаю инструменты на второй этаж — прямо в руки напарнику. И это уж его дело — ловить или уворачиваться. Зато время экономится.

Все хмельные силы я вложил в этот бросок, все законы физики и преданность социалистической идее. Ну, вот подумайте сами, могло бы всё это просто так проебаться, как в 1991 году? Да ни разу не могло! И не проебалось!

Бита снесла штрафной городок ювелирным способом. Набивным металлическим краем свергла она его с горизонтального трона металлического листа. Как-то так выглядит настоящая революция!. Как-то так меняются общественные формации! Как-то так люди приходят к равенству и братству! Через городки, возможно.

Ну, уж что творилось за пределами моего полукона, я описывать не буду. Восторги и проклятия, оскорбления и осанны, танцы и обмороки. Всяко творилось там, куда я только-только направлялся для принятия наградного стакана. Мы выбили семьдесят городков с двадцати четырёх бит, бесы шестьдесят девять. Пусть до «Письма» мы и не добрались — но это победа! Наша победа! Пора открывать шампанское!

***

Пока я пил, отец Андрей объяснял кентавру, что красть нехорошо и богопротивно. Кентавр слушал с кривой усмешкой на лице, но пару раз мотнул «агутинскими» волосами. Злые духи бесцельно бродили по округе во хмелю, а четверо гориллоподобных монстра, выплеснув остатки грога из колокола, тёрли его внутренности пучками травы. Модельные бляди сидели на бревне, опустив лохматые крашенные головы в землю и, похоже, плакали.

Быстро отошедший от сердечного приступа Лука закусывал «зверобойку» луком, а Патока целовал свой новёхонький крестик. Вся эта картина запомнилась мне именно такой, а то, что было дальше не запомнилось вовсе. Ну, не то чтобы совсем не запомнилось, но частично.

Главное — колокол, благодаря победе в городках, вернули.

Некоторых нечистых я потом иногда встречал — то на митингах, то в облсовете, то на рынке вещевоm...

***

Но вот ещё что я помню из той ночи.

Сидели мы опять на крыльце отца Андрея в предрассветном тумане и допивали хмельные напитки, закусывая их вяленным мясом и зеленью.

— Вот ты, Беспяткин, скажи, почему Бог мне ответил, а ты говорил, что Господа нет? — спрашивал меня батюшка.

— Ответил, потому что ты развернулся, словно саксаул наперекосяк и руку, согнул, как баба. И уверен ли ты, что слова Всевышнего то были? — извернулся я в попытках сохранить в нём веру православную. Ведь не буду же я говорить, что...

А ещё мы пели «Подмосковные вечера» и чистили городошные корты. Разрушенную часовню было решено восстановить, но всё упиралось в «бабки», а это от нас не зависело. Отец Андрей клялся, что «нагнёт» епархию, но мы сомневались. Чего по пьяни не скажешь.

А когда пришёл рассвет и запели ранние птахи, мы разбрелись по дому в поисках спальных мест. И сон пришёл ко всем нам, как награда, как диалектический виток материального мира. А всякие там потусторонние дела уплыли за пределы сознания во тьму и забвение. И только городошные биты стояли в углу, подобно древним часовым, охраняя род людской от ошибок и заблуждений, от дурных поступков и «потерянных бросков».

Запой

В начале было пиво. И пива было много. А после пива был мох. И мох на древе рос, что суть добром и злом было. И во мхе том утонули нос мой, пальцы и грехи прошедшей ночи. И проснулся я когда солнце тучами сокрыто было. И видел я рядом другое древо с порезами глубокими. А сосуд что на коре его креплен был, имел в себе влаги до краёв. И была та влага соком из земли. Из тверди поднялись те воды и в них сила была.

Только во мне силы не было, пока не испил я предложенного мне Богом. И увидел я, что это хорошо. И пошёл по траве к свету. Но обманом был свет тот. Сияние ложного цвета жёлтого было от колесниц коммунальных служб, а не от храма с винами и пищей для тела и духа. Но ищущий всегда будет вознаграждён. И случилось так.

Через два квартала пришёл я к амвону, где жрец указал мне на истину и покаяние. И выбрал я покаяние, потому что денег у меня было мало. Деньги — тлен, но не грех сотворённый. И был обмен сладостен и глотки жадными. А в душе Огонь сменился Эдемом. Стало светло округ и птицы спели осанну миру. Вот после этих песен и позвонил я тем, кто ранее потерян был и рассеян по Земле в беспорядке. И собрал я апостолов по мобильной связи на тайную вечерю. И знал я что опять предан буду и наказан за грехи людские. Но иного пути для веры нет. Только испытание и проклятия. Только воздержание и похоть, разбитые скрижали и Великий исход. На такси, в жилища многоэтажные отправился я, чтобы увидеть людей запутавшихся в поступках своих и посягнувших на святость ложа владыки.

Развратники и вином ослеплённые — я иду к вам с благой вестью! Без денег иду и без смыслов всяких. А уж вы приготовьте и стол и угощения, ибо долг ваш огромен, а дни сочтены.

Когда пришёл я к ним, то увидел тех женщин. И были они красивы и были они внимательны к словам моим. А слова мои были ещё красивей и ещё внимательней.
— Налейте в граали вин от лозы светлой и молитв речь не надо — сказал я людям.
— Уже налили, уже подняли и ни слова во славу — ответили люди.

Пили мы то вино без скорби и пустоты душевной. Наоборот, в радости и улыбках

творилась трапеза. Играла музыка в кельях и звук тот был хорош. Ни Лободой, ни Эджеем волновались души наши. Ни IC3PEAK, ни Little Big вещали слова веры истинной. Мы танцевали под Messer Chups и Шаде. И танец сей был мыслим и волнителен до крови из носа.

А когда в окно постучали из высших сфер мы не заметили того. И стекла разбили ангелы и приказали следовать прочь из города. И чтоб не оглядываться — говорили они. Но никто не слушал ангелов и ушли те во гневе, забрав свои соляные столбы и молнии. А мы остались улыбаться друг другу и было это хорошо.

— Я блевала с балкона — говорила нам дева в красных трусах.

— Все блевали с балкона и заткнись ты уже — отвечали ей.

И она заткнулась. А мир пошёл дальше, подпрыгивая и лицедействуя. И мы с этим миром отправились в тёмные углы разврата и похоти. А там пылали огни адовы и серой воняло. Но человеку только этого и надо. Человеки живут этим и ждут этого. А больше им ничего ждать не приходится, до той поры, когда проснуться они нагими в лесу или в поле. Вот только тогда можно понять истину, но не следовать ей. Потому вера зыблема и ненадёжна. Как рассудок и государство. Но прочь эти мысли! Нам ещё до утра вино пить и спорить о Конституции. Нам ещё толкаться в подъезде кулаками и говорить женщинам слова приятные. Так всегда было так и будет, пока бесы не придут по наветам злобным. А уж там весь хаос и закончится. Кому-то крылья оторвут, кому-то хвост отрежут. И страданием полниться Земля будет и кровью изойдут народы не крещённые в Иордане. Всё закончится в подземельях, где со стен влага сочится и эхо в испуге по коридорам бежит.

— Ухожу от вас — говорил я тем, кто утро ждать будет.

— Ну и уходи глупый человек, нам и без тебя есть кого на крест прибить — отвечали мне люди.

И я побрёл с сосудами в обеих руках по пустым дорогам в надеждах и чаяниях.

Воздух толкал моё лицо мягкой силой и правил путь. И путь этот извилист был и полон грешных удивлений. Ведь мы рождены для удивления. И когда я проснусь под деревом или на лавочке, то снова удивлюсь чему-то. А потом... А потом достану

смартфон со слабеющей батареей и посмотрю «контакты». И список знакомых имён снова закружит судьбу в волшебное кольцо многодневного запоя.